

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ –
УЧЕБНО-НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС»

С. М. Санькова

**ДВА ЛИЦА «НОВОГО ВРЕМЕНИ».
А. С. СУВОРИН И М. О. МЕНЬШИКОВ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ**

Орел 2011

УДК 947"19"
ББК 63.1(2) 53-8
С 18

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект 10-01-00040а

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Центра по разработке и реализации
межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов
Российского государственного архива социально-политической истории
(РГАСПИ)
А. В. Репников

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Философия и история»
ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК»
Д. В. Аронов

Санькова, С.М.

С 18 Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии: научная монография / С. М. Санькова. – Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2011. – 224 с.

Данная научная монография посвящена историографии общественно-политических взглядов издателя и одного из ведущих сотрудников газеты «Новое время» А. С. Суворина и М. О. Меньшикова. Историографический анализ отечественного и зарубежного массива работ по избранной теме позволяет автору позиционировать исследуемые персоналии в качестве идеологов российского государственного национализма. Работа адресована историкам, политологам и всем, кто интересуется общественной жизнью России XIX – XX вв.

УДК 947"19"
ББК 63.1(2) 53-8

© ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2011

Автор выражает особую признательность
Валерию Васильевичу Журавлеву,
Александру Витальевичу Репникову,
Александру Давидовичу Степанскому,
Валентину Валентиновичу Шелохаеву
за моральную и интеллектуальную поддержку,
оказанную в ходе написания этой книги.

ВВЕДЕНИЕ.

А. С. СУВОРИН И М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ИДЕОЛОГИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Последняя четверть XX века для российской исторической науки стала периодом всплеска интереса к отечественной политической истории. При этом значительное внимание исследователей первоначально было направлено на разработку либеральной составляющей политического спектра общественной жизни России XIX – начала XX вв. как наиболее отвечающей духу и целям проводившихся в этот момент в стране преобразований, что породило определенную идеологическую моду. Последовавший затем государственно-политический кризис заставил по-иному взглянуть на личности и идеи представителей российского консерватизма. В 1990-е годы о своей приверженности к различным идеологическим константам русского консерватизма заявляли самые различные политические деятели¹. В 2008 г. в выступлении на X съезде «Единой России» Б. В. Грызлов прямо обозначил, что «идеология «Единой России» - российский консерватизм»². Отечественные исследователи и политтехнологи уже давно обсуждают реальность «консервативного проекта», его востребованность в современной России и политические перспективы³.

О повышении интереса к данной проблематике свидетельствует и ряд диссертаций, защищенных только в последние несколько лет в

¹ См.: Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С. С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история 2001. № 3, С. 105 – 109; Он же Парадоксы русского консерватизма // Россия XXI. 2003. № 1. С. 173 – 175.

² Центр социально-консервативной политики. М., 2009. Вып. 9 (Российский консерватизм – идеология партии «Единая Россия»). С. 78-80. См. также посвященный российскому и европейскому консерватизму трехтомник: Библиотека Единой России. Кн. 1. Идеи; Кн. 2. Люди; Кн. 3. Действия. М., 2003

³ См., например: Токтамысов С. Ж. Консерваторы в США и России на рубеже XX – XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007; «Консервативный проект» для России. «Круглый стол» журнала «Москва» // Москва. 2007. № 5.

области истории, философии, социологии и политологии⁴. О степени востребованности в настоящее время истории отечественного консерватизма свидетельствует и появление историографических исследований, посвященных этому вопросу⁵.

⁴ Монастырских Г. П. Социология русского консерватизма. Дис. ... доктора социол. наук. Северодвинск, 2003; Машенцев Д. А. Демократия в интеллектуальной традиции российского консерватизма и перспективы неоконсерватизма в политических процессах современной России. Дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2004; Белов А. В. Органицистская концепция культуры в философии русского консерватизма. Дис. ... доктора филос. наук. Ростов н/Д., 2004; Лебедев С. В. Система ценностей философии русского консерватизма второй половины XIX в. Дис. ... доктора филос. наук. СПб, 2004; Начапкин Н. М. Эволюция российской государственности (XIX – нач. XX в.) и ее отражение в консерватизме. Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004; Архипов С. Н. Социально-философский анализ консерватизма. Дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2004; Честнейшин Н. В. Проблема человека в социальной философии русского консерватизма. Дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2004; Тронина Е. Г. Идеино-политическая эволюция консерватизма и его роль в политической жизни современной России. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; Корендясева А. Н. История эволюции российского консерватизма в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Быховец М. В. Мифологические основания русского консерватизма. Дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2006; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Дис. ... доктора ист. наук. М., 2006.

⁵ Репников А. В. Особенности современной историографии российского консерватизма // *Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени: сборник статей к 90-летию со дня рождения М.Г. Седова*. Воронеж, 2005. С. 37 – 60; Он же. Российский консерватизм в зеркале отечественной историографии (1992–2002 гг.) // *Армагеддон: Актуальные проблемы истории, философии, культурологии*. М., 2003. Кн. 13 (октябрь–март). С. 7 – 27; Он же. Проблемы историографии правомонархического движения в России // *Российские университеты в XVIII – XX веках: Сборник научных статей*. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 65 – 81; Он же. Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы // *Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук*. 2008. № 3. С. 27 – 45; Он же. Русский консерватизм: фальсификации, ошибки, плагиат (историографический аспект проблемы) // *Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвященной памяти и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина*, 17–19 сентября 2008 г. Рязань, 2009. С. 94–113; Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // *Консерватизм в России и мире: В 3 ч.* Воронеж, 2004. С. 50 – 61.

В 2010 году в издательстве РОССПЭН вышла в свет первая научная энциклопедия, посвященная русскому консерватизму⁶. Среди более чем 260 статей, вошедших в фундаментальное издание, есть и статьи, посвященные А. С. Суворину (автор А.Ю. Минаков), М. О. Меншикову (авторы А. В. Репников и С. М. Санькова) и «Новому времени» (авторы Т. А. Абрамова, А. А. Иванов).

В настоящее время можно уже говорить о «моде» на консерватизм. Однако, разработка данной темы ведется преимущественно по пути количественных накоплений⁷. Историографический анализ разработки темы консерватизма в отечественной исторической науке, проведенный К. Сулимовым, показывает, что до настоящего времени остается открытым вопрос о критериях определения данного понятия. «Порой вообще возникает сомнение в том, – указывает исследователь, – что есть единая для всех носителей русского языка семантическая матрица слова «консерватизм» или что ее можно четко зафиксировать, – настолько велика смысловая дифференциация этого понятия в процессе его конкретизации»⁸.

Активная разработка вопросов российского консерватизма с неизбежностью вызвала потребность в дифференциации этого представлявшегося советским историкам довольно единым направления. Первым важным шагом на этом пути стало выделение в левой умеренной части консерватизма так называемого «либерального консерватизма»⁹.

⁶ Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев, Отв. секр. А.В. Репников. – М., 2010. – 640 с.

⁷ Подробный анализ отечественной историографии консерватизма за период 1990-х – начала 2000 гг., подтверждающий данное утверждение, см.: Сулимов К. Тема консерватизма в научно-исторических представлениях // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 315 – 340.

⁸ Сулимов К. тема консерватизма в научно-исторических представлениях // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 320.

⁹ Филиппова Т. А. Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза // Преподавание истории в школе. 1995. № 1. С. 2 – 6; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001; Бердин А. Т. Социально-философская концепция либерального консерватизма и ее роль в духовном возрождении России. Дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2004; Иванцова О. К. Философия либерального консерватизма: П. Б. Струве: (опыт историко-философского анализа). Дис. ... канд. философ. наук. М., 2003; Пономарева М. А. П. Б. Струве в эмиграции. (Развитие концепции либерального консерватизма). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2004; Федорова М. С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20 – 40-х гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

Как отмечала еще в 1995 г. Т. А. Филиппова в работе, посвященной анализу либерально-консервативного синтеза в российском реформаторстве, в российской практике второй половины XIX – начала XX вв. «задачи консервативной стабилизации лучше достигались либеральными методами реформирования, а либеральные пути обновления и модернизации надежнее осуществлялись, будучи снабжены "предохранительными механизмами" консерватизма»¹⁰.

Суть явления либерального консерватизма кратко можно охарактеризовать следующими тезисами. Проведение реформ, поддерживаемое в первую очередь либералами, невозможно без стабильности в обществе и жесткой законности на всех его уровнях (ибо если не исполняются законы уже существующие, то не будут исполняться и вновь принятые, и в этом случае теряется всякий смысл реформ). Общественная стабильность, в свою очередь, выступает главным камнем преткновения консерваторов, и ради ее сохранения они готовы принять некоторые реформы. То есть, с одной стороны, можно выдвинуть лозунг «Стабильность для реформ», а с другой – «Реформы для стабильности». Эти две взаимообусловленные формулы и являются основанием для взаимодействия либерализма и консерватизма и появления на этой почве «либерального консерватизма». Сочетание в нем – в той или иной пропорции – двух вышеприведенных формул и диктует кажущееся метание представителей этого сотканного из полутонов направления справа налево и наоборот.

Когда ситуация в стране угрожает выйти из-под контроля, либеральный консерватор согласен на реформы, причем степень последних полностью диктуется их способностью в перспективе вернуть государство к нормальной деятельности. В то же время, когда деятельность государства восстанавливается, он требует «притормозить реформы» для того, чтобы, образно говоря, провести тщательный осмотр всего государственного механизма с целью выявления внутренних неполадок, которые, по его мнению, во-первых, и были причиной предшествовавшего реформам «кризиса», а во-вторых, не позволят эффективно провести те реформы, на которые данный «кризис» подвиг государство.

Анализ либерально-консервативной парадигмы применительно к теме монографического исследования имеет особую значимость. Ввиду отсутствия в современной отечественной исторической науке

¹⁰ Филиппова Т. А. Указ. соч. С. 2.

единого понимания ее сущности, следует обратить внимание на специфику терминов «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм», которая заключается в том, что понятие, несущее основную смысловую нагрузку, стоит на втором месте, а термин, определяющий лишь оттенок исповедуемых взглядов – выступает на первый план, невольно обращая на себя внимание. Мы предлагаем различать эти два понятия как описывающие достаточно отстоящие друг от друга мировоззренческие и социально-политические позиции. Отсутствие подобного разграничения приводит к настораживающей широте использования в настоящее время термина «либеральный консерватизм» в контексте политической и культурной жизни России начала XX века. В современной отечественной историографии элементы либерального консерватизма находят в деятельности почти всех политических течений – от кадетов слева до русских националистов справа. Такое широкое использование данного термина размывает и девальвирует его.

В контексте данного дискурса автор предлагает в качестве одного из течений российского либерального консерватизма выделить «государственный национализм». Разработка данного понятия представляется актуальной ввиду того, что именно «национальная составляющая» отечественного консерватизма оказалась «на периферии исследования» российской исторической науки¹¹.

Понятие «национализм» в настоящее время становится одним из наиболее часто употребляемых в различных общественно-политических дискуссиях. При этом оно имеет весьма широкий спектр толкований, доходящий до диаметральных противоположностей. Несомненно, у национализма как общественно-политического явления есть множество оттенков и нюансов, каждый из которых нуждается в определении в собственных терминах. Как отмечают отечественные политологи, «в России и за ее пределами произошло много событий, совершенно по-новому поставивших вопросы о «национальном интересе» нашей страны и о концептуализации «национального» и «государственного» интересов как таковых»¹². К сожалению, разработке вопросов русского национализма в дореволюционной общественно-политической мысли отечественными историками уделя-

¹¹ Сулимов К. Тема консерватизма в научно-исторических представлениях // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 332.

¹² Национальный и государственный интерес в современной мировой политике // Полис. 2000. № 1. С. 7.

ется меньше внимания, хотя в смежных гуманитарных областях данная проблематика уже находит своих исследователей¹³.

В настоящее время в мире наблюдается двойственное отношение к национализму как явлению. С одной стороны мы видим тенденцию к глобализации, к экономическому, политическому, культурному объединению. К примеру, если еще в прошлом веке понятие «Западная Европа» имело только этно-культурное значение, то теперь оно обрело и конкретное политическое звучание в лице Евросоюза с единой валютой, границами и формирующимся правовым полем. Схожие тенденции наблюдаются в ряде стран Ближнего Востока и Латинской Америки.

В то же самое время национальный вопрос не отступает перед тенденциями глобализации, но, напротив, обостряется, хотя и в новых формах, становится все более актуальным. Это проявляется не только в создании «молодых» государств и «параде суверенитетов» на постсоциалистическом пространстве. Даже в таких государствах Евросоюза как Англия, Германия, Франция, Испания с, казалось бы, давно устоявшимися межнациональными отношениями, именно национальные (этнические) интересы становятся часто непреодолимым препятствием при решении тех или иных государственных и даже общемировых проблем. События последних десятилетий дали повод говорить об «этническом ренессансе», или «этническом парадоксе» современности, так как «почти все сформированные в прошлом доктрины и идеологии (и либеральные и радикальные) дышали уверенностью, что межнациональная рознь, тем более в варварских ее формах, постепенно должна уходить в прошлое под напором интернационализации экономики и культуры»¹⁴.

Необходимо трезво осознать, что национализм в настоящее время является реальным препятствием на пути распространения по все-

¹³ Мухаметшина Н. С. Трансформация национализма и «символьная элита»: российский опыт. Дис. ... доктора полит. наук. Саратов, 2004; Дьяченко А. Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2004; Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 24 июня 2002 г.) // Новое литературное обозрение. 2002. № 5; Малинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX начало XX века). М., 2000; Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России. 1825 – 1921. М., 2002.

¹⁴ Политология: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Лавриненко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 344.

му миру политической системы «свободной демократии», как в свое время он был препятствием к экспорту «русского коммунизма». Ведь так называемые «общечеловеческие ценности», по сути, являются стереотипом поведения, выработанным в конкретных странах в конкретный период их исторического развития, а не «средним арифметическим» суммы всех подлинно мировых нравственных, социальных и политических установок. Именно поэтому «общечеловеческие ценности» справедливо воспринимаются теми народами, которым они навязываются в виде базовой модели общественной жизни, не как цель, а как средство осуществления национальных интересов тех стран, которые эту модель экспортируют.

В настоящее время данные проблемы разрабатываются преимущественно в политологии. В силу того, что это отрасль философии, исследование данного вопроса здесь проводится зачастую в оторванности от конкретно-исторической почвы. Хотя лучшие из исследований как раз апеллируют именно к истории.¹⁵

Вслед за политологами интерес к данной теме стали проявлять и историки. Важным этапом в данной связи является коллективная монография «Россия: государственные приоритеты и национальные интересы», в которой впервые в отечественной историографии государственная стратегия России и СССР середины XIX в. - начала 80-х гг. XX в. анализируется с позиций национального интереса. Хотя, как отмечали О. В. Волобуев и В. В. Шелохаев во введении к данной работе, понятие «национальные интересы» применительно к императорской России довольно условно¹⁶, подобный подход является весьма продуктивным для понимания процессов, происходивших в нашей стране в последние столетия. Слабость самодержавия и государства в целом в предреволюционный период, как нам представляется, во многом обуславливалась именно отсутствием четкой модели развития страны в рамках осуществления общенациональных интересов. По сути, и либеральное и революционное движение в России представляло собой поиск этой модели вовне, в тех государствах, где она была четко оформлена и осуществлялась на практике. Именно калькирование зарубежных моделей и либералы и революционеры считали отвечающим интересам российского государства, видя в нем подлин-

¹⁵ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

¹⁶ Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 3.

ный национализм и патриотизм. Поиск модели, отвечающей национальным интересам, внутри страны представлялся им бесполезным и трактовался как пагубный консерватизм, тождественный реакции. Для правых политических сил, в свою очередь, предлагавшиеся либералами модели представлялись столь губительными для России, что борьба с либеральной идеологией уже сама по себе являлась для них основным национальным интересом. Очевидно, что наиболее продуктивной в данной ситуации становилась центристская позиция либерального консерватизма.

К сожалению, в современной исторической справочной литературе все еще встречается односторонний негативный взгляд на национализм как общественно-политическое явление. Так, составленный В. С. Симаковым словарь исторических терминов, вышедший под редакцией доктора исторических наук проф. А. П. Крюковских, определяет национализм как «политику и идеологию в области отношений между нациями, связанную с пропагандой исключительных прав так называемого коренного населения данного государства или местности в ущерб интересам и правам представителям других национальностей, проживающих на той же территории, либо пропаганду национальной исключительности отдельной национальности и создание для нее льгот и преимуществ в расширении гражданских и политических прав»¹⁷.

Мы полагаем, что национализму нельзя дать либо исключительно положительную, либо негативную оценку, но это понятие можно использовать как инструмент, без которого историку никак не обойтись при изучении этого феномена. На наш взгляд, в первую очередь необходимо разделить национализм народов, входящих в состав государств с полиэтническим населением и стремящихся в той или иной степени к самоопределению, и национализм как самосознание нации в рамках единого государства. «Одним из коренных отличий этих двух видов национализма является то, что в первом случае национализм выступает как сила, стремящаяся к разрушению государства, в котором она существует (хотя при этом и предполагается создание нового образования), то есть как сила в первую очередь деструктивная, а во втором случае национализм стремится всеми силами

¹⁷ Национализм // Словарь исторических терминов. Составитель В. С. Симаков. Под общей редакцией доктора исторических наук проф. А. П. Крюковских. — СПб.: «Лита», 1998. С. 183 – 184.

сохранить существующее государственное образование»¹⁸. Национализм во втором его значении можно, на наш взгляд, классифицировать как «государственный национализм».

В современной отечественной политологии наряду с часто имеющими место односторонними определениями национализма как однозначно негативного явления¹⁹ встречаются подробно разработанные системы классификации национализма, в которых в качестве положительного направления выделяется «государственный (или гражданский) национализм»²⁰. Как правило, такие классификации опираются на зарубежный опыт, что не случайно, так как степень разработанности темы национализма в Западной Европе и Америке на настоящий момент довольно высокая²¹.

В силу вышеуказанной причины термин «государственный национализм» в историческую науку был введен так же зарубежными исследователями. В современной зарубежной историографии история России XIX в. рассматривается в первую очередь как история империи. При этом, как отмечает один из историографов М. фон Хаген, данный процесс происходит на фоне «переосмысления идей «национального государства» и национализма»²². Рассмотрение государственности России в первую очередь в этой плоскости привело к появлению в зарубежной исторической науке терминов «имперский национализм»²³ и «государственный национализм»²⁴.

¹⁸ Санькова С. М. Век русского национализма. (Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX – начала XX вв.) // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. М., 2003. С. 34.

¹⁹ Политология: Энциклопедический словарь / Общ. Ред и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – С. 195 – 197; Алексеева В. А. Национализм // Социальная философия. Словарь. М., 2003. С. 263 – 264; Козлов В. И. Национализм // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 313.

²⁰ Тишков В. А. Национализм // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 39 – 41; Он же. Национализм // Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 27 – 29.

²¹ Подробнее см. об этом: Смит Э. Д. Указ. соч.

²² Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. С. 19.

²³ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск, 2000. С. 322.

²⁴ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 498.

Наиболее разработанным последнее понятие является у Э. Хабсбаума, который пришел к выводу о том, что идеи единства нации использовались российским правительством как новый способ поддержания государственной стабильности в конце XIX в. «Идея "нации", - отмечал он, - стала новой религией государства».²⁵ Под понятием «государственный национализм», исследователь подразумевал государственную политику, направленную на укрепление национального патриотизма и формирование «однородной массы граждан, гомогенизированной... в лингвистическом и административном отношении»²⁶.

К сожалению, в отечественной исторической науке термин «государственный национализм» пока практически не используется, хотя сочетания таких характеристик как «государственник» и «националист» применительно к отдельным историческим личностям встречается довольно часто. Нам представляется, что перенесение термина «государственный национализм» на конкретно-историческую почву позволит наполнить его определенным историческим содержанием и тем самым будет способствовать его конкретизации. В то же время, использование данного термина в истории будет содействовать более точному выделению определенных граней общественно-политической жизни России, как в прошлом, так и в настоящем, что в целом приведет к более глубокому пониманию процессов, происходящих в духовной и идеологической сферах российской действительности.

На наш взгляд, с исторической точки зрения основную характеристику государственного национализма можно определить как *отстаивание приоритетов государствообразующей нации не столько ради нее самой, сколько ради общегосударственных интересов в целом*. Данная нация рассматривается приверженцами идей государственного национализма в виде основной цементирующей силы государства как единой территориальной, общественной и политической целостности. При таком подходе дополнительные права, которые они требуют для данной нации, являются своеобразной компенсацией за дополнительные обязанности, исторически принятые ею на себя в ходе строительства российской империи. Принципиально важным моментом является то обстоятельство, что отстаивание интересов титульной нации, по мнению государственных националистов, должно проходить исключительно на уровне верховной власти посредством принятия соответствующих законов и слежения за их неукоснительным соблюдением. Подобные действия правительства призваны были

²⁵ Хабсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов н/Дону: Издательство Феникс, 1999. С. 219.

²⁶ Там же. С. 221.

решить проблему стихийных межэтнических столкновений, создавая условия для того, чтобы межнациональные противоречия разрешались исключительно на юридическом уровне. Само же отстаивание интересов русского народа в рамках государственного национализма велось не по пути требований для него особых привилегий, а в русле борьбы с такими привилегиями для других народов, входящих в состав Российской империи.

Политическую оформленность идеи российского государственного национализма получили с возникновением в 1909 г. партии русских националистов – Всероссийского национального союза. Одним из идеологов этой партии являлся известный для своего времени публицист Михаил Осипович Меньшиков. Пройдя путь сотрудничества с различными изданиями, он в конечном итоге на долгие годы стал одним из ведущих сотрудников газеты «Новое время», во многом определяя лицо этого издания. Данное обстоятельство нам представляется не случайным, так как в своих политических убеждениях, прошедших определенную эволюцию, Меньшиков сходил с главным редактором и издателем газеты Алексеем Сергеевичем Сувориным. Последний с полным основанием может считаться одним из идеологических предшественников Всероссийского национального союза и выразителем идей государственного национализма. Исследованию анализа общественно-политических воззрений М. О. Меньшикова и А. С. Суворина в свете сформировавшейся к настоящему моменту историографической парадигмы посвящается данное исследование. Предлагаемая монография является логическим продолжением предыдущей работы автора, посвященной историографическому анализу взглядов издателя и редактора журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» Михаила Никифоровича Каткова как выразителя идей государственного национализма²⁷, и ставит одной из своих задач показать существование преемственности в общественно-политической позиции всех трех публицистов.

Проблемы историографии исследуемых нами личностей в отечественной и зарубежной науке практически не рассматривались. Применительно к личности А. С. Суворина можно отметить, что до настоящего времени появилось всего лишь две статьи, содержащие историографический анализ определенных сторон его деятельности. Первая представляет собой историографический обзор работ, посвя-

²⁷ М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007.

щенных истории книжного дела в России на рубеже XIX – XX вв²⁸. Касаясь историографии издательской деятельности Суворина, С. В. Белов пришел к выводу о том, что к моменту написания его статьи – 1983 г. – «уже давно назрела необходимость в создании объективной работы» о деятельности Суворина, проанализировав «весь богатейший репертуар» его книжных изданий.

Попытка показать место и роль Суворина в общественной жизни России конца XIX – начала XX века через призму историографии проблемы была предпринята в статье Т. А. Шишкиной²⁹. Констатируя сложившееся в советский период «идеологизированное партийное наследие в историко-биографической литературе», автор призывает избегать «однобокого взгляда» на Суворина, сформировавшегося под влиянием ленинской характеристики, данной в статье «Карьера». Дав беглый обзор характеристикам Суворина в дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной литературе, автор пришла к заключению о том, что до сих пор в историографии не сложилось «единого мнения» о месте Суворина в общественной жизни России. Однако автор никак не объясняла данного феномена и не пыталась раскрыть причины, побуждавшие того или иного автора давать позитивную или негативную оценку исследуемой персоналии. Подводя итог своего историографического обзора, Шишкина выдвигает недопустимо обобщенный и необоснованный, на наш взгляд, тезис о «недостаточной документированности», «приблизительности и противоречивости» суждений о Суворине в отечественной и зарубежной исторической литературе.

Личность М. О. Меньшикова в силу того, что активное обращение к ней началось только в последние два десятилетия, еще не получила историографического освещения ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Таким образом, до настоящего времени комплексный историографический анализ исследований, посвященных общественно-политической деятельности Суворина и Меньшикова ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке не предпринимался, а их взгляды не рассматривались во взаимосвязи и в контексте идеологии государственного национализма.

Основной составляющей источниковой базы монографического исследования стали труды отечественных и зарубежных историков в

²⁸ Белов С. В. Книжное дело в России в конце XIX – начале XX вв. (Историографический обзор) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. М., 1983. С. 131-149.

²⁹ Шишкина Т. А. А. С. Суворин в общественной жизни России кон. XIX – нач. XX в. С. 130 – 145.

форме монографий, статей, заметок, выступлений, тезисов, диссертаций, предисловий и комментариев к публикациям различных документов, рецензий, историографических обзоров, в которых нашла отражение заявленная проблематика. В целях более объективного и точного выявления взглядов (а зачастую и их эволюции) того или иного ученого на исследуемые персоналии мы стремились охватить весь комплекс работ конкретного исследователя, который не выходил за круг нашей темы.

Это в первую очередь исторические диссертационные и монографические исследования и сопутствующие им работы непосредственно о А. С. Суворине – Е. А. Динерштейна, Е. К. Амблер; о М. О. Меньшикове – П. И. Шлемина, П. Б. Стукалова.

Помимо работ историков, мы исследовали литературоведческие труды, в которых затрагивались взгляды А. С. Суворина и М. О. Меньшикова в интересующем нас аспекте. Как показал историографический анализ, данная группа источников представлена значительным количеством работ и вносит большой вклад в разработку исследуемой темы. Это было обусловлено интересом к дружеским и деловым связям, существовавшим между исследуемыми личностями и российским писателями. Пытаясь понять истоки дружбы «прогрессивных» писателей с «реакционными» публицистами, исследователи невольно обращались к анализу мировоззрения последних. Первым в поле зрения филологов попадает Суворин (преимущественно раннего либерального периода) и его взаимоотношения с И. С. Никитиным, Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым (70-е – первая половина 80-х гг. XX в.). Закономерным итогом этого процесса стала работа литературоведа И. Н. Соловьевой и критика В. В. Шитовой, во многом заложившая основы современного понимания Суворина как идеолога «среднего класса». Преимущественный интерес филологов к личности Суворина сохранился и в 90-е гг., концентрируясь, в основном, на его связях с А. П. Чеховым³⁰. В последнее десятилетие, наряду с сохранением тенденции изучения литературных связей Суворина, появился интерес и к взаимоотношениям Чехова и Меньшикова. При изучении их переписки всплывают характеристики нововременского публициста, дающие очень характерные и значимые штрихи к его мировоззренческому портрету³¹.

³⁰ Ганичева М. «Дорогой друг Алексей Сергеевич...» // Бежин луг. 1994. № 2. С. 151 – 175; Мироманов Т. Г. «Милостивый государь, Алексей Сергеевич...» // Вестник Сахалинского музея. 1995. № 1. С. 168 – 173; Смирнов Ю. А. П. Чехов и А. С. Суворин в Максатике. // Тверская старина. 1994. № 4. С. 83 – 85; Турков А. М. А. П. Чехов и его время. 2-е изд. М., 1987.

³¹ Бычкова Е. «Вы интересный человек» // Мелихово. Альманах. Чехов, 2003. С. 90 – 110; Мелкова А. С. Чехов в зеркале критических очерков Меньшикова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. М., 2005.

Третью группу источников составили публицистические работы дореволюционного периода, дневники и мемуары. В советской историографии при обращении к личностям А. С. Суворина и М. О. Меншикова было принято использовать исключительно критические оценки этих деятелей со стороны их политических противников, причем в весьма незначительном объеме, что оставляло вне поля зрения исследователей зачастую существенные характеристики и замечания современников, дающие дополнительные ключи к раскрытию взглядов данных персоналий. Работы, в которых давались положительные характеристики исследуемых нами деятелей вообще не принимались в расчет в силу их «панегирического характера». Между тем часто, в силу близких личных отношений авторов и описываемых личностей, в данных работах присутствуют малоизвестные детали, дающие новые дополнительные штрихи к их портретам, что в целом способствует более полному воссозданию их образов. Зачастую в дореволюционных публицистических работах встречаются оценки и характеристики, сохраняющие актуальность по настоящее время, и дающие, благодаря своей образности, дополнительные ключи к более глубокому пониманию мировоззренческих установок исследуемых персоналий. Особо, в этой связи, следует отметить статьи и воспоминания о Суворине Н. Языкова и А. В. Амфитеатрова³², о Меншикове М. А. Протопопова, М. Неведомского, П. П. Перцова³³.

Четвертая группа источников – современная публицистика. Наибольшее внимание в ней уделяется личности Меншикова, что во многом обусловлено его трагической гибелью. Данные работы, как правило, носят панегирический характер, что не лишает их историографической ценности. Акценты, которые стремятся расставить авторы этих работ с целью создания наиболее положительного образа описываемой личности, отражают взгляды и настроения определенной части современного общества, которые, в конечном счете, оказывают влияние и на заметную часть историков, обращающихся к данной теме.

³² Языков Н. (Шелгунов Н.) Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10. С. 70 – 101; Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина // Телохраниль России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001. С. 237 – 257.

³³ Протопопов М. А. Критика критиков // Русская мысль. 1900. № 8. С. 200 – 215; Он же. Публицист-идиллик // Русская мысль. 1898. № 11. С. 147 – 174; Он же. По поводу одной сердитой книжки // Русская мысль. 1899. № 2. С. 150 – 162; Неведомский М. О «мудрости кротких» (По поводу «Писем к ближнему» и других писаний г. Меншикова) // Мир божий. 1903. № 12. Отдел 2. С. 97 – 115; Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. М., 2002.

Пятую группу немногочисленную группу источников составили работы зарубежных исследователей. Обращение иностранных ученых к рассматриваемым нами вопросам до настоящего времени являлось фрагментарным. При этом М. О. Меньшиков практически выпал из поля зрения зарубежных историков. Имя Суворина, как правило, если и упоминается в работах зарубежных исследователей, то в связи с цитированием его статей или дневника в качестве наглядных иллюстраций, призванных подтвердить те или иные положения авторов. Примером такого обращения к Суворину может служить работа Уортмана. В то же время первая монография, посвященная исследованию творчества и взглядов Суворина, появилась не в России, а за рубежом и принадлежала перу американской исследовательницы Э. К. Амблер³⁴. Несколькими годами ранее ею была защищена диссертация «А. С. Суворин: от нигилиста до мракобеса, 1861 – 1881». Название диссертации и вышедшей затем монографии – «Русская журналистика и политика. Карьера А. С. Суворина» – явно указывали на близость оценок американским историком русского публициста позициям отечественной историографии советского периода, заложенным статьей Ленина «Карьера». Подтверждение этому можно найти и на страницах самой книги Амблер. Сосредоточившись на двух первых десятилетиях публицистической деятельности Суворина, Амблер рассматривала его взгляды в контексте как общей направленности изданий, в которых он сотрудничал, так и журнальной полемики исследуемого периода, включая все существовавшие на тот момент в России общественно-политические направления.

Подводя итог обзору источниковой базы монографического исследования, следует отметить справедливость, на наш взгляд, положения А. П. Логунова, выдвинутого им в ходе обзора современного состояния отечественной историографии. «Тот факт, – указывает он, – что марксизм в советской историографической культуре играл роль системообразующего начала..., привел в условиях его критики к потере ориентиров определенной частью историков»³⁵. Как показывает анализ историографии по нашей теме, этот процесс вызвал, с одной стороны, тенденцию расширения фактологической базы, с другой – поляризацию историографических взглядов на те или иные явления или позиции.

³⁴ Ambler E. K. *Russland journalism and politics. The career of A. S. Suvorin. 1861-1881.* Detroit. 1972.

³⁵ Логунов А. П. *Отечественная историческая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии.* М.: РГГУ, 2001. С. 28.

ЧАСТЬ I. АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СУВОРИН

Биографический очерк

По удивительному, а может быть закономерному стечению обстоятельств Каткова, Суворина и Меньшикова роднит не только общность взглядов на государственно-национальное строительство, но и бедность, в которой прошли их детские годы. Катков рано потерял отца и остался с братом на попечении матери, не имевшей средств и вынужденной работать кастеляншей в бутырской тюрьме. Меньшиков, о чем мы подробнее расскажем позже, провел детство в крестьянской избе, куда из-за стесненности в средствах вынуждена была переехать его семья, чтобы кормиться с огорода. Суворин провел детство в деревни, потому что был родом из однодворцев, практически ни чем к тому времени не отличавшихся от крестьян.

Алексей Сергеевич Суворин родился в 1834 г. в селе Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии. Он был старшим сыном солдата, дослужившегося до штабс-капитана, получив потомственное дворянство, и дочери протоиерея. Материальное состояние семьи, как вспоминал Суворин, ухудшалось по мере увеличения семьи (всего у Суворина было 2 брата и 6 сестер). Весь быт был крестьянский. Позже Суворин вспоминал, что любил охотиться за прусаками, которых в избе было множество – «так золотом и блестели они по потолку». Народный быт его детства, вероятно, навсегда оставил в Суворине определенный след. Не случайно З. Н. Гиппиус, в своих воспоминаниях отмечала, что у Суворина было «русское мужицкое лицо. Не то что грубое, и сказать, что в Суворине оставалась мужиковатость – никак нельзя. Но неуловимая хитринка сидела в нем; и черты, и весь облик его – именно облик умного и упрямого русского мужика»³⁶.

Начальное обучение Алексей Суворин получил у местных пономаря и дьячка. Затем он был отправлен в бобровское уездное училище, но через несколько месяцев переведен в Михайловский кадетский корпус, открывавшийся в 1845 г. в Воронеже. Здесь произошло его первое знакомство с литературой и театром. Первой светской книжкой в жизни двенадцатилетнего Саши Суворина стал роман

³⁶ Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 383.

М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», навсегда зародивший в нем любовь к истории. С четырнадцати лет Суворин стал посещать театр и участвовать в любительских спектаклях. После первого же увиденного спектакля Суворин стал пробовать писать пьесы, но, по его собственному признанию, «дело никогда не заходило дальше заглавия, действующих лиц и описания декораций»³⁷. Любовью к сочинительству, по воспоминаниям Суворина, он был обязан учителю словесности Малыгину, который много задавал сочинений и переложений стихов в прозу, «со вкусом» выбирая предлагаемый материал.

В 1851 г. успешно окончив кадетский корпус, Суворин определился в дворянский полк, ставший позднее Константиновским артиллерийским училищем. Здесь, переполняемый уже накопленным багажом и интересом к литературе, Суворин взялся за составление литературного словаря. К сожалению, эту работу ему не пришлось закончить. Упоминания Белинского, Байрона и Вольтера делали этот словарь слишком вольнодумным по мнению полкового начальства и Суворину было запрещено его продолжать. Через два года Суворин был выпущен из Дворянского полка в саперы, но отказался от военной службы и получил первый гражданский чин. Суворин мечтал продолжить образование в университете, но средств для этого не доставало, тем более что вскоре он женился.

Подобно Каткову, некоторое время преподававшему в Московском университете, Суворин пришел в журналистику с преподавательской работы, хотя и иного уровня. Образование позволило ему работать учителем истории и географии в Бобровском, затем в Воронежском уездном училище и двух местных женских пансионах. В это время Суворин подружился с известным поэтом И. С. Никитиным. Оба участвовали в издании редактируемого М. Ф. де-Пуле сборника «Воронежская беседа». Практически параллельно Суворин опубликовал две статьи в московском еженедельнике «Русская речь», издававшемся графиней Е. В. Салиас-де-Турнемир. Она обратила внимание на эти статьи и пригласила Суворина переехать в Москву для постоянного сотрудничества в издаваемом ею журнале. «Я решился не сразу, – признавался позже Суворин, – не желая менять известное на неизвестное. Но жена, отличавшаяся сильным характером, стояла за переезд, и я переехал в конце июля 1861 г. На меня возложили секретарство и сотрудничество по критической части в "Русской речи".

³⁷ Глинский Б. Б. Алексей Сергеевич Суворин. Биографический очерк // Исторический вестник». 1912. № 9. С. 11.

Это было началом моей журнальной деятельности и моих знакомств в московском литературном мире»³⁸. Там Суворин знакомится с А. А. Краевским, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, Н. С. Лесковым. Последнего, по признанию Суворина, он в то время «слушал как оракула».

Это был период увлечения Суворина либерализмом, но увлечения не столько политического, сколько романтического. «...То была весна либерализма, – вспоминал он, – когда стремления были неопределенны, шатки, когда шли продолжительные горячие споры об английской конституции, о социализме, о фурьеризме, вообще о "материях важных", когда всюду цвело, но каков был этот цвет, каковы деревья – ни один мудрец определить бы не мог, потому что и мудрецы увлекались несбыточными мечтаниями. И замечательно, что интересы насущные, например, суд присяжных, стояли гораздо более в стороне в тогдашних спорах, чем отдаленные мечты о всеобщем благоденствии»³⁹.

Параллельно с «Русской речью» Суворин печатался в изданиях демократической направленности «Современное слово», «Современник», «Отечественные записки», «Время». Однако все это были эпизодические публикации. Через год его пребывания в Москве «Русская речь» вынуждена была закрыться из-за недостатка подписчиков и, Суворин с семьей остался без постоянного дохода. Он взялся писать серию книжек «Рассказы по русской истории» в популярном изложении, но и здесь подстерегала его неудача. Две из трех написанных им работ были запрещены. Спасение пришло из Петербурга. Сразу две газеты – готовившийся к изданию «Голос» Краевского и «Санкт-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша – приглашали Суворина в свой штат секретарем.

Выбор пал на последнее издание. Е. А. Динерштейн, посвятивший Суворину единственную на настоящий момент научную монографию, так описывал эту ситуацию: «Впоследствии Суворин объяснил свой выбор принципиальными причинами. Однако все обстояло значительно проще. Приехав летом 1862 в Петербург, он обо всем договорился с Краевским. Но, как потом, оправдываясь, писал последнему, его "сбили с толку наши переговоры, вяло тянувшиеся". Поэтому, получив от Корша "деньги вперед", за день до того как пришли "подъемные" от Краевского, он изменил своему первоначально-

³⁸ Глинский Б. Б. Указ. Соч. С. 15.

³⁹ Там же. С. 20

му намерению и принял предложение редактора "С.-Петербургских ведомостей". Так, по крайней мере, он сам объяснял свое решение в октябре 1862 г. На самом деле Суворин, вероятно, вел переговоры одновременно с двумя "хозяевами" в расчете на то, где раньше получится. Выпало на Корша. Поэтому и стал Суворин либералом»⁴⁰. Нам представляется, что помимо материальных причин на выбор Суворина могло повлиять и то обстоятельство, что газета Корша уже зарекомендовала себя среди читательской аудитории, что гарантировало некоторую стабильность, в то время как издание Краевского было еще своеобразным «котом в мешке».

Суворин проработал в «Санкт-Петербургских ведомостях» 12 лет, опубликовав на их страницах более 400 фельетонов и заметок, наиболее популярные из которых – «Недельные очерки и картинки» за подписью Незнакомец. Суворин сумел придать фельетону совершенно новое звучание, сделать его более весомым и способным соперничать с другими жанрами, состоявшими на тот момент в арсенале газетно-журнальной полемики.

Популярность не означала прибавки в жалованье, поэтому Суворину приходилось подрабатывать и в других повременных изданиях. Так в «Русском инвалиде» он вел «Журнальные биографические заметки», а в «Вестнике Европы» была опубликована его статья «Историческая сатира», направленная против «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Думается, что Суворин много писал не только из простого меркантилизма, он действительно имел страсть к писательской работе. «...Я был всегда человеком искренним и любящим литературу, – признавался он впоследствии, – не ради только тех материальных средств, которые она приносит, а ради тех радостей, того горя, тех волнений, тех бессонных ночей, проводимых наедине с бумагой и пером, ради всего того, что поддерживает нравственную жизнь, что обещает и манит в будущем, что торопит жить и чувствовать и не дает ни спуститься, ни заснуть»⁴¹.

В 1866 Суворин решил собрать часть своих статей и издать отдельной книгой под названием «Всякие: Очерки современной жизни». Содержание ее было вполне безобидно, однако издание пришлось не ко времени. Книга поступила в цензуру в злополучный день покушения Каракозова на Александра II. Цензоры, как часто бывает в

⁴⁰ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 20.

⁴¹ Незнакомец [Суворин А.С.] Недельные очерки и картинки // С.-Петербургские ведомости. 1874. 29 дек.

таких случаях, решили перестраховаться. Суворин и сам, понимая, что книга «не ко времени» попытался отозвать ее из Главного управления по делам печати. Но было уже поздно. Против Суворина было возбуждено уголовное дело. Так он стал героем первого в истории русской журналистики открытого судебного процесса. В конечном счете Суворин был приговорен к трехнедельному заключению на гауптвахте. «Несмотря на этот короткий срок, – писал Суворин, – я узнал, как тяжело лишение свободы»⁴². Весь тираж был уничтожен. Лишь спустя сорок лет Суворин переиздал эту книгу, не столько ценя ее художественные достоинства, сколько в память о годах своей молодости.

В условиях ожесточения цензуры инее имел успеха и второй издательский опыт Суворина – переиздание написанных им ранее рассказов по русской истории. Однако это не заставило отказаться Суворина от планов открытия собственного издательства. Чтобы «неблагонамеренная» репутация самого Суворина не мешала делу, издательство было решено открыть на имя жен Суворин и его друга В. И. Лихачева. Издательство так же не избежало столкновений с цензурным комитетом, а когда дела, казалось, стали налаживаться, гибель жены Суворина положила конец этому проекту.

Еще за год до смерти жены Суворин с Лихачевым подготовили первый выпуск «Русского календаря» (на 1872 г.). Календарь имел успех и, несмотря на не прекращавшиеся осложнения с цензурой, Суворин сделал выпуск календаря ежегодным. Так началась его издательская деятельность. Первоначально она велась параллельно с сотрудничеством в «Санкт-Петербургских ведомостях». Однако, после передачи правительством газеты министерству народного просвещения, повлекшей смену редактора, Суворин остался без постоянного литературного прибежища. В этой ситуации он решается на приобретение собственного повременного издания.

В феврале 1876 г. совместно с Лихачевым Суворин покупает газету «Новое время». Через два года Суворин выкупил вторую половину газеты у компаньона, став ее единоличным владельцем. Интерес публики к балканским событиям и оживлению сепаратистских тенденций внутри государства, оказался решающим в направлении газеты. Национальный вопрос стал занимать важнейшее место на ее страницах. У Суворина было десять лет для того, чтобы создать газе-

⁴² Глинский Б. Б. Указ. Соч. С. 26.

ту, которая смогла бы конкурировать по значимости с «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова, а после смерти последнего в определенном смысле занять его место.

Уже в последние годы жизни Каткова правое крыло российского общественного мнения было озабочено поиском его преемника на общественно-политическом поприще. Катков не оставил «прямого» наследника, и хотя «Московские ведомости» сохранялись как издание, а в русской публицистике активно трудился целый ряд редакторов, таких как В. А. Грингмут или В. П. Мещерский, близко знавших покойного и разделявших его взгляды, но в их статьях читатель не находил ни глубины знаний, ни широты поставленных проблем, и, главное, весомости аргументов, отличавших статьи Каткова. Пытаясь оставаться верными последователями «Московского громовержца», они не учитывали важнейшего обстоятельства – как качественного, так и количественного изменения газетной аудитории. Она значительно расширилась за счет тысяч новых читателей, активно вступивших в общественную и экономическую жизнь России благодаря реформам 1860-х гг. В большинстве своем сознание этой читательской массы не было отягощено университетским образованием, и для значительной ее части Катков оставался «профессором». Но, несмотря на невысокий образовательный ценз, этот новый читатель имел активную жизненную позицию и был полон интереса к самым разным аспектам жизни стремительно развивавшейся страны. Именно за счет этого читателя тиражи периодических изданий, как в столицах, так и в провинции, стремительно росли. И именно этому читателю обязано было своим литературным положением в новой России, издаваемое Сувориным «Новое время».

«Новое время» представляло собой абсолютно новый тип периодического издания, отличающийся как техническим исполнением, так и новыми формами подачи информации. Достаточно привести лишь один пример периода войны за освобождение Болгарии, когда Суворин направил на ключевые участки боевых действий десятки своих корреспондентов, обеспечивавших газету исчерпывающей информацией, изложенной в доступной и красочной форме фронтового очерка и проиллюстрированной новинкой времени – фотографическими снимками. «Московские ведомости», как и большинство газет того времени, ограничивались лишь официально полученной из штаба армии информацией и, безусловно, проигрывали новому изданию.

Еще не будучи издателем «Нового времени», Суворин уже был хорошо известен читательской публике под псевдонимом «Незнакомец». Блистательно освоив жанр фельетона, он превратил его из второстепенной газетной статьи в самостоятельное популярное произведение. Достаточно вспомнить, что изданные отдельной книгой газетные фельетоны «Незнакомца» стали абсолютными лидерами продаж, заслонив от читателя не только современников, но и классиков. В жанре фельетона Суворин решил обращаться к читателям и со страниц «Нового времени», озаглавив редакторские статьи «Маленькие письма», что еще более сближало его с читателем.

Не получивший серьезного образования Суворин и от своих читателей не требовал большой эрудиции, но это вовсе не означало, что его статьи отличались легковесностью. Среди читателей «Нового времени» были серьезные ученые и политики, и многие сотрудники газеты были довольно известными в научной среде людьми. И все же в Суворине всех подкупало некое знание жизни, жизненная сметка, такая понятная для большинства читателей. Если Катков возвышал свой голос, чтобы быть услышанным читателем, Суворин предпочитал входить с тихим стуком, на правах старого знакомого. Ориентация Суворина на небольшого человека, нового читателя, еще помнившего свое незавидное прошлое, но с надеждой ожидающего постепенного улучшения жизни, обеспечивала газете постоянный рост тиража. По сути, тираж газеты возрастал вместе с ростом нового «среднего» человека в пореформенной России. Вместе с ростом тиража возрастало и влияние издания как внутри страны, так и за рубежом. Попытку использовать газету Суворина в своих интересах предпринимали многие видные сановники того времени, включая премьеров В. К. Плеве и С. Ю. Витте. Суворин охотно шел на сближение, если оно обещало выгоды изданию, но никогда не превращался в «карманного» редактора. Дело было не столько в принципиальной позиции журналиста, сколько в деловой сметке издателя. Суворин хорошо понимал, что именно независимый взгляд издания привлекает к нему большинство читателей и не хотел рисковать потерей доверия этой аудитории ради кратковременной выгоды.

С ростом влияния «Нового времени» все громче стали слышны голоса о появлении «нового Каткова». Наиболее ярко одним из первых эту мысль озвучил Салтыков-Щедрин в свойственной для сатирика манере: «Была свинья, будет и поросенок». Хотя Суворин, на первый взгляд, ничем не походил на Каткова, а во многом был его прямой

противоположностью, их объединяла степень влияния на общество. И «Новое время» стало таким же неотъемлемым атрибутом жизни России конца XIX – начала XX вв., как некогда «Московские ведомости». При этом сам Суворин не был близок с Катковым при жизни последнего и не стремился стать его наследником в глазах читающей публики. Более того, много лет он вел активную полемику с ним, а после его смерти – с позиционирующим себя в качестве продолжателя дела Каткова Грингмутом. Однако именно в полемике с политическими «наследниками» Каткова Суворин изложил свое видение как роли Каткова в отечественной печати, так и места, которое должен занимать редактор ведущей газеты в новых условиях. Рассуждая о том, «в чем таилась сила Каткова», Суворин утверждал, что «она таилась в его большом таланте, в его одушевлении, в его необыкновенном чутье того, что надо в данную минуту, а вовсе не в т. н. "убеждениях"».

«Можно иметь очень почтенные убеждения, - рассуждал далее он, - быть в них твердыми, как скала, и в то же время не иметь никакого значения, тогда как Катков заставлял себя слушать, и его слово проносилось, как неодолимое "внушение", и он больно бил не либералов только и радикалов, но и консерваторов»⁴³. Талантливой натуре Каткова, по мнению Суворина, были противны «шаблонные ярлыки», так как он никогда не задавался «вопросом, консервативную, либеральную или радикальную статью» он пишет. В действиях же «наследников» Каткова Суворин видел лишь «болезненное желание стать на его место и распорядиться, не понимая, каких годов усилий и какого таланта стоило Каткову, чтобы занять то положение, которое он занимал». Сила настоящего таланта публициста, по мнению Суворина, состояла в умении «"создать" вопрос, если его намечала жизнь, бросить его в публику, в правительственные сферы и возбудить горячую полемику»⁴⁴. Именно подобные методы в своей деятельности практиковал сам Суворин. Однако его неустанное желание расширить свою читательскую аудиторию приводило к размытию его общественно-политических взглядов и создавало определенные проблемы для исследователей, обращавшихся к такому значительному, но далеко не однозначному явлению в общественной жизни пореформенной России, как «Новое время» и его редактор.

⁴³ Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889-1903). С. 309.

⁴⁴ Там же. С. 310.

Глава 1. Личность А. С. Суворина в свете историографии

О неоднозначности личности Суворина, равно как и его деятельности в качестве публициста и издателя говорили, еще при его жизни, но особенно настоятельно эта мысль стала повторяться после его смерти. Так либеральный публицист А. Б. Петрищев, пытавшийся не давать верх эмоциям и быть объективным к негативно оценивавшемуся им при жизни публицисту, писал в некрологе: «Суворин, как даровитый публицист, как издатель, как крупный организаторский талант, отошел в историю с солидным активом, но и с большим пассивом. Он оставил сложный и запутанный счет»⁴⁵.

Важной особенностью отношений современников к Суворину было внимание и даже симпатии к его личности и творчеству при негативном отношении в целом к направлению редактируемого им «Нового времени». Так дипломат и журналист, придерживавшийся в целом либеральных взглядов граф Г. А. Де-Воллан в своем дневнике за 1882 г. отмечал: «бывают такие необъяснимые симпатии – например, у меня Суворин. Я всегда за него заступаюсь, хотя и знаю, что Суворин 1876 года другой, чем Суворин в 1882 году и верно будет другой, когда по его выражению, мы будем на площади кричать: "Да здравствует свобода"»⁴⁶.

Эта особенность была вызвана неординарностью личности Суворина и его публицистическим талантом, который признавали не только друзья, но и противники. Общавшийся много лет близко с Сувориным Н. С. Лесков называл его «универсальным писателем по всем вопросам»⁴⁷.

В некрологе на смерть Суворина, помещенном в «Вестнике литературы», Н. Чернышов отмечал: «Начав публицистическую карьеру более полувека назад, Суворин, меняя свои взгляды, свое политическое кредо, до последнего почти времени сохранил все особенности своего таланта: легкость письма, остроумие, меткость, мягкий лиризм и искренность»⁴⁸.

В другом некрологе, написанном членом ЦК кадетской партии А. С. Изгоевым (настоящая фамилия Ланде) для «Русской мысли»,

⁴⁵ Петрищев А. Б. Хроника внутренней жизни. Об А. С. Суворине // Русское богатство. 1912. № 9. № 10. С. 135.

⁴⁶ Воллан де Г. А. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 6. С. 150.

⁴⁷ Цит. по: Либрович С. Ф. А. С. Суворин и М. О. Вольф. Из воспоминаний // Вестник литературы. 1912. № 9. С. 243.

⁴⁸ Чернышов Н. А. С. Суворин // Вестник литературы. 1912. № 9. С. 242.

наряду с негативной в целом оценкой результатов деятельности покойного также присутствует признание незаурядности его личности: «С широким размахом, с большой инициативой, с необыкновенной энергией и редкой для русского человека трезвой выдержкой он соединял блестящий литературный талант, острый критический ум, дар иронии и шутки. Помимо того он был человеком творчества и дела. Он любил создавать и многое, действительно, создал»⁴⁹.

Игравший в театре Суворина актер П. Н. Орленев (настоящая фамилия Орлов) в своих воспоминаниях так охарактеризовал его натуру: «Он бывал удивительно проникновенен и в нем можно было найти поразительные контрасты; я чувствовал, что в нем так цельно совмещались великий человек и маленький ребенок»⁵⁰.

Вспоминая Суворина в десятилетнюю годовщину его смерти бывший сотрудник «Нового времени», порвавший с ним, начав издание собственной газеты, А. В. Амфитеатров пришел к заключению, что покойный был «и лучше, и хуже» сложившегося о нем мнения, в которое «и справа, и слева всякий охочий доброволец валит столько субъективной мифологии. Сколько подскажет фантазия»⁵¹.

Традиция негативного отношения к личности и деятельности Суворина в советской историографии была заложена знаменитой статьей В. И. Ленина «Карьера», опубликованной в газете «Правда» в 1912 г. по поводу смерти редактора и издателя «Нового времени». По мнению Ленина, Суворин своей биографией наиболее ярко отразил типичную для большинства представителей буржуазного общества эволюцию «от демократии к защите реакции». «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, - миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути»⁵². Эта характеристика стала определяющей для всей отечественной историографии советского периода.

Следует отметить, что идея типичности эволюции Суворина одновременно с Лениным была высказана в уже упоминавшемся нами

⁴⁹ Изгоев А. С. А.С. Суворин // Русская мысль. 1912. № 9. С. 4.

⁵⁰ Орленев П. Н. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанная им самим. – М.-Л., 1931. С. 359 – 360.

⁵¹ Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина // Телохраниитель России: А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. С. 254.

⁵² Ленин В. И. Карьера. С. 43.

некрологе А. С. Изгоева: «Скончался незаурядный русский человек, оригинальный, но вместе с тем и типичный. С одной стороны, он был как бы *gala avis* – бедняк интеллигент, собственным трудом добившийся и большого богатства и блестящего общественного положения. С другой стороны, он был типичен, потому что проделал столь обычную для русского интеллигента эволюцию: в молодости либеральничал, а затем поступил на службу к начальству и, презирая его в душе, творил все-таки его волю»⁵³.

Интерес к Суворину не угасал в первые десятилетия советской власти. В 1923 г. было осуществлено первое издание дневника публициста. Издание было неполным и неточным, грешило множеством купюр в тексте и ошибок в примечаниях, но оно давало главное – представление о двойственности натуры его автора. Для советской историографии дневник стал важным документом, показывавшем темные стороны царского режима. Не случайно сразу после публикации дневника появился ряд рецензий на это издание⁵⁴. Сказанное нами подтверждается оценкой, данной дневнику Суворина Г. Гордоном, утверждавшим, что «политического значения для настоящего времени он, конечно, не имеет, но как человеческий документ и как протокольно верная картина нравов и обихода верхушек петербургского «общества» незадолго до окончательного крушения романовского режима, посмертные записки издателя "Нового времени" представляют несомненный интерес»⁵⁵. Здесь очевидно присутствует внутреннее противоречие, так как задача показать обреченность прежнего режима не могла нести на себе политической нагрузки. И дневник эту задачу выполнял. В нем, как отмечал Гордон, «красной нитью проходит предчувствие неотвратимой катастрофы, надвигающейся на то самое самодержавие, которое с таким усердием обслуживал» публицист⁵⁶.

Негативные характеристики, даваемые Сувориным на страницах дневника, царским особам и видным сановникам, давали основание советским историкам разделить редактора «Нового времени» и Суво-

⁵³ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 1.

⁵⁴ Тынянов Ю. Н. Дневник А. С. Суворина // Русский современник. 1924. № 1. С. 328 – 330; Гордон Г. Дневник Суворина // Печать и революция. 1924. № 1. С. 68 – 74; Заславский Д. О. Дневник А. С. Суворина // Былое. 1924. № 4. С. 281 – 283; Э. С. Колдун из Эртелева переулка (Дневник А. С. Суворина) // Красная газета. 1923. 10 октября. С. 4.

⁵⁵ Гордон Г. Указ. соч. С. 68.

⁵⁶ Там же.

рина – стороннего наблюдателя. И если к первому не могло быть никакого снисхождения, то второй удостоивался вполне положительных оценок. В частности, Д. О. Заславский, который спустя три года назовет Меншикова «наиболее отъявленным негодяем» из числа «погромщиков из суворинского гнезда», признавал Суворина «одним из умнейших и талантливейших людей старой, дореволюционной, дворянской России», отмечая в то же время, что «в публицистике своей он плелся за правительством...», которое сам же презирал и осознавал свое холопство⁵⁷. «Суворин до конца дней своих знал цену независимости, – писал далее Заславский, – знал, что без независимости печать вырождается в казенную переписку, и остро ощущал в себе потерю этой независимости. Покуда государственный строй стоял прочно и самодержавие казалось незыблемым, можно было мириться с утратой свободы. Но дохнуло революцией, почва заколебалась под ногами, – и с болью ощутил старый Суворин, что без независимости живая публицистика невозможна... Он доживал дни свои, ... тоскуя по утраченной независимости и свободе. Это придает «Дневнику» временами характер исповеди. Человеческое, слишком человеческое выступает в Суворине-политическом деятеле и подкупает искренностью и простотой своего выражения»⁵⁸. Основное историческое достоинство дневника для Заславского состоит в том, что гнилость «дореволюционной правящей России, ни в чем, пожалуй, не обнаруживается с такой яркостью, как в этой душевной опустошенности, в полном моральном банкротстве талантливого публициста»⁵⁹.

Тенденция использовать дневник Суворина как одну из иллюстраций нежизнеспособности царского режима продолжилась в советской историографии и в дальнейшем.

Публикация дневника в Советской России не прошла незамеченной и в Русском Зарубежье⁶⁰. Так В. Апухтин, прочтя в эмиграции «Дневник» Суворина, заметил: «Суворин не только крупен, он характерен для своей эпохи» и «пора им заняться»⁶¹. Однако в среде русской эмиграции этот призыв остался без ответа.

⁵⁷ Заславский Д. О. Дневник А. С. Суворина. С. 281, 282.

⁵⁸ Там же. С. 283.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Апухтин В. Дневник Суворина // Воля России. 1924. № 10-11. С. 221-222; Мякотин В. Дневник А. С. Суворина // На чужой стороне. Берлин, 1924. Вып.5. С. 270 – 273.

⁶¹ Апухтин В. Указ. соч. С. 221.

В предисловии к воспоминаниям П. Н. Орленина директор НИИ литературы и искусства, один из редакторов Литературной энциклопедии А. В. Луначарский характеризует Суворина как «отвратительного старика, но по-своему широкую натуру, большой талант»⁶², признавая тем самым незаурядность его личности.

На три десятилетия Суворин выпал из поля зрения советских ученых, которых в истории России второй половины XIX – начала XX вв. интересовало преимущественно рабочее и революционное движение.

Возвращение к личности Суворина происходит только в 1970-е гг. на фоне общего интереса к воссозданию общей картины общественно-политической жизни дореволюционной России, о чем мы уже писали в первой главе. В этот период в советской историографии появляются более сложные оценки, намечается отказ от однозначной эмоциональной критики личности Суворина. Так, литературовед Н. А. Роскина в статье для Краткой литературной энциклопедии наряду с указаниями на то, что «позиция, занятая Сувориным в «Новом времени», была проникнута цинизмом дельца, поставившего дело на широкую ногу, готового и угождать вкусам мещанской публики, и добиваться расположения придворных кругов», отмечала: «В то же время, как показывает опубликованный в 1923 г. Дневник Суворина, его личные взгляды еще долго были далеки от направления его газеты. Это объясняет, почему многие современники поддерживали с ним отношения: человек большой культуры, острого ума, интересный собеседник Суворин бывал у Л. Н. Толстого, Достоевского, Лескова, вел обширную переписку с литераторами, дружил с Чеховым, который печатался в «Новом времени» с 1886 до начала 90-х гг.»⁶³. Стремление Роскиной к более разностороннему взгляду на Суворина было связано с ее многолетней работой по расшифровке его дневниковых записей и подготовке нового полного научного издания. К сожалению, в условиях советского времени эта работа велась «в стол». Однако именно эта работа легла в основу издания дневника Суворина 1999 г., о котором мы скажем в дальнейшем.

Имя Суворина появляется в отечественной науке 1970-х – начала 80-х гг. и в связи с его взаимоотношениями с различными общест-

⁶² Луначарский А. В. Предисловие // Жизнь и творчество Павла Орленина, описанные им самим. М.-Л., 1931. С. 11.

⁶³ Роскина Н. А. Сувориин Алексей Сергеевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. Стб. 243 – 244. М: Советская энциклопедия, 1972. Стб. 243.

венными деятелями и литераторами⁶⁴. Обращаясь к характеристикам, дававшимся Сувориным его знаменитым современникам, исследователи уже более сдержанно определяли его место в общественно-политической жизни страны. Так, специалист в области русской литературы XIX в. Г. В. Краснов, исследуя неопубликованную переписку Суворина с В. В. Стасовым о Л. Н. Толстом, представил первого как «преуспевающего издателя, редактора крупной газеты буржуазного толка»⁶⁵. А подготовившая к печати переписку Суворина и М. Ф. Де-Пуле литературовед М. Л. Семанова, специализировавшаяся на изучении А. П. Чехова и его окружения, обращала внимание на способность Суворина во все периоды своей деятельности, несмотря на «эластичность» взглядов, «быть искренним в каждый отдельный момент», его «убежденность в своей независимости, энергию мысли и чувства, талант собеседника, критика, публициста», которые привлекали и даже «гипнотизировали» многих современников, «даже обладавших достаточной трезвостью в оценке его»⁶⁶.

Среди советских историков, исследовавших политическую жизнь страны конца XIX – начала XX вв., наибольшее внимание личности Суворина уделил ленинградский историк Ю. Б. Соловьев. Он, как мы покажем в дальнейшем, уже не ограничивается негативными оценками, а пытается дать Суворину как явлению разностороннюю характеристику.

В то же время личности Суворина продолжали уделять недостаточно внимания, вследствие чего в 1977 г. искусствовед И. Н. Соловьева (настоящая фамилия Базилевская) и театральный критик В. В. Шитова называли редактора «Нового времени» «фигурой практически неизученной»⁶⁷. А в 1983 г. литературовед С. В. Белов в историографическом обзоре, посвященном книжному делу в России конца XIX – начала XX вв. выдвинул очень важный и достаточно смелый

⁶⁴ Кони А. Ф. Письма. Публикация Е. В. Свиясова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977. С. 122 – 141; Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле // Институт русской литературы. Рукописный отдел. Л., 1981. С. 113-187.

⁶⁵ Краснов Г. «Творит словом, разговором, мыслью...»: Лев Толстой в неопубликованной переписке А. С. Суворина с В. В. Стасовым // Наш современник. 1978. № 9. С. 181.

⁶⁶ А. С. Суворин. Письма к М. Ф. Де-Пуле. Публикация М. Л. Семановой // Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома. 1979. Л., 1981. С. 125.

⁶⁷ Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 185.

для того времени тезис о том, что «давно назрела необходимость в создании объективных работ», посвященных деятельности крупных книгоиздателей, в том числе и Суворина⁶⁸. При этом автор отмечал, что именно с Сувориным дело обстоит «сложнее всего». Он предостерегал от распространения ленинской характеристики Суворина-нововременца на издательскую деятельность Суворина, отмечая «определенную роль в выпуске прогрессивной и демократической книги». Автор с сожалением констатировал: «Однако до сих пор никто не пытался тщательно проанализировать весь богатейший репертуар книжных изданий А. С. Суворина, чтобы сделать вывод о том, что же он действительно внес в историю русского книжного дела»⁶⁹. Частично стремясь восполнить данный пробел и дав краткий обзор изданий, выпущенных Сувориным, Белов сделал вывод о том, что издатель «сделал большое и полезное дело, пустив в народ лучшие образцы отечественной и мировой литературы и содействуя тем самым развитию народного образования и культуры»⁷⁰. При этом исследователь привел малоизвестные и в определенной степени курьезные данные о том, что первое издание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» было отпечатано в 1909 г. именно в типографии Суворина.

Наибольшая активность в обращении к личности Суворина стала наблюдаться с 1990-х гг., что было вызвано в первую очередь уже отмечавшимся нами в первой главе процессом повышения интереса к консервативным мыслителям XIX – начала XX вв., связанным с изменениями общественно-политической ситуации в стране.

Основная часть статей, посвященных Суворину, появившихся в 90-е гг., отражает стремление к созданию разностороннего и не однозначно негативного образа этого общественного деятеля. Это достигалось, в первую очередь, за счет первостепенного внимания к самой неординарной личности Суворина, к его частной жизни, его деятельности помимо «Нового времени». Примером такого интереса может служить ряд статей книговеда и библиографа Л. И. Юниверга (первая из них появилась еще в 1970-е гг. и рассматривала Суворина преимущественно как книжного коллекционера)⁷¹.

⁶⁸ Белов С. В. Указ. соч. С. 185.

⁶⁹ Там же. С. 143.

⁷⁰ Там же. С. 144.

⁷¹ Юниверг Л. Книжный бум со взломом // В мире книг. 1974. № 6. С. 96; Он же. Библиотека А. С. Суворина // Альманах библиофила. М., 1990. Вып. 27. с. 91 – 102; Он же. Жизнь и судьба Алексея Суворина // Иерусалимский библиофил. Альманах. 1999. № 1. С. 313 – 319.

К сожалению, как это было в случае с Катковым и, как мы покажем в дальнейшем, в случае с Меньшиковым, желание представить в более выгодном свете критикуемого в советское время деятеля приводило к появлению панегирических биографических очерков, во многом повторяющих работы дореволюционных поклонников Суворина⁷². Показательно, что одна из таких биографий принадлежит автору упоминавшейся нами в предыдущей главе статьи о Каткове, так же представляющей его преимущественно в положительном свете⁷³. На данное обстоятельство одним из первых в современной исторической науке обратил внимание С. А. Солоусов. Он отмечал, что на смену в основном негативным характеристикам издателя «Нового времени», дававшимся в советский период, приходят статьи, в которых присутствует «некоторая идеализация этого непростого человека и многих его начинаний»⁷⁴.

Отмечаемая тенденция при кажущемся желании изжить стереотипы советского мышления является отголоском именно этого мышления, для которого было характерно деление исторических персоналий на героев во всем положительных и злодеев во всем отрицательных. Если личность признавалась советской идеологией героической, значимой для истории, то не допускалось ее изображение в полутонах, надо было сглаживать все ее ошибки. В результате создавался образ, далекий от реального лица. Схожие процессы мы наблюдаем частично и в современной отечественной историографии.

Личность Суворина рассматривалась и в контексте его взаимоотношений с известными литераторами и публицистами⁷⁵. К сожалению, литературоведческий взгляд без должной исторической базы зачастую приводил авторов к не совсем правомерным выводам. В част-

⁷² Иванов С. Охранитель России // Воронежская беседа на 1999-2000 годы. Воронеж, 2000. С. 209 – 212.

⁷³ Климаков Ю. В. Человек тысячи и одного таланта. Писатель, журналист и книгоиздатель А. С. Суворин // Библиография. 1995. № 5. С. 66 – 75.

⁷⁴ Солоусов С. А. Указ. соч. С. 270.

⁷⁵ Казакова Н. Ю. В. В. Розанов и газета А. С. Суворина «Новое время». Автореф. Дис... канд. филолог. наук. М., 2000. 24 с.; Ласунский О. Г. И. С. Никитин и молодой А. С. Суворин // «Я Руси сын». Воронеж, 1974. С. 45-61; Мохначева М. П. В. О. Ключевский и «Дело о разрешении журнала «Исторический вестник» // Ключевский Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995 г. С. 216-219; Хуторова Л. М. Л. Н. Толстой и А. С. Суворин: из истории взаимоотношений // Молодой Л. Н. Толстой. Сборник докладов Всероссийской научной конференции. Казань: Казанский университет, 2001. Электронная версия издания: http://www.ksu.ru/miku/info/sob/konf_tolstoi/index/htm

ности, директор музея А. П. Чехова на Сахалине Т. Г. Мироманов на основе изучения характеристик, данных Суворину Чеховым, пришел к заключению о том, что газета «Новое время» имела к Суворину «примерно такое же отношение, какое Антарктида или Гренландия имели к айсбергу, погубившему "Титаник"»⁷⁶.

О росте интереса к личности Суворина свидетельствует дважды переизданный за это десятилетие его дневник. Первое издание, вышедшее в 1992 г., полностью повторяло издание 1923 г., включая предисловие, со всеми его недостатками, о которых говорилось выше. В 1999 г. выходит принципиально новое издание дневника Суворина, представляющее собой полноценную научную публикацию, над созданием которой трудились в начале Н. А. Роскина, а затем английский славист Д. Рейфилд и российский филолог О. Е. Макарова. Результатом их исследовательской работы стало максимально полное издание дневниковых записей Суворина (исходя из известных на сегодняшний момент архивных данных), снабженное подробными научными комментариями.

Став доступными широкому кругу читателей, дневник Суворина дал дополнительный импульс к изучению жизни и деятельности его автора. Появился ряд статей, посвященных непосредственно этому дневнику. Для некоторых это издание стало поводом попытаться представить Суворина исключительно в выгодном свете. Примером тому может служить статья И. Беляковой, представляющая автора дневника «русским консервативным державником», вынужденным работать на «массовый читательский спрос», а посему, «не брезгающим фельетонными приемами, свойственными "желтой прессе"». Но автор настаивал на том, что «в противоречивом характере Суворина было главное, основное – истинное стремление служить России...»⁷⁷.

Однако большинство авторов оценило данное издание именно с точки зрения возможности более пристального и детального анализа личности Суворина со всеми его достоинствами и недостатками, а через нее и той эпохи, одним из ярких представителей которой он являлся. Так, литературовед И. А. Битюгова видела значение публикации дневника Суворина в том, что в нем заключено «подлинное мироощущение» его автора⁷⁸.

⁷⁶ Мироманов Т. Г. Указ. соч. С. 172.

⁷⁷ Белякова И. «Предан всей душой пользе отечества...». Об Алексее Суворине и «Новом времени» по «Дневнику» издателя // Сибирь. 2001. № 5. С. 208.

⁷⁸ Битюгова И. А. К восприятию Достоевского на грани XIX-XX веков // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. – СПб., 2000. – С. 183.

Важным, на наш взгляд, представляется замечание литературоведа, специализирующегося на творчестве А. П. Чехова, И. Е. Гитович о том, что, с одной стороны, опыт советского времени помогает лучше понять природу внутренних исканий автора дневника, с другой – возможность прочесть этот дневник в условиях отсутствия жестких политических клише дает возможность лучше понять и сущность идеологии как явления, которое представляет собой «не одно только пресловутое наследие советских времен, а сумму представлений, которые есть у каждого времени, каждого общества, за которыми всегда и прежде всего стоит не одно укрощенное или соблазненное отвлеченными идеями сознание, но в гораздо большей степени подсознание, то глубоко личное и потаенное, что человек прячет часто даже от себя самого»⁷⁹.

Своеобразным продолжением этого тезиса являются размышления журналиста и критика Р. А. Трофимова. Значение изучения дневника Суворина он усматривал в том, что с его помощью можно «учиться воспринимать» более объемно «историю отечественной журналистики, словесности и вообще культуры», на которые до недавнего времени смотрели «одним только глазом», рассматривая историческое пространство как однообразную плоскость. Наиболее важной составляющей исторического «опыта консервативной печати» в целом, автор считает то, что «это был опыт не разрушения, не осмеяния или пригвождения, а опыт созидания, реальной работы на благо России, опыт, донельзя сегодня необходимый нашей давно утравленной его журналистике»⁸⁰.

Две монографии, существующие на настоящее время в отечественной историографии, целиком посвященные Суворину, стали итогом разработки темы Суворина в 90-е гг. Первая из них – вышедшая в 1998 г. работа известного книговеда доктора исторических наук Е. А. Динерштейна, которая увенчала серию статей данного автора, посвященных исследуемому деятелю⁸¹. Ввиду того, что основная часть

⁷⁹ Гитович И. Е. Указ. соч. С. 12.

⁸⁰ Трофимов Р. А. Указ. соч. С. 245.

⁸¹ Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина; Он же. А. С. Суворин и еврейский вопрос // Вестник еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 57 – 74; Он же. На правее. Жизнь и смерть А. С. Суворина // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 80 – 93; Он же. А. С. Суворина // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX вв. Вып. 7. Спб., 1994. С. 50 – 66; Он же. А. С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литератур-

материала, изложенного в статьях, вошла в монографию, мы не будем останавливаться на их анализе. Само название книги – «А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру» - говорит о том, что автор ставил в первую очередь задачу проследить профессиональный путь человека, прошедшего от уездного учителя до владельца крупнейшего издательского бизнеса. Таким образом, политическая эволюция Суворина отходила на второй план, как бы заранее объясняясь исключительно его желанием преуспеть. В целом в работе чувствуется изначальное негативное отношение автора к исследуемой личности. В ней постоянно проводится мысль о беспринципности Суворина и непорядочности приемов, которыми он пользовался как в издательском бизнесе, так и в публицистике. Основным тезисом данной работы можно считать утверждение автора об «исторической обреченности дела, которому верой, но не правдой служил долгие годы» Суворин, что и обусловило «политический и финансовый крах газеты»⁸². Но мы не будем акцентировать на этом внимание, так как задача нашей работы не столько воссоздать образ Суворина как личности, сколько проанализировать его социально-политические взгляды и показать, в каком отношении они представляют идеи государственного национализма. И в данном случае исследование Динерштейна является весьма важной работой, так как, несмотря на личное негативное отношение, автор добросовестно собрал и изложил богатейший фактологический материал, который, возможно даже помимо воли исследователя, создает в целом объективную картину становления и, главным образом, развития социально-политических изучаемого деятеля.

Вторая монография, посвященная Суворину, появилась через год после выхода книги Динерштейна и во многом является диссонирующей с ней⁸³. Если Динерштейн в своем взгляде на исследуемую личность явно придерживался оценок, доминировавших в отечественной историографии в советский период, то Л. П. Макашина исходила из прямо противоположных оценок. Нам представляется, что автор в данном случае впала в другую крайность, что ярко прослеживается на примере данной ею оценки Октябрьской революции: «Катастрофа октября 1917 года прервала блистательное развитие России. Русская революция была направлена против современной эпохи, она

ное обозрение. 1995. № 15. С. 183 – 193; Он же. Публицист «крайних убеждений» // Лица: биографический альманах. № 6. М. – СПб., 1995. С. 238 – 274.

⁸² Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 102.

⁸³ Макашина Л. П. Указ. соч.

– катастрофа, поглотившая начавшее складываться гражданское общество, правовое государство»⁸⁴. Очевидно, что подобная однозначность весьма далека от взвешенной исторической оценки.

Будучи преимущественно специалистом по истории журналистики и рекламных изданий Урала, Макашина не в достаточной степени овладела принципом историзма при анализе исторических явлений и личностей. Данная монография заметно уступает работе Динерштейна как по объему представленного документального материала, так и по уровню выводов и, к сожалению, содержит ряд фактологических ошибок, что позволяет согласиться с резкой, но вполне адекватной, на наш взгляд, оценкой этой работы, данной ей А. Рейтблатом и Ф. Тарасовой: «В качестве научного труда эта книга не представляет никакого интереса. Л. П. Макашина – человек абсолютно невежественный, что и демонстрирует на каждой странице»⁸⁵.

Современный исследователь истории русской журналистики XX в. С. Я. Махонина, напротив, довольно критично отзываясь о работе Динерштейна, солидаризируется с рядом положений, выдвигаемых в книге Макашиной, разделяя ее стремление представить Суворина в более положительном свете. Это стремление привело С. Я. Махонину к заключению о том, что изучение столь неоднозначной во многих отношениях личности «требует не только новых подходов, но и других, отличных от традиционных, методик»⁸⁶. Далее она конкретизирует это положение, предлагая оценивать личность и деятельность Суворина в соответствии с «философскими, общественными и нравственными ценностями именно нашего времени, рубежа XX и XXI в.»⁸⁷. Нам представляется столь однозначная постановка вопроса недопустимой, так как в подобном случае нарушается принцип историзма. Для наиболее объективного освещения исторической личности необходимо четко различать ее роль и значение для своего времени и звучание ее идей применительно к современной эпохе переоценки ценностей.

Еще одной попыткой представить образ Суворина в наиболее положительном свете стало издание воспоминаний о нем современников⁸⁸. Издание было предпринято на родине Суворина, в Воронеже.

⁸⁴ Макашина Л. П. Указ. соч. С. 3.

⁸⁵ Рейтблат А., Тарасова Ф. Макашина Л.П. Вокруг Суворина. Екатеринбург, 1999. Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 386.

⁸⁶ Махонина С. Я. А. С. Суворин – портрет на фоне новых книг о нем. С. 109.

⁸⁷ Там же. С. 112.

⁸⁸ Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников.

Его составители не скрывали, что ставили своей задачей создать противовес тому крайне негативному, по их мнению, образу Суворина, который был создан в книге Е. А. Динерштейна. С этой целью они собрали исключительно положительные отзывы о Суворине, в результате чего воссоздаваемый в сборнике образ издателя «Нового времени» так же не может претендовать на разносторонность и объективность.

В зарубежной историографии личность Суворина не удостоилась столь широкого внимания, как Каткова, что само по себе является красноречивым свидетельством неравнозначной степени общественного влияния этих двух издателей и публицистов. Имя Суворина, как правило, если и упоминается в работах зарубежных исследователей, то в связи с цитированием его статей или дневника в качестве наглядных иллюстраций, призванных подтвердить те или иные положения авторов. Примером такого обращения к Суворину может служить работа Уортмана⁸⁹.

В то же время первая монография, посвященная исследованию творчества и взглядов Суворина, появилась не в России, а за рубежом. Как и в случае с Катковым, данное обстоятельство объясняется негативными оценками личности Суворина в советской историографии. Вторым важным вкладом иностранной науки в дело изучения наследия Суворина стало участие заведующего кафедрой русской литературы Лондонского университета Дональда Рейфилда в подготовке к изданию полной версии дневника Суворина, о котором говорилось выше. Следствием данной работы стало появление одновременно с «Дневником» статьи Рейфилда, посвященной непосредственно Суворину. Примечательно, что образ, который использовал Рейфилд для характеристики своей персоналии – Король Лир – использовала И. Е. Гитович в своей рецензии на новое издание «Дневника». Вследствие специфики материала, на котором английский филолог основывал свое представление о Суворине, его статья преимущественно посвящена личной жизни известного публициста и издателя. Именно в личных трагедиях, преследовавших семью Суворина Рейфилд склонен усматривать переход Суворина на консервативные и националистические позиции⁹⁰.

⁸⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II.

⁹⁰ Рейфилд Д. Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона. – 1999. – № 11. <http://socarchive.narod.ru/infochan/person/n11/1121.htm>

Первое монографическое исследование, посвященное Суворину, вышло в начале 1970-х гг. в Детройте и принадлежало перу американской исследовательницы Э. К. Амблер⁹¹. Несколькими годами ранее ею была защищена диссертация «А. С. Суворин: от нигилиста до мракобеса, 1861 – 1881». Название диссертации и вышедшей затем монографии – «Русская журналистика и политика. Карьера А. С. Суворина» – явно указывали на близость оценок русского публициста американским историком позициям отечественной историографии советского периода, заложенным статьей Ленина «Карьера». Подтверждение этому можно найти и на страницах самой книги Амблер. Сосредоточившись на двух первых десятилетиях публицистической деятельности Суворина, Амблер рассматривала его взгляды в контексте как общей направленности изданий, в которых он сотрудничал, так и журнальной полемики рассматриваемого периода, включая все существовавшие на тот момент в России общественно-политические направления.

Анализ отечественной и зарубежной историографии показывает, что, несмотря на присутствующие до настоящего времени крайние позиции в оценке личности Суворина, имеются существенные наработки для создания взвешенного и объемного образа одного из ведущих публицистов России конца XIX – начала XX вв. С этой целью исследователям еще предстоит провести последовательный анализ трансформации общественно-политических взглядов Суворина, основанный на полном комплексе статей, писем и дневников в контексте постоянно изменявшейся конкретно-исторической ситуации.

⁹¹ Ambler E. K. *Op. cit.*

Глава 2. Политический «флюгер»

С легкой руки М. Е. Салтыкова-Щедрина, с начала 80-х годов XIX в. за «Новым временем» закрепилось определение «Чего изволили?»), а за самим Сувориным прозвище «флюгер»⁹². Стремясь подчеркнуть услужливость издания Суворина, публицист и критик радикального направления В. А. Зайцев наградил его «титолом»: «журналиссимус граф Суворин-надпольный», который он несомненно должен получить, по мнению автора, за травлю подпольных изданий. «Если он побед ни при каких Рымниках не одерживал, - рассуждал автор, - то во всяком случае давал большое к ним поощрение, и хотя никого не повесил, но всегда выражал готовность повесить»⁹³.

Либеральному публицисту К. К. Арсеньеву жизнь Суворина, с которым он сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Вестнике Европы», представлялась «ломаной линией, перемены в направлении которой могут быть, конечно, оцениваемы различно, но, во всяком случае, несовместимы с представлением о чем-то гармоничном и цельном». По мнению автора, публицист на протяжении всего своего творчества «никогда не возвышался над настоящим и часто тяготел к прошедшему, со всеми неприглядными его сторонами»⁹⁴.

Характеризуя политический облик Суворина в статье, посвященной годовщине его смерти, известный своими демократическими взглядами В. Г. Короленко писал, что он был свободен «от груза каких бы то ни было устойчивых и требовательных убеждений», плывя по течению и угождая «изменчивым взглядам толпы»⁹⁵. Это мнение разделял А. Б. Петрищев, полагавший, что и до «Нового времени» Суворин не обладал никакими устойчивыми убеждениями: «Были в действительности не столько убеждения, сколько взгляды, - и взгляды порою противоречивые; нынче одно, завтра другое». Основную причину этой непоследовательности Суворина Петрищев усматривал в том, что он «по преимуществу жил настоящим, злободневным». И это связано с особенностью его натуры, в которой, по мнению автора, «стихийность... преобладала над преднамеренностью». Автор полагал, что публицист не примитивно «подлаживался» под сильных мира

⁹² Изгоев А. С. Указ. соч. С. 2.

⁹³ Зайцев В. А. Журналиссимус граф Суворин-национальный // Шестидесятники. М., 1984. С. 156 – 157.

⁹⁴ Арсеньев К. К. Две смерти // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 419.

⁹⁵ Короленко В. Г. Об одной старой книжке (к годовщине смерти А. С. Суворина) // Русское богатство. 1913. № 8. С. 361.

сего, он «обладал тем своеобразным "русским" талантом, о котором говорят: "с мужиком – мужик, с баринном – барин, с генералом – генерал". Трансформирование не всегда по расчету, а просто не может человек быть самим собою, не может не принять окраску, приятную для той среды, которая ему в данный момент нужна или интересна, – талант, завещанный нам крепостной Россией, воспитанный особыми условиями русской общественности: не даром покойный Суворин – крестьянский внук»⁹⁶.

Идея рабской народной психологии, воплощением которой стал Суворин присутствует и в статье А. С. Изгоева, в которой отмечается, что «у Суворина не было никаких моральных доблестей. Он был лишен необходимой независимому человеку гордости, сознания собственного достоинства. Все холопские пословицы на тему, что от поклона де голова не отвалится, он усвоил твердо и ими руководился во второй период жизни... Рабская психология наложила неизгладимую печать и на самого Суворина, и на все им созданное. Чтящие покойника могут утешаться, что это было в большей степени несчастьем Суворина, чем его виной. Но и вина тоже была – этого нельзя забывать»⁹⁷.

Показательно, что в воспоминаниях журналиста и театрального критика А. Р. Кугеля личность Суворина раскрывается так же через его происхождение: «Самое замечательное в великорусском типе – необычайный дар обольщения. Ту черту – обольщение – я встречал у множества людей, вышедших из народа. И Суворин был такой же обольститель, а он почти что из мужиков...»⁹⁸.

Позиционируя себя как стороннего наблюдателя, не принимающего ни чью сторону, граф Г. А. Де-Воллан в своем дневнике за 1882 г., неоднократно критикуя сотрудников «Нового времени» за травлю либералов, отделял Суворина от его редакции. «Он один искренний, – пишет граф, – но только, как флюгер, не имеет своего направления и поддается силе ветра»⁹⁹.

Публицист, уделявший много внимания еврейскому вопросу, выпускающий редактор «Биржевых ведомостей» А. Е. Кауфман полагал, что с момента покупки «Нового времени» «из либерала Суворин превратился в гонителя всяческого либерализма и неприимимого врага русских либералов», опошлив при этом само поня-

⁹⁶ Петрищев А. Б. Указ. соч. С. 133 – 134.

⁹⁷ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 4.

⁹⁸ Кугель А. Р. Листья с дерева. Воспоминания. Л., 1926.

⁹⁹ Воллан граф де Г. А. Указ. соч. С. 149-150.

тие «либерал», сделав его «синонимом «изменника» русским началам и «предателя». В то же время Кауфман отмечал, что при этом Меньшиков объявил суворинскую газету «национал-либеральным» органом¹⁰⁰. По его мнению, Суворин «в своей газете сам и перьями своих сотрудников... охаивал все реформы шестидесятых годов...»¹⁰¹.

Автору литературных фельетонов в «Новом времени» в первые месяцы после его покупки Сувориным и В. И. Лихачевым, а позднее редактору народнического журнала «Устой» С. А. Венгеру в статье, написанной для энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Суворин периода сотрудничества с «Санкт-Петербургскими ведомостями» представлялся как «умеренно-либеральный западник, исходивший из принципов широкой политической свободы, терпимости и протеста против узкого национализма». Переход Суворина на иные позиции автор связывает с тем обстоятельством, что «Новое время», «став наиболее яркой выразительницей симпатий к восставшим славянам», стало иметь большой успех «не только среди прежних поклонников таланта Суворина, но и в публике совсем иного сорта», на которую газета и переориентировалась, изменив «духовный облик» ее издателя «до неузнаваемости»¹⁰². Последняя мысль повторяется в статье, посвященной непосредственно «Новому времени», где замечается, что характер газеты постепенно становился «все в более и более острые отношения к прогрессивной журналистике». Хотя автор, пожелавший остаться неизвестным, отмечал, что с начала 90-х гг. «эта вражда отчасти ослабела», и он к моменту написания статьи «направление газеты» определял как «националистически-консервативное, но без тех крайностей, которыми отличаются, например, "Московские Ведомости"»¹⁰³.

Редактор «Петербургского листка», характеризовавшегося Ф. М. Достоевским как «газетка без всякого особого направления», А. А. Соколов объяснял перемены в позиции Суворина с момента единоличного владения газетой с прагматических редакторских позиций: «Приходилось выбирать: или значительно поступиться своими прогрессив-

¹⁰⁰ Друзья и враги евреев. А.С. Суворин («Новое время»). (К юбилею его литературно-издательской деятельности). Сост. А. Е. Кауфман. СПб., 1908. С. 6-7.

¹⁰¹ Там же. С. 5.

¹⁰² Венгеров С. Суворин Алексей Сергеевич // Энциклопедический словарь. Т. XXVIII. – СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1895. С. 223 – 224.

¹⁰³ Новое время // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.

ными идеями, или сохранить издание. "Новое время" выбрало путь более практический: оно понизило свое отношение к прогрессу»¹⁰⁴.

Ряд авторов усматривал предпосылки к изменениям в позиции Суворина еще в периоде его работы фельетонистом под псевдонимом «незнакомец». В частности, земляк Суворина публицист-народник В. А. Слепцов уже в 1867 г. замечал иронично: «Я вспоминаю одну собаку. Это была во время своей молодости хорошая, честная и полезная собака. Но она отъелась, зажирнела и обратилась в комнатного жирного пуделя, пользовавшегося лаской барина... Чудеса делаются с незнакомцем, и я непременно тут же бы разрыдался над его распекающим тоном (напоминающим тон либерального советника палаты), если бы только мне не пришел на память старый пудель, поступивший в акциз...»¹⁰⁵.

Человеком «редкой неустойчивости» назвал Суворина литературовед-меньшивик В. Львов-Рогачевский (псевдоним Василия Львовича Рогачевского), определивший его литературную тактику как «непрерывную измену тому, чему он поклонялся вчера». Характеризуя взгляды Суворина раннего периода его публицистического творчества, В. Львов-Рогачевский отмечал, что и в это время «он не был революционером, он только сочувствовал, как умеренный либерал, искавший иных путей развития»¹⁰⁶.

При этом автор указывал, что в действиях Суворина была и последовательность: «Неизменно и не изменяя себе, он служил лишь успеху»¹⁰⁷. Эту идею разделял А. Б. Петрищев, полагавший, что Суворина не интересовала карьера в «бюрократическом смысле этого слова», не интересовали деньги. По мнению автора, им двигала всегда лишь «жажда успеха», под которым следует понимать «славу, влияние, популярность»¹⁰⁸. О служении Суворина «успеху, как Богу» писал А. С. Изгоев¹⁰⁹, «жажду наибольшего возможного успеха» как определяющее в деятельности Суворина отмечал В. Г. Короленко¹¹⁰.

¹⁰⁴ Соколов А. А. Из моих воспоминаний // Московский листок. Илл. Прибавление. 1909. № 11. 15 марта. С. 4.

¹⁰⁵ Слепцов В. А. Хроника общественной жизни в «Женском вестнике» (1867) // Литературное наследство. Т. 71. Василий Слепцов. Неизвестные страницы. М., 1963. С. 246.

¹⁰⁶ Львов-Рогачевский В. В своем доме (А. С. Суворин) // Современный мир. 1912. № 9. С. 317.

¹⁰⁷ Львов-Рогачевский В. В своем доме (А. С. Суворин). С. 328.

¹⁰⁸ Петрищев А. Б. Указ. соч. С. 133.

¹⁰⁹ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 2.

¹¹⁰ Короленко В. Г. Указ. соч. С. 362.

Даже безусловные сторонники и поклонники Суворина признавали неоднозначность и неустойчивость взглядов Суворина. Так, В. В. Розанов свидетельствовал: «Как ни сложно «Новое время», Суворин сам был сложнее, разнообразнее, был неуловимее его. Так называемые «колебания» газеты (мнимые) лишь отчасти и слабо выразили душу Суворина, всю сотканную из муара»¹¹¹.

Бывший сотрудник «Нового времени» А. В. Амфитеатров в написанной в эмиграции статье 1934 г. подходил к объяснению феномена Суворина, исходя из глубинных свойств его натуры. Он представлял публициста «шестидесятником», «воспитанником материалистов», таившим при этом «где-то на дне души мистическую жажду идеалистических и религиозных позывов, которых он даже конфузился, когда они прорывались слишком заметно». Причину его «неустойчивого метания от знания к знанию, из одного идейного круга в другой» Амфитеатров объяснял мечтательностью натуры Суворина, который так и не построил «какого-то главного своего замка»¹¹². Дополнением к этому портрету может служить замечание Амфитеатрова, сделанное им еще в 1914 г.: Суворин всегда был «глубокий демократ по натуре»¹¹³ и при этом обладал «политически приспособляющимся индифферентизмом»¹¹⁴. Спустя десять лет после смерти Суворина представлялся Амфитеатрову «вечной жертвой внутреннего раздвоения», так как в нем «преоригинально встречались и предобродушно уживались "увенчание здания" с анархизмом, религиозный идеализм с нигилизмом шестидесятых годов и воинствующий национализм с самым широким культурным космополитизмом»¹¹⁵.

Некоторые поклонники деятельности и творчества Суворина стремились доказать мнимость колебаний публициста. К примеру, сотрудник издававшегося на средства Суворина «Исторического вестника» Б. Б. Глинский утверждал, что издатель «Нового времени» всегда «оставался тем же, каким вышел на свою литературную дорогу». По его мнению, цели Суворина всегда оставались неизменными – «свобода России, ее просвещение, ее национальное самосознание, ее мировое могущество» – и для их достижения в зависимости от

¹¹¹ Суворин А. С. Письма к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 23.

¹¹² Амфитеатров А. В. Старик Суворин. //Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 181-182.

¹¹³ Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина. С. 243.

¹¹⁴ Там же. С. 247.

¹¹⁵ Там же. С. 248 – 249.

«обстоятельств времени» Суворин выбирал нужную позицию, «стоя на которой возможно было добиться желанного»¹¹⁶.

В советский период отношение к Суворину, так же как к Каткову и Меньшикову, на несколько десятилетий было определено знаменитой статьей В. И. Ленина «Карьера».

Редактор первого советского издания «Дневника» Суворина М. Кричевский в предисловии к нему в беллетризированной форме, по сути, повторяет ленинскую схему. Он отмечал, что «долгое время Суворин был человек-человеком; вел тяжелую жизнь труда и лишений...», однако затем, «продав душу дьяволу – реакции», попал в «плен» славы и богатства, до конца жизни будучи «не в силах высвободиться» из него. При этом, на основании «Дневника», автор делал вывод о том, что служение Суворина реакции было неискренним. Он полагал, что Суворин, защищая на страницах своей газеты «сановников, старую политику и гнилой уклад», всего этого «как умный человек и даровитый публицист, не мог в сокровенности не презирать»¹¹⁷.

В литературной энциклопедии 1939 г. ранний Суворин представит умеренно-либеральным западником. Суворин же периода «Нового времени» характеризуется как «охранитель-славянофил, великодержавный шовинист, злобный, непримиримый враг развивавшегося рабочего движения», выступавший в третьеиюньский период как «ярый монархист, черносотенец, ревностный охранитель царского самодержавия»¹¹⁸.

В третьем издании БСЭ публицистика Суворина до 1875 г. определяется как либерально-демократическая, а период издания газеты «Новое время» характеризуется словами Ленина о «национализме», «шовинизме» и «беспардонном лакействе»¹¹⁹. Схожие оценки раннему периоду публицистики Суворина давали в 1970-х гг. филологи П. С. Рейфман и О. Г. Ласунский. Обращаясь к публицистике Суворина в русле общей литературно-журнальной полемики 60-х гг. XIX в., они объясняли его довольно радикальную позицию общим духом периода демократического подъема¹²⁰.

¹¹⁶ Глинский Б. Б. Указ. Соч. С. 35.

¹¹⁷ Дневник А. С. Суворина. Редакция, предисловие и примечания М. Кричевского. М.-Пг.: Издательство Л. Д. Френкель, 1923. С. 6, 5.

¹¹⁸ М. Л. Суворин // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 11. М., 1939. – Стб. 99.

¹¹⁹ БСЭ. Т. 25. М., 1975. Стб. 66.

¹²⁰ Рейфман П. С. К проблеме эволюции либеральной журналистики в 1860-е годы // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской

Обращаясь к личности Суворина в контексте его взаимоотношений с Н. А. Некрасовым, В. Г. Краснов сравнивал публициста в 1860-е гг. с Базаровым. На его взгляд, их роднили радикальные взгляды «без определенной позитивной программы». И именно через характеристику, данную Сувориным этому литературному персонажу уже в 1870 г., автор прослеживал его собственную эволюцию. В это время Суворин утверждал, что «время Базаровых прошло и современная действительность требует иных деятелей с иными убеждениями, гораздо более мирными; но сила воли и независимость, которую обнаруживает этот герой романа, действительно симпатичны». Исходя из данного высказывания, Краснов считал возможным классифицировать Суворина как либерала, которому «по-прежнему импонировал человек демократических убеждений, обладающий силой характера, самостоятельностью». Именно эти симпатии и привели, по мнению автора, к близким отношениям Суворина и Некрасова в 70-е гг.¹²¹. В подтверждение своей трактовки политической направленности Суворина 1860-1870-х гг. автор приводит показательный фрагмент его письма к М. Ф. Де-Пуле 1861 г.: «Так симпатии мои к «Современнику» прежде всего основываются на плебействе, потом на вражде к жестокому и вечному насилию... Он очень хорошо сознал, что невозможно при цензуре проводить свои убеждения серьезно, а потому он стал свистать, следовательно, свист дело законное». Но Краснов полагает, что «сочувствие общей позиции журнала» не означало «полного согласия Суворина с его демократическим направлением». Исследователь утверждал, что он «не разделял позитивной программы идеологов революционно-демократического движения», ссылаясь на другой фрагмент того же письма: «Вот тут, - писал Суворин, - и кончается моя связь с «Современником», потому что дальше у него социализм...»¹²².

Обращаясь к проблеме оценки личности и творчества Некрасова Сувориным, Е. Г. Бушканец полагал, что до приобретения «Нового времени» публицист «сравнительно долго щеголял своим «либерализмом»». Освещая полемику сотрудника Современника и «Отече-

филологии. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 42; Ласунский О. Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в «эпоху Чернышевского»). Воронеж, 1985. С. 107.

¹²¹ Краснов Г. В. Из записок Суворина о Некрасове // Прометей. Т. 7. 1969. С. 285-286.

¹²² Краснов Г. В. Указ. соч. С. 285.

ственных записок» Г. З. Елисеева и Суворина, связанную с опубликованием последним воспоминаний о Некрасове в своей газете через день после похорон поэта, автор приводит фрагмент из ответной статьи Суворина от 26 марта, который, на наш взгляд, очень важен для понимания сущности взглядов самого Суворина: «Что мне за дело, чем внушена ему песнь бедности? Может быть, писал он ее с таким чувством под влиянием большого проигрыша в карты, может быть, не гражданские слезы текли из его глаз, когда он вызывал у меня гражданские чувства, а слезы ревности к изменнице-женщине. Мне это все равно: деятельность его не исчезла, а его собственное признание – только материал для суждения о нем как о человеке...»¹²³.

Изучая переписку Суворина и М. Ф. Де-Пуле на фоне ранних публицистических работ первого, М. Л. Семанова отмечала его «демократические склонности и симпатии» в пору жизни и работы в Москве¹²⁴. В период сотрудничества в «Санкт-Петербургских ведомостях» «в сложной общественно-политической обстановке начала 60-х годов Суворин, - по мнению исследовательницы, - пытался сохранить внепартийную позицию»¹²⁵. Однако данная позиция во многом определялась тем, что собственные политические взгляды Суворина, по определению Семановой, «не отличались цельностью и последовательностью». Начало эволюции Суворина вправо автор относит к 1866 – 1867 гг., разделяя вышеприведенное нами мнение дореволюционного автора Слепцова¹²⁶. Семанова полагает, что знаковым моментом в этом правлении стало знаменитое покушение Каракозова, которое совпало с выходом в свет первой книги Суворина «Всякие» и во многом спровоцировало ее запрещение цензурой. «С этого времени, - указывает исследовательница, - все заметнее берут верх над юношескими симпатиями к демократическому движению монархические взгляды Суворина и его вера в возможность примирения этих взглядов с народолюбием, с неприятием сословных привилегий»¹²⁷.

Уже на исходе советского периода, обращаясь вновь к теме дневника Суворина, Г. Н. Драган настаивал на том, что не следует

¹²³ Бушканец Е. Г. Воспоминания Суворина о Некрасове как историко-литературный источник // Филологические этюды. Сер. Русская литература. В. 2. Ростов н/Д., 1974. С. 113, 115.

¹²⁴ Суворин А. С. Письма к М.Ф. Де-Пуле. С. 116.

¹²⁵ Там же. С. 118.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 122.

«переоценивать либеральные высказывания Суворина, его критику тех или иных сторон русской действительности и на этом основании пересматривать точку зрения, которая сложилась о Суворине как об идеологе наиболее реакционной части русской буржуазии». Объясняет он свою позицию тем обстоятельством, что «дневник Суворина не читал никто, а его реакционные, погромные статьи на страницах «Нового времени» служили интересам тех, кого он так беспощадно разоблачал в своем дневнике»¹²⁸.

В это же время тема политической позиции «Нового времени» и ее издателя в контексте истории развития буржуазной прессы в России и ее взаимодействия с крупным капиталом рассматривалась в монографии А. Н. Боханова. В ней утверждалось, что «независимость», декларировавшаяся «Новым временем», была весьма условной и имела место лишь «в смысле партийно-политической принадлежности». На деле же газета была «политическим рупором черносотенно-дворянских элементов» и имела хождение «преимущественно в чиновно-бюрократических кругах»¹²⁹. Автор характеризовал Суворина на момент приобретения «Нового времени» «сравнительно малоимущим», а потому «умеренным» журналистом, который буквально за несколько лет превратил свою газету «из либерального издания в орган консервативно-погромных сил, неустанно проповедовавших черносотенные идеи национализма и шовинизма», выступая не только против революционных, но и против либерально-буржуазных идей¹³⁰. В то же время, Боханов полагает, что в период третьей июньской монархии основной аудиторией «Нового времени» «становятся представители буржуазно-дворянских кругов октябристского толка»¹³¹. В целом же, по мнению автора, газета стремилась улавливать и передавать настроения, господствовавшие в правящих кругах. Но связь «Нового времени» с сановной бюрократией исследователь полагал взаимозависимой. Ввиду того, что Суворин сумел сделать газету одной из немногих, читаемых Николаем II и его ближайшим окружением, министры стремились заручиться его поддержкой, предлагая взамен свое покровительство, сулившее материальные выгоды. Следст-

¹²⁸ Драган Г. Н. Дневник А. С. Суворина как исторический источник // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. № 3. 1983. С. 64.

¹²⁹ Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1984. С. 43.

¹³⁰ Там же. С. 43-44.

¹³¹ Там же. С. 45.

вием взаимовыгодного сотрудничества, помимо прочего, стало то обстоятельство, что «Новое время» длительное время являлось самой информированной из российских газет, вследствие чего ее считали, как в России, так и за рубежом, правительственным официозом. В последнем утверждении автор ссылается как на одного из министров В. Н. Коковцова, так и на В. И. Ленина, которые сходятся в этой оценке.

Заявленное автором отсутствие партийной ангажированности у «Нового времени» не означало, по его мнению, полной партийной индифферентности ее издателя. Боханов отмечал, что в период революции 1905-1907 гг. Суворин тайно финансировал московскую газету «Русская земля», хотя и «умеренно-патриотического направления», но под редакцией черносотенца С. К. Глински-Янчевского, имевшей целью пропаганду в рабочей среде идей официальной народности. Ввиду убыточности газеты и невозможности Сувориным покрывать ее долги единолично было создано «Товарищество русской печати» для издания патриотической литературы и в том числе данной газеты. Однако привлеченные в состав «Товарищества» «известные представители дворянско-черносотенного лагеря» стали издавать вместо «Русской земли» «Земщину», «совершенно отстранив Суворина от влияния на нее». Нам представляется, что данный эпизод как раз свидетельствует о существовании серьезных разногласий между лидерами черносотенного движения и издателем «Нового времени», дающих основания не причислять последнего к крайне правой части партийного спектра политической жизни России начала XX в. Боханов указывает, что само издание новой газеты затевалось изначально не столько ради участия в активизировавшейся общественно-политической деятельности, сколько с целью «утвердиться на московском газетном рынке»¹³².

В единственной, вышедшей в советский период, работе, посвященной непосредственно личности и мировоззрению Суворина, утверждалась его принципиальная аполитичность. Авторы статьи связывали «прогрессивность» раннего творчества Суворина с той журналистской средой, в которую он попал в большой степени случайно, и полагали, что она никогда не была присуща его мировоззрению. Они изображали автора фельетонов за подписью «Незнакомец» находящимся в поиске своего подлинного «я», который, по сути, и привел его к роли собеседника с читателями «Нового времени» через «Маленькие письма». «То, что объективно было ренегатством, субъек-

¹³² Боханов А. Н. Указ. соч. С. 49-50.

тивно было самопознанием и самоосуществлением. – Утверждали И. Н. Соловьева и В. В. Шитова. – Вместо прогрессивного журналиста средней руки возник организатор, идеолог и гений обыденного буржуазного сознания».¹³³ Принимая сравнение Суворина дореволюционным либеральным лагерем с флюгером, исследователи развивают этот образ: «Суворин, в сущности, был каменно постоянен. Флюгер, но флюгер на прочном, раз навсегда поставленном доме»¹³⁴.

По мнению авторов статьи, издатель «Нового времени» стремился для себя и для всех своих читателей реабилитировать тихую, сытую и спокойную «обывательщину», которая так активно обличалась всем либерально-демократическим искусством. Философия Суворина представлялась им неким антиэкклезиастом: «Пыль есть жизнь, прах есть жизнь, суета есть жизнь, так уважим же их и возлюбим. Так будем же им служить. И увидел Суворин, что мир есть пыль, и сказал, что это хорошо»¹³⁵. И именно через данную философию, которая учила «святому довольству», то есть «довольству, которое свято», объясняли авторы суть позиции «Нового времени», рекомендовавшего своим читателям «жить не только вне политики, но и, так сказать, вне звезд», не мучаясь «вечными вопросами»¹³⁶. Здесь же они усматривали основную причину отторжения этой газеты так называемой прогрессивной общественностью и в то же время привлекательность в глазах обывателя. Последнего, по замечанию исследователей, привлекала в газете та уверенность, с которой Суворин ощущал себя в этом меняющемся, капитализирующемся мире, умея передать эту уверенность и читателям, уча «с удовольствием пристраиваться в их новом положении буржуа»¹³⁷. С этой целью, как полагают Соловьева и Шитова, «Новое время» методично проводило на своих страницах идею о том, что духовные искания, на манер, к примеру, Л. Н. Толстого, с неизбежностью приводят к «духовному недовольству», которое «по природе своей – дело барское; грубо сказать, с жиру», а, следовательно, «антинародно, во всяком случае, вненародно». В результате авторы приходят к выводу, что Суворин ассоциировал духовность с «не-нормой» и считал, что «для среднего человека при оптимальных условиях она чужеродна»¹³⁸.

¹³³ Соловьева И. Н., Шитова В. В. А. С. Указ. соч. С. 168.

¹³⁴ Там же. С. 173-174.

¹³⁵ Там же. С. 168.

¹³⁶ Там же. С. 175.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 177.

Данная трактовка мировоззрения Суворина, особняком стоящая среди всей посвященной ему литературы, с одной, стороны, на наш взгляд, не лишена оснований и помогает придать дополнительный объем воссоздаваемой личности. Данный взгляд на мир можно характеризовать как философию позитивизма, признающую лишь полезные, положительно влияющие на жизнь идеи. Подтверждающим примером служит критика Сувориным М. Н. Каткова и М. Е. Салтыкова-Щедрина за то, что «оба они отрицатели, ... у обоих идеалы неизвестны ... и нет по существу никакой положительной программы» и именно поэтому, по оценке Суворина, «они мертвы для России»¹³⁹.

В то же время, вероятно, данный подход не избежал политической ангажированности, что вполне объясняется временем написания работы (1977 г.). Однако, в отличие от большинства советских историков, развивавших в той или иной степени тезисы, высказанные Лениным в известной статье, Соловьева и Шитова попытались наполнить избранную ими тему новым, актуальным для их времени звучанием. Не случайно, одним из их выводов является утверждение, что Суворин по сути стремился к формированию ««среднего класса», опоры капитализма, каким он держится в мире сегодня»¹⁴⁰. И в таком свете обличения суворинской идеологии звучат уже как обличения идеологии схожей с той, которую исповедует, выражаясь языком советских времен, враждебный капиталистический мир. Это обличение проходит красной нитью через всю статью, показывая, как Суворин воспитывает «довольного потребителя», предлагая в качестве аллегории жизни «сытый, мирный трактор», а в качестве идеала некий «дом-империю» - «огромное хозяйство с постоянно множащимися прирубями и пристройками, с прикупленной или оттяганной у соседа землей: хозяйство на ходу, крепкое и гибкое, готовое и обновиться и подлечиться»¹⁴¹. Однако описание этого идеала в наше время прочитывается несколько иначе. В изменившейся политической, экономической и идеологической ситуации формула мечты Суворина, представленная авторами как «дом и империя, империя-дом», по сути, является программной государственной установкой. Разница во взгляде на одни и те же принципы в 1970-е, когда была написана анализируемая статья, и в настоящее время объясняется не только разностью идеологий, но и раз-

¹³⁹ Цит по: Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 50.

¹⁴⁰ Соловьева И. Н., Шитова В. В. А. С. Указ. соч. С. 174.

¹⁴¹ Там же. С. 180, 182, 183.

личием состояний, в которых находилось наше государство сейчас и тогда. В годы «застоя» сила государства, его международный престиж и мировое влияние, с одной стороны, и степень социальной защищенности и стабильности жизни граждан при условии их политической лояльности, с другой, являлись той благодатной почвой, на которой возникал протест против «мещанства» как завуалированная форма протеста против конформизма, а шире против существующего политического строя. В настоящее же время, после пережитого периода, когда и выживание страны, и выживание ее граждан находилось под угрозой, задача укрепления и сохранения оставшейся территории и формирования стабильного среднего класса объективно соответствуют сегодняшним национальным интересам. Показательно, что одно из современных политических направлений имеет название, которое использовали Соловьева и Шитова для уничижительной характеристики позиции Суворина: «партия жизни». И действительно, именно выживание нации, как показывают все последние государственные программы, имеет сейчас первостепенное значение. В силу подобной двойственности, с которой звучат в наше время выводы авторов, данная работа представляет большой интерес. И многие ее положения заслуживают внимания и выглядят убедительно.

В постсоветский период положение об ориентированности Суворина на обывательскую массу или так называемый средний класс получило свое дальнейшее развитие. На это обстоятельство указывала в своем исследовании Л. П. Макашина, полагавшая, что ориентация Суворина на обывательскую среду вытекала из массовости его газеты, которая стремилась удовлетворить запросы «тысяч грамотных людей, отстраненных от активной политической или общественной жизни страны, живущих своими частными заботами, но не лишенных интересов, любопытства к жизни сфер»¹⁴².

Посвятивший Суворину серию статей и монографию Е. А. Динерштейн явно отказывает исследуемому деятелю в наличии твердых политических убеждений. Он разделяет мнение Н. К. Михайловского, сравнивавшего Суворина с флюгером, постоянно меняющим направление. Динерштейн согласен с Михайловским относительно того, что Суворин никогда не имел своих убеждений, а лишь постоянно приспособливался к «веканиям времени», полагая, что к нему более всего подходит понятие «конформизм»¹⁴³. Автор приводит ряд данных,

¹⁴² Макашина Л. П. Указ. соч. С. 89.

¹⁴³ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 8-9, 55.

подтверждающих, по его мнению, что Суворин по своему внутреннему убеждению не принадлежал ни к одному из существовавших в России общественно-политических направлений. Так, в письме к воронежскому журналисту М. Ф. Де-Пуле Суворин признавался: «Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии «Времени»... Я не знаю, сумею ли я объяснить, к какой же собственно партии я принадлежу!». В одной из своих статей 1861 г. Суворин заявлял, что не принадлежит к «почитателям» журнала «Современник», но в то же время считает его «необходимым явлением»¹⁴⁴. В 1866 г. Суворин подготовил к изданию свою повесть «Всякие. Очерки современной жизни», в которой, по его собственным словам, стремился «снять несколько те черные краски, которые положены на так называемых нигилистов такими мерзавцами как Лесков»¹⁴⁵. Однако в цензуру книга попала как раз в день покушения Каракозова на Александра II, следствием чего стало более пристрастное к ней отношение и, в конечном счете, запрет на издание и судебное разбирательство. Накануне суда в письме к Де-Пуле Суворин излагает прямо противоположные высказывавшимся ранее суждения: «Нигилисты всегда мне были не по нутру, но теперь они стали противней всякой горькой редьки... Я в последнее время совсем славянофилом стал и даже к конституции восчувствовал омерзение»¹⁴⁶. Причину данного «духовного перелома» публициста Динерштейн усматривал в ответных репрессиях властей, выразившихся, в частности, в закрытии журнала «Современник»¹⁴⁷.

На формирование политических взглядов Суворина, по словам Динерштейна, оказала влияние книга маркиза де Кюстина, убедившая его в необходимости для блага России установления ограниченной монархии «при равноправии граждан». Таким образом, по мнению автора, Суворин не принимал ни идей славянофилов, ни слишком радикального, на его взгляд, направления «Современника», а был, по его собственным словам, «поклонник старых государственных начал, просветленных европейской цивилизацией и наукой, с некоторой долей социализма». Находя в приводимых высказываниях «противоречивость» и «нарочитую аффектацию», автор делает из них вывод о

¹⁴⁴ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 16, 17.

¹⁴⁵ Там же. С. 24.

¹⁴⁶ Там же. С. 28.

¹⁴⁷ Там же.

том, что «выше всего Суворин ценит в журналисте его убежденность и независимость»¹⁴⁸.

Отмечая, что «Санкт-Петербургские ведомости», в которых с 1862 г. начинает сотрудничать Суворин, «не без основания числились либеральным органом», и даже приводя характеристику газеты, данную графом Д. А. Толстым, в которой она обвинялась в «антинациональном» и «антиправительственном» направлении, Динерштейн не считает возможным идентифицировать позицию газеты и ее сотрудника. Исходя из своей убежденности в том, что Сувориным всегда двигал только своекорыстный расчет, исследователь полагает, что выбор, сделанный Сувориным между газетами А. А. Краевского и В. Ф. Корша в пользу последней, был обусловлен не политическими симпатиями, а тем, что Корш выплатил «деньги вперед» на день раньше Краевского¹⁴⁹. В то же время, характеризуя деятельность издательства, открытого на имя жен Суворина и В. И. Лихачева, «истинным руководителем» которого был Суворин, Динерштейн полагает, что его «продукция и судьба» представляет собой «убедительное свидетельство прочных связей, установившихся у Суворина с либерально-демократическими кругами в конце 60-х – начале 70-х годов»¹⁵⁰. Исследователь полагает, что при анализе личности Суворина данного периода все же необходимо принимать во внимание его «сопричастность к кругу «Современника», несмотря на отсутствие духовного единства с сотрудниками журнала»¹⁵¹. Границу, разделяющую публициста с «Современником», Динерштейн проводит, пользуясь терминологией самого Суворина, между сочувствием «плебейскому демократизму» и неприятием «утопического социализма». Но ко второй половине 70-х гг. «взгляды Суворина на журналистику настолько эволюционировали, что он внутреннее уже был готов встать под любое знамя, лишь бы оно вело к жизненному успеху»¹⁵². Начало «отхода» «Нового времени» от курса «Современника» Динерштейн датирует летом 1876 г.¹⁵³ Однако, при этом замечает, что уже в передовой статье первого номера «Нового времени» программа издания была заявлена «несколько туманно». «Мы с направлением откровен-

¹⁴⁸ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 17.

¹⁴⁹ Там же. С. 21, 20.

¹⁵⁰ Там же. С. 30.

¹⁵¹ Там же. С. 42.

¹⁵² Там же. С. 44.

¹⁵³ Там же. С. 46.

ным... - цитирует исследователь. – Такое мы сочинили в отличие от радикального и консервативного». Не случайно, как отмечает исследователь, глава Цензурного комитета князь П. П. Вяземский сумел сразу разглядеть, что новую газету следует относить к «консервативным органам печати»¹⁵⁴.

Окончательный переход Суворина в правый лагерь Динерштейн определяет моментом, когда «в одну цепь связывались» избиение торговцами с Охотного ряда студенческой демонстрации, освобождение В. Засулич, волна терактов, прокатившаяся в это время по стране. В результате общество начинает все больше поляризоваться и «в создавшейся ситуации сиденье между двумя стульями не могло быть долгим». Сыграл роль и субъективный фактор – смерть Некрасова, которая оборвала «последнюю нить», соединявшую Суворина с кругом «Отечественных записок». И на этот же период приходится решение публициста о единоличном выпуске газеты. Динерштейн отмечает, что «жизнь требовала» от издателя ежедневной частной газеты, распространявшейся и по подписке, «предельной осторожности». В то же время исследователь признавал, что «роль выразителя общественного мнения заставляла его идти на весьма рискованные шаги в критике администрации и разоблачении различного рода злоупотреблений»¹⁵⁵. Суворин, по мнению Динерштейна, «всегда и во всем оставался политиком» и, «протестуя против приходской партийности в литературной критике», в то же время «сам был более чем тенденциозен»¹⁵⁶.

Констатируя вслед за рядом дореволюционных и советских авторов признание за «Новым временем» положения «негласного официоза», Динерштейн, в то же время, полагает, что газета никогда не шла «в фарватере правительственной политики», а ориентировалась только на те правительственные круги, мнение которых она разделяла. Тем не менее, исследователь не сомневается в «близости Суворина к правящим сферам и умении его извлекать из этого для себя немалую пользу», обращая внимание на существовавшие «взаимовыгодные» личные связи Суворина в различные периоды с М. Т. Лорис-Меликовым, О. Я. Гюббенетом, В. К. Плеве и С. Ю. Витте. С последним, как определяет автор, Суворина связывали «давние и прочные узы», так как оба нуждались «во взаимной поддержке» и «в критические моменты своей карьеры не раз оказывали друг другу неоцени-

¹⁵⁴ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 59.

¹⁵⁵ Там же. С. 59.

¹⁵⁶ Там же. С. 174-175.

мые услуги»¹⁵⁷. При этом, несколько противореча себе, Динерштейн утверждает, что такие политические деятели как С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов не благоволили «Новому времени», объясняя такое положение исключительно тем, что Суворин «в пропагандируемом им курсе внутренней и внешней политики» опирался на поддержку «крайне реакционных кругов». В то же время автор отмечает, что данные политики были вынуждены все же считаться с изданием, пользовавшимся «огромным влиянием при дворе».

Исследователь полагает, что «Новое время» находило поддержку «лишь в откровенно консервативных кругах» и воспринималось «бюрократией и поместным дворянством» как орган, выражающий их интересы¹⁵⁸. При этом обращается внимание на то обстоятельство, что уже в 1879 г. «Новое время» потеряло около двух тысяч своих подписчиков, преимущественно из числа студентов и интеллигенции. Однако, автор не обратил внимание на тот факт, что тираж газеты резко возрос во время войны за освобождение Болгарии, окончившейся в 1878 г., что и стало основной причиной уменьшения количества подписчиков, причем не только у «Нового времени».

Большинство современных исследователей, так же как и советские историки, обращаются к личности Суворина в первую очередь в связи с изучением истории журналистики или отдельных литераторов, с которыми публицист был лично знаком. При этом авторы вынужденно дают характеристику и самому Суворину и раскрывают его взгляды на те или иные затрагиваемые в работах проблемы. К сожалению, данные характеристики, в силу специфики самих работ, являющихся в большей степени литературоведческими, как правило, весьма кратки и в основном повторяют оценки советского периода. Так, анализируя восприятие Достоевского Сувориным, И. А. Битюгова замечает, что последний в начале своей деятельности выражал сочувствие демократии, но «позднее сблизился с высшими правительственными кругами», подчиняя «Новое время» «во многом их интересам»¹⁵⁹.

Автор посвященной Суворину статьи, написанной для энциклопедического издания, Р. Б. Ромов, развивая идеи отечественных исследователей советского периода П. С. Рейфмана и О. Г. Ласунского о либерально демократической ориентации раннего Суворина, ут-

¹⁵⁷ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 97.

¹⁵⁸ Там же. С. 101, 75.

¹⁵⁹ Битюгова И. А. Указ. соч. С. 183.

верждал, что первоначально Суворин «придерживался радикальных убеждений»¹⁶⁰. Дальнейшая эволюция публициста видится автору, начиная с середины 1860-х гг., в сторону «умеренности», ориентированной на «принципы северо-американского демократизма». Окончательную оформленность политические взгляды Суворина, по мнению Ромова, приобретают в последней четверти XIX в. и с тех пор уже не меняются. Автор называет Суворина одним из создателей «интеллектуальной базы русского консервативного либерализма на стадии становления этого идейно-политического течения»¹⁶¹.

В то же время появляются и менее однозначные оценки. К примеру, историк по образованию, ныне писатель и литературный критик М. В. Ганичева, анализируя письма к Суворину русских писателей, солидаризируется с мнением А. П. Чехова, который ценил публициста и издателя за «либеральное направление и умение возбуждать общественное мнение, слушать его пульс», считая при этом, что когда Суворин пытался «проводить какие-нибудь консервативные выражения (вроде «к подножию трона»)), то выглядел как «тысячепудовый колокол, в котором есть трещина, производящая фальшивый звук»¹⁶².

Рассматривая взгляды Суворина через призму его публицистической и предпринимательской деятельности, Н. А. Красножен пришел к выводу, что Суворин сознательно «отошел от канонов политизированности периодических изданий» и отказался от «идеологической целостности» газеты как средство завоевать наиболее широкую читательскую аудиторию¹⁶³.

Сотрудник СПб института истории РАН И. В. Лукоянов, исследующий природу русского консерватизма конца XIX - начала XX, является одним из немногих современных историков, интересующихся в первую очередь общественно-политической позицией Суворина и его газеты. Определяя в целом направленность «Нового времени» как проправительственную и помещая ее на «правом фланге обществен-

¹⁶⁰ Ромов Р. Б. Суворин Алексей Сергеевич // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия*. М., 2005. С. 523.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Ганичева М. В. «Дорогой друг Алексей Сергеевич...» (Суворин и русские писатели) // *Бежин луг*. 1994. № 2. С. 154.

¹⁶³ Красножен Н.А. А.С. Суворин – предприниматель и публицист // *Человек и общество в истории российской цивилизации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых* М., 2004. С. 292.

ного мнения», автор признает, что она не была «строго фиксированной». Колебания Суворина и его издания Лукоянов объяснял ориентированностью на «настроение обывателя»¹⁶⁴. Таким образом, Суворину приходилось находить некую равнодействующую между настроениями общественности и правительственной позицией. Исследователь полагает, что Суворин видел свою основную задачу в том, чтобы быть помощником правительства, однако не указывает, каким образом он предполагал эту помощь осуществлять. Нам представляется, что эту помощь Суворин усматривал в том, чтобы быть своеобразным мостом между правительством и обществом. В более поздней работе исследователь отмечает, что «несмотря на стремление находиться в русле правительственной политики, что отражало мировоззрение руководства издания и желание не ссориться с цензурой, ... официозом власти газета все-таки не была»¹⁶⁵.

Между тем, анализ взглядов самого Суворина представляется Лукоянову «весьма затруднительным», так как, во-первых, он «предпочитал не детализировать свои политические суждения», во-вторых, ввиду цензуры он не мог высказывать свои взгляды достаточно откровенно, в третьих, «возможно», его позиция была не всегда ясна самому публицисту. Однако автор считает недопустимым применение к личности Суворина знаменитый термин «чего изволите», так как подобное навешивание ярлыков «упрощает» вопрос о политической позиции редактора «Нового времени», а, следовательно, делает бессмысленным дальнейший анализ его взглядов¹⁶⁶.

Предпринимаются попытки найти психологические истоки метаморфоз Суворина. В диссертационном исследовании, посвященном жизненному пути Суворина, Л. М. Хуторова пришла к выводу о том, что политическая карьера публициста и его личная жизнь «были тесно взаимосвязаны и взаимообуславливали друг друга»¹⁶⁷. В частности, она обращала особое внимание на смерть его первой жены. По мнению исследовательницы, «обстоятельства ее гибели поколебали

¹⁶⁴ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России // Экономические и социально-политические проблемы истории. М., 1992. С. 119.

¹⁶⁵ Лукоянов И. В. Русское собрание // Россия в XIX – XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 165.

¹⁶⁶ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России. С. 120, 123.

¹⁶⁷ Хуторова Л. М. Алексей Сергеевич Суворин (1834-1912): судьба и взгляды. Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 18.

либеральные взгляды Алексея Сергеевича» и даже повлияли на его характер: «от природы недоверчивый, склонный к ипохондрии, он укрепился в убеждении, что никому нельзя доверять, целиком и полностью рассчитывать можно лишь на себя»¹⁶⁸. Относительно политической ориентации Суворина Хуторова пришла к заключению, что «к середине 1870-х гг. он продолжал оставаться либералом умеренного толка». «Славянский вопрос», по мнению историка, способствовал эволюции взглядов Суворина в сторону их «поправления», но в целом его позиция продолжала оставаться либеральной¹⁶⁹.

Тему гендерного аспекта в становлении личности Суворина более подробно развивала О. Е. Макарова. На основании архивной переписки и дневников Суворина она стремилась показать, что он был человек в себе неуверенный и не любивший принимать ответственных решений, которые в первом браке принимала жена, с которой Суворин неизменно считался¹⁷⁰. В другом исследовании мы находим цитату из дневника Суворина 1896 г., казалось бы подтверждающую вышеприведенное мнение: «без Анюты, которая подбивала меня, ободряла и вообще имела на меня большое влияние, я, вероятно, так в Боброве и проспал бы целую жизнь». Однако, И. В. Подольская, приводившая эту цитату в своей работе, не считала возможным полностью ей доверять. Она полагает, что мнение старого Суворина о той активной роли, которую в его жизни сыграла первая жена, является сильно преувеличенным самообманом.

В свою очередь данный автор предлагает искать причины двойственности Суворина в его детстве и юности, в резком переходе из нищей деревенской избы в привилегированный кадетский корпус. Она полагает, что именно с началом учебы у Суворина возникает «честолюбивое стремление превзойти своих сверстников из богатых дворянских семей» и в то же время «зависть к сильным мира сего и жгучее желание приблизиться к ним». Именно заложенные в этот период комплексы, по мнению Подольской, привели будущего публициста к «слабости и раздвоенности, неуверенности в себе и постоянному недовольству собой», сопровождавшемуся жадой «власти над людьми»¹⁷¹, что и определило

¹⁶⁸ Хуторова Л. М. Указ. соч. С. 14.

¹⁶⁹ Там же. С. 16.

¹⁷⁰ Макарова О. Е. «Не будь Анюты, которая... имела на меня большое влияние...». Штрихи к семейному портрету А. С. Суворина на фоне эпохи // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. № 12. С. 145 – 170.

¹⁷¹ Подольская И. В. Алексей Сергеевич Суворин // Литературное обозрение. 1999. № 4. С. 43.

в конечном счете его жизненный путь и сделанный им выбор между Незнакомцем и нововременцем в пользу последнего. Несмотря на новый «психологический» подход, выводы и оценки Подольской выдержаны в духе наиболее резких образцов советской историографии. Она полагает, что в начале 60-х гг. Суворин «не продавался», так как «его еще никто не пытался купить». По мнению Подольской, Суворин всегда писал то, «на что был спрос». И именно изменение «спроса» обуславливало изменения в его статьях. «Начало 1860-х годов – время повышенного спроса на либерализм», поэтому Суворин либерал, позволяющий себе «довольно много». А когда в связи с изменениями внутривластной обстановки позиция либерала «стала нерентабельной, даже убыточной и опасной», Суворин «переходит на позиции охранительства, несомненно сулящие поддержку власти»¹⁷².

В предисловии к изданию «Дневника» Суворина в новой редакции Д. Рейфилд и О. Е. Макарова характеризуют мировоззрение его автора как «эkleктичное» по своей сути¹⁷³.

Особняком в ряду всей отечественной историографии стоит позиция Т. А. Шишкиной, настоятельно проводящей в своем диссертационном исследовании и статьях идеи о том, что, во-первых, несмотря на частные изменения, взгляды и убеждения Суворина «в своей сущности оставались неизменными»; во-вторых, Суворин на протяжении всей своей публицистической деятельности «был типичным представителем российского либерализма»¹⁷⁴.

Как мы уже отмечали выше, автор единственной зарубежной монографии, посвященной Суворину, в целом разделяет позиции советской историографии. В связи с этим период работы Суворина в «Вестнике Европы» и «Санкт-Петербургских ведомостях» Э. К. Амблер описывает как переход от сочувствия нигилизму к либерализму, называя 1875 год «апогеем его признания как публициста-либерала»¹⁷⁵. В обоснование своей позиции исследовательница ссылается как на статьи самого Суворина, так и на оценки современников, указывая, в частности, на то обстоятельство, что даже ряд народников отзывался о

¹⁷² Подольская И. В. Указ. соч. С. 45, 47.

¹⁷³ Рейфилд Д., Макарова О. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. XX

¹⁷⁴ Шишкина Т.А. Общественно-политические взгляды А.С. Суворина: 1860–1870-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист наук. Саратов, 1997. Она же. А. С. Суворин в общественной жизни России кон. XIX – нач. XX в. (историография проблемы); Она же. А. С. Суворин и революционно-демократическое движение в России 1860-1870-х гг. // Освободительное движение в России. Выпуск № 18. Саратов, 2000. С. 117.

¹⁷⁵ Ambler E. K. Op. cit. P. 79.

публицисте в этот период одобрительно. Автор отмечает, «как либеральный публицист Суворин выступал за свободу, образование, общественную чистоту и прогресс. Он презирал реакционеров, шарлатанов спиритуалистов и дутых аристократов. Он часто использовал слово «цивилизация», которым обозначал современные технологии, западноевропейское социальное развитие и развивающийся русский либерализм»¹⁷⁶. Суворина данного периода Амблер представляет как западника. «Он считал, – отмечает исследовательница, – что определённые исторические явления: гражданская свобода, капитализм, пролетариат – рано или поздно появляются во всех «современных государствах». Но после первой же своей заграничной поездки он вынужден был признать, что Россия сильно отстала от Европы, и ей надо будет очень потрудиться, чтобы её догнать, особенно, если учесть, что Европа не собирается останавливаться и ждать Россию»¹⁷⁷. И взгляд Суворина на русскую историю это взгляд западника.

При этом американская исследовательница склонна была видеть в начинающем публицисте некоторое тяготение в сторону «левых». Она полагала, что Суворин «в достаточной мере чувствовал себя наследником оппозиционного прошлого, чтобы при всяком случае защищать его лидеров. Он высоко ценил Белинского и его положительное влияние на общество... Он защищал Чернышевского от обвинений Лескова и выступал против алчных спекулянтов, которые делали положение ссыльного более опасным, публикуя его труды за рубежом»¹⁷⁸. В то же время автор сумела разглядеть внутреннюю противоречивость взглядов Суворина уже на ранних этапах. Она отмечала, что предпочтения и симпатии Суворина этого периода похожи на те, что традиционно приписывают левым. Он обожал Жорж Санд, считавшуюся матерью-кормилицей поколения сороковых. Он не любил Лескова, Всеволода Костомарова, В.П. Авенариуса и других писателей анти-нигилистов, высоко ценил историка Фридриха Кристофа Шлосера и ненавидел деспотичного Наполеона III. Больше всего он презирал журналистов из ультранационалистического и аристократического лагеря – тогда как настоящие радикалы, как правило, не очень ими интересовались. Хотя его симпатии походили на симпатии левых, его политические взгляды и цели могли быть совершенно иными»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Ambler E. K. Op. cit. P. 80.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Ibid. P. 94.

¹⁷⁹ Ambler E. K. Op. cit. P. 95.

Основное различие между Сувориным и радикалами Амблер нашла в его характеристике 1860-х гг. «которые он называл "весной либерализма", "временем юношеского энтузиазма" и временем, когда он сам был молод... Это было время долгих и эмоциональных споров о конституционализме, социализме, фурьеризме и прочих подобных вопросах – время, когда даже мудрейшие из людей "поддались невероятным мечтаниям". Именно эти «невероятные мечтания», по мнению американского историка, в конечном счете, «отделяют Суворина-либерала от более левых». Последние «никогда не теряли веру в возможность больших и резких политических изменений в ближайшем будущем. Они верили, что революция вполне возможна, если только выбрать правильную тактику и найти правильный контакт с массами. Надежды Суворина на обозримое будущее были не столь велики, они не шли дальше "маленьких дел" и укрепления уже принятых реформ»¹⁸⁰.

Исследователь полагала, что «определённым образом Суворин продолжал защищать новые институты и в последующие годы». Однако вскоре после 1875 в его взглядах произошли большие перемены, совершившиеся «под влиянием воинствующего национализма и антиуниверсализма»¹⁸¹.

Вопросом о времени и причинах изменений взглядов Суворина задавался Д. Рейфилд. В качестве переломной даты он называл, солидаризируясь со своей коллегой по подготовке к изданию дневника Суворина О. Макаровой, 1873 г. – год гибели его первой жены. Однако, в отличие от Макаровой, Рейфилд усматривал в этом событии не только внутренние последствия для жизни Суворина, но и внешние. «Как это ни цинично звучит, – писал он, – но Суворину повезло: общая волна сострадания подняла Суворина очень высоко в общественном мнении»¹⁸². Следствием чего в конечном итоге, по мнению английского исследователя, во многом стала покупка «Нового времени» – любимого детища Суворина.

¹⁸⁰ Ambler E. K. Op. cit. P. 96 – 97.

¹⁸¹ Ibid. P. 112.

¹⁸² Рейфилд Д. Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона. 1999. № 11. <http://socarchive.narod.ru/infochan/person/n11/1121.htm>

Глава 3. «Фабрика общественного мнения»

Многие современники ставили Суворина в один ряд с Катковым¹⁸³. «Подобно тому, как звезда Каткова загорелась в 1863 г., когда он с яростью обрушился на «польскую справу», - писал в статье, посвященной смерти Суворина, В. Львов-Рогачевский, - так Суворин создал «свой дом», завоевал благоволение начальства и благоволение городской черни в 1876 г., когда начал помогать правительству в его работе»¹⁸⁴.

Примечательно, что А. Ф. Кони в письме к гражданской жене А. В. Каировой еще осенью 1877 г. писал: «Напрасно думаешь ты, что Катков, Суворин, Мещерский ошибающиеся, но честно убежденные люди. Все они настолько умны, чтобы различать сапог от шапки, чтобы понять, что пыл молодежи вовсе не обдуманый заговор о ниспровержении государства, ... что освобождение крестьян вовсе не подрыв государственного благосостояния и что крепостное право во все не государственная опека над народом, но все кричат караул и пропагандируют свои идеи, отнюдь не по внутреннему сознанию, а для того, чтобы выскочить на голову повыше легковерной толпы и тем зашибить себе лишнюю копейку. Но у них есть по крайней мере ловкость и в частных сношениях выдерживать свою роль и показывать вид глубокого убеждения в том, чему они не верят и в душе не поклоняются»¹⁸⁵.

При этом не раз современники отмечали, что все, написанное ранним Сувориным о Каткове, можно отнести и к самому Суворину в период его редакторства в «Новом времени». Одним из первых эту мысль высказал М. Горький в открытом письме Суворину еще в 1899 г.¹⁸⁶ Затем эту мысль повторил П. Б. Струве в написанной к юбилею Суворина, но не «юбилейной» по содержанию статье¹⁸⁷. В некрологе по случаю смерти Суворина В. Львов-Рогачевский, перечитывая ранние работы публициста, пришел к мысли о том, что «Суворин-

¹⁸³ Елисеев Г. З. Письма к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С. 53; Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 321; Абрамович Н. Я. Указ. соч. С. 4.

¹⁸⁴ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 321.

¹⁸⁵ Кони А. Ф. Письма. С. 138.

¹⁸⁶ Горький М. Открытое письмо к А. С. Суворину // Горький М. Собрание сочинений. М., 1954. Т. 28. С. 64 – 65.

¹⁸⁷ Струве П. Б. Физиология одного превращения. «Незнакомец» и «Новое время» // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905 – 1910). М., 1997. С. 143 – 144.

Незнакомец» своей критикой Каткова вынес приговор «Суворину-нововременцу»¹⁸⁸. Ту же мысль через год повторил В. Г. Короленко¹⁸⁹. В постсоветский период к схожим утверждениям пришли И. Подольская и О. Г. Ласунский¹⁹⁰.

Уже среди современников Суворина возникло представление, получившее развитие в уже характеризовавшейся нами работе И. Соловьевой и В. Шитовой, о «Новом времени» как обывательской газете. Так, А. Б. Петрищев в статье, опубликованной в связи со смертью Суворина в «Русском богатстве», отмечал, что издатель «Нового времени» рассчитывал «на успех в иной, не писательской, не интеллигентской среде»¹⁹¹.

Схожую мысль более развернуто выразил еще в 1875 г. писатель круга «Современника» Н. Языков (настоящее имя Н. В. Шелгунов), назвавший Суворина «трибуном обыденной повседневности на базаре житейской суеты»¹⁹². Автор исходил из посылки, что изменения в газетной публицистике связаны с изменениями, происходившими в российском обществе, а именно с вырождением в образованном обществе интеллигенции. Как следствие «пророки-вожди» сменились «пророками-зеркалами». «Теперь успех имеет только зеркало, - утверждает автор, - и чем это зеркало отражает вернее, тем и успех его больше. Для теперешнего времени нужна не теория, не мысль, а нужна панорама»¹⁹³. Именно этим обстоятельством автор объясняет тот факт, что ведущим жанром российских газет стал фельетон. С определением Языкова перекликается характеристика, данная публицистическому методу Суворина Амфитеатровым: «Он наблюдатель-субъективист и импрессионист... Прежде всего – эхо»¹⁹⁴. Эти замечания, на наш взгляд, весьма важны не только с точки зрения характеристики Суворина-фельетониста, но и с позиции сравнения Суворина и Каткова. Первому действительно приходилось работать в иных общественных условиях, и он действительно брал на себя роль «пророка-вождя», как и многие другие журнальные деятели, безотносительно к их политиче-

¹⁸⁸ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 319.

¹⁸⁹ Короленко В. Г. Указ. соч. С. 361.

¹⁹⁰ Подольская И. В. Указ. соч. С. 45; Ласунский О. Г. И. С. Никитин и молодой А. С. Суворин. С. 61.

¹⁹¹ Петрищев А. Б. Указ. соч. С. 134.

¹⁹² Языков Н. Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10. С. 96.

¹⁹³ Там же. С. 74.

¹⁹⁴ Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина. С. 255, 257.

ским позициям, стремились именно к такой роли. Суворин же действительно в большей степени не создавал, а отражал общественное настроение, пытаясь лишь, по-возможности, задать ему нужное направление. Однако в этом и состоит одна из основных ценностей его работ.

Данное положение отметил и Н. Языков. Объясняя необычный для конца XIX в. факт – широкий потребительский спрос на изданные отдельной книгой газетные фельетоны Суворина, он отмечает, что этот автор «в настоящую минуту больше всего удовлетворяет своему обществу, и потому, без сомнения, по его понятиям можно судить об обществе»¹⁹⁵. При этом автор признавал взаимность влияния публициста и того общества, для которого он работал: «Суворин знает вопросы дня, вопросы минуты, вопросы ближайшего интереса; он, как народный трибун, как проводник и пророк, знал, что нужно говорить и как говорить, и он умел говорить целой массе, и масса поучалась, узнавала то, что ей нужно знать, воспитывалась через своего представителя в общественном мышлении, научалась понимать через него свои интересы, сама посвящала в них его и отражалась в нем, как отражался он в ней»¹⁹⁶. Языков так же сформулировал основной внутренний принцип написания фельетонов Сувориным, который совпадает в целом с современными представлениями об обывательской идеологии: «Он только хочет середины, уравнивающего, невыдающегося, но не покушается ни на какие принципы и оставляет в покое все точки отправления». В то же время «что бы ни отражал фельетон, он всегда хочет сказать, что только у него у одного верный аршин и что только то хорошо, что он находит хорошим»¹⁹⁷. Примечательно, что последнее положение перекликается с характеристикой, данной публицистике Суворина его горячим поклонником и сотрудником «Нового времени» Н. М. Ежовым: «Заметив малейшую неправильность, он спешил вас научить: "Не так! Это надо так!" говорил он... И так-то всегда торопился он помогать, учить и служить»¹⁹⁸. Разумеется, в противоположность Языкову Ежов видит в этом не недостаток, а большую заслугу Суворина.

Противопоставления Суворина и Каткова невольно проявляется у Языкова и в аналогии прежнего интеллигента с Лежневым – героем

¹⁹⁵ Языков Н. Указ. соч. С. 75.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 76.

¹⁹⁸ Ежов Н. М. Алексей Сергеевич Суворин // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 120.

романа И. С. Тургенева «Рудин», прототипом для которого во многом послужил М. Н. Катков, в то время как выразителем идеалов так называемого «теперешнего интеллигента» автор называет Суворина¹⁹⁹.

Различия между Сувориным и Катковым, наряду с преемственностью их общего курса, отмечал и В. Львов-Рогачевский. По его мнению, в «Новом времени» «сочетались "Московские ведомости" с нигилизмом»²⁰⁰. Автор так же отмечал «заигрывание с городским мещанством» суворинской газеты²⁰¹.

Несомненно признавая определенную преемственность между «Московскими ведомостям» Каткова и «Новым временем» Суворина, Н. Я. Абрамович пришел к заключению, что «объективный суд истории выяснит большую степень влиятельности Суворинской газеты в том смысле, что она имела под собой почву такого читательского внимания, внимания непосредственного, воспринимающего, какого орган Каткова не имел». Автор видит причины такого положения в том, что «влиянию Каткова противопоставалась громадная сила радикальной печати 60 и 70-х годов и ее вождей. Катков был почти что «один в поле воин», имея в тылу правящее чиновничество»²⁰². Суворин же вышел на сцену публицистики в «эпоху журнального безвременья», когда «радикальная журналистика, за несколькими счастливыми исключениями, представляла собой сушь, мертвое поле, топь общих мест». Именно изменением ситуации в духовной жизни страны, когда «отхлынувший общественный подъем обнажил слабую и умственно беспомощную обывательскую душу», Абрамович объяснял высокую популярность «Нового времени». Вторя ряду современников, автор подчеркивает, что это была популярность именно в «обывательской массе», причем обывателя городского, а не сельского, и именно в этой среде газета имела большое влияние²⁰³. «Устоями "Нового времени" были, с одной стороны – правящая бюрократия, – утверждал автор, – и с другой – инертность и бессилие нашей общественности»²⁰⁴. Идея о том, что общество само породило успех «Нового времени» своей «слабостью», «обывательским испугом», «моральной стадностью», неоднократно повторяется автором на протяжении всей работы.

¹⁹⁹ Языков Н. Указ. соч. С. 77.

²⁰⁰ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 325.

²⁰¹ Там же. С. 323.

²⁰² Абрамович Н. Я. Указ. соч. С. 5.

²⁰³ Там же. С. 6, 15.

²⁰⁴ Там же. С. 11.

Другой неумолимый противник и критик «Нового времени» и его редактора П. Б. Струве так же полагал, что, взяв на вооружение идею Каткова о «национальной политике», Суворин «создал целую фабрику общественного мнения», рядом с которой «Московские ведомости» Каткова «являли жалкую кустарную избу»²⁰⁵.

В противоположность вышеприведенным мнениям К. Арсеньев, сравнивая Суворина с М. Н. Катковым и И. С. Аксаковым, отмечал более мелкий масштаб личности и деятельности первого. По мнению автора, со смертью Каткова и Аксакова сошли со сцены «крупные силы, до конца игравшие выдающуюся политическую роль», так как в них нашла наиболее яркое отражение «целая историческая полоса». В Суворине же, как отмечал Арсеньев, «никогда не олицетворялось определенное общественное течение», а «полемика с ним никогда не была равносильна полемике с господствующей системой»²⁰⁶.

Сравнение воспоминаний о Суворине и Каткове лиц, близко их знавших, указывает еще на одно различие этих личностей. Суворин был гораздо ярче в своих внешних проявлениях, по сравнению с Катковым, поэтому в воспоминаниях о нем доминируют описания его характера, поступков, деталей личной жизни, в то время как при оценке Каткова всегда обращали внимание на его общественно-политические взгляды.

Отмечая, что Суворин в роли «чего изволите» ориентировался на Интересы и желания сановной бюрократии, большинство дореволюционных авторов не акцентировало внимания на существовании обратной связи. В частности Г. З. Елисеев в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину называл путь Суворина – «путь приспособления к генералу»²⁰⁷. П. Б. Струве упрекал Суворина в том, что тот променял свою независимость «на влияние газетного антрепренера, приспособляющего общественное мнение к меняющимся воззрениям и потребностям сил, стоящих вне общества и диктующих ему свою волю»²⁰⁸. Тем более примечательно, что в дневниковых записях Е. А. Штакеншнейдер за 1885 г. встречается следующее замечание: «... сенаторы читают уже "Новое время". И, хотя немножко похоже

²⁰⁵ Струве П. Б. Физиология одного превращения. «Незнакомец» и «Новое время». С. 145.

²⁰⁶ Арсеньев К. К. Указ. соч. С. 421.

²⁰⁷ Елисеев Г. З. Указ. соч. С. 184.

²⁰⁸ Струве П. Б. Физиология одного превращения. «Незнакомец» и «Новое время». С. 145.

на попугаев, а повторяют все-таки то, что внушает им оно, а не некогда столь дорогой для них и важный "Голос" ...»²⁰⁹.

Профессор Т. В. Локоть, публиковавшийся до революции в «Новом времени» и примыкавший к партии русских националистов, в 1921 г. в газете «Новое время», издававшейся в Белграде, характеризовал Суворина как идеолога общественного течения, для которого были характерны «монархизм, государственность, стойкий русский национализм, эволюционное понимание общественно-политического прогресса, реализм общественно-политической мысли»²¹⁰.

Сотрудник издававшегося на средства Суворина журнала «Исторический вестник» Б. Б. Глинский, написавший пространный биографический очерк сразу после смерти издателя, также сравнивал публицистику Каткова и Суворина. Первую он определял как «политическую артиллерию, которая была тяжелыми ядрами и производила нужное общественное впечатление только в некоторые определенные моменты нашей жизни», а вторую уподоблял «легким взвившимся ракетам», которые завязывали «блестящие литературные турниры», привлекая тем самым к себе широкие массы читателей²¹¹.

Долгое время сотрудничавший в «Новом времени» и близко знавший Суворина В. В. Розанов, посвятил спустя более десяти лет после его смерти, специальную статью сравнению двух публицистов и редакторов. Розанов поставил своей целью показать различия Суворина и Каткова, заявив в самом начале работы о том, что «они не имели между собой ничего общего»²¹². Признавая силу публицистического таланта Каткова и его мощь, Розанов полагал, что эта мощь не всегда бывала эффективной. «Если поставить около Каткова Суворина, - писал он, - то это "совсем мало". Так кажется. Что такое "Маленькие письма" около передовиц его? Флейта около пушки. Да, но флейта играет, и ее слушают, а пушка выстрелила и больше слушать нечего». Таким образом, Розанов утверждал, что публицистическая деятельность Суворина имела гораздо больший резонанс и соответственно влияние на внутреннюю жизнь страны: «У Суворина было все равниннее и ниже, но распустилось как лес, как травы, как поля»²¹³.

²⁰⁹ Штакеншнейдер Е. А. Из дневников // Голос минувшего. 1919. № 4. С. 193.

²¹⁰ Локоть Т. В. «Новое время» и русская национальная демократия // Новое время. 1921. № 129. Белград. С 1.

²¹¹ Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 21 – 22.

²¹² Розанов В. В. Суворин и Катков. С. 36.

²¹³ Там же. С. 37.

Почитатели таланта Суворина утверждали, что именно «Новое время» стало первой в России «большой "политической газетой", с которой, как с выражением общественного мнения, вскоре стали считаться не только в России, но и за границей»²¹⁴.

В отечественной историографии советского периода «Новое время» Суворина безоговорочно воспринималось как официоз. В частности, еще в 1924 г. Д. О. Заславский утверждал, что общественное мнение имело «полное основание» полагать, что «правительство и «Новое время» это одно и то же», делая из этого вывод об ответственности Суворина «за все ошибки и преступления старого государственного строя» наряду с другими «главными деятелями». Тем не менее, Заславский полагал, что влияние Суворина на правительство было мнимым. Признавая, что «всесильные министры побаивались его и заискивали перед Сувориным», он в то же время указывал на то обстоятельство, что газета постоянно ощущала на себе «административный произвол», и, несмотря на то, что ее «читал царь, неоднократно боялась за свое дальнейшее существование». Хотя вновь назначаемые министры и наносили визиты Суворину, это не мешало вызывать его в министерскую канцелярию и распекать, «как мальчишку, за случайный промах в газете или за робкую попытку оппозиции»²¹⁵.

В отличие от дореволюционных авторов, советские историки практически единогласно признавали масштаб личности Каткова и степень его влияния на политическую жизнь страны гораздо большим в сравнении с Сувориным. Показательно в этой связи замечание Ю. Б. Соловьева о том, что «своим Катковым реакция начала XX в. не обзавелась». Автор полагал, что охранительство этого периода не имело «не только вождей, но и сколько-нибудь заметных фигур»²¹⁶.

Исследуя политическую ситуацию в России конца XIX в., Ю. Б. Соловьев пришел к выводу, что «независимость» Суворина, как и любого легального журналиста, так же как и независимость любого, даже самого высокопоставленного чиновника, была мнимой. Он полагал, что в условиях самодержавия даже охранителям «не полагалось» просто служить власти, а «позволялось прислуживать» в качестве «лакеев». Разумеется такая ситуация не могла устроить даже самых консервативно мыслящих деятелей. Именно этим обстоятельством

²¹⁴ Цит. по: Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 33.

²¹⁵ Заславский Д. О. Дневник А. С. Суворина. С. 282 – 283.

²¹⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 г.г. Л., 1981. С. 84.

вом историк объясняет тот факт, что многие верноподданные лица, включая Суворина, часто испытывали «фрондерские настроения» и были «в претензии к власти», которая, по словам Суворина, «не допускает тени независимости»²¹⁷.

Данное замечание, на наш взгляд, является очень важным, так как подводит к постановке проблемы, не утратившей свою актуальность и по настоящее время. Как это ни покажется парадоксальным, но власть в России имеет гораздо больше опыта общения с оппозицией, чем с представителями той части общества, которая, в целом, проявляет по отношению к ней лояльность и исповедует традиционалистские, консервативные взгляды. Оппозиция требует определенного отношения к себе, борьбы или уступок, заставляет вырабатывать стратегию общения с ней и даже взаимодействия. А чего же может требовать лояльная часть общества, когда само слово «требовать» выглядит неуместным применительно к ней. От лояльной общественности, равно как и от выразителей ее интересов, ожидают лишь однозначного единодушного одобрения правительственных действий.

Оппозиция на протяжении нескольких столетий была модной, а лояльность вызывала общественное неуважение. Происходило это в ряду прочих причин и вследствие отсутствия у большинства образованного общества ассоциации власти с государством как таковым. В результате выступления против власти не воспринимались как выступления против собственного государства. Как показал опыт и царского и советского периодов, – это было жестоким заблуждением.

Консервативные идеологи, коль скоро они претендуют на это «звание», при всей своей искренней лояльности государственному строю сохраняют определенную степень самостоятельности взглядов относительно насущных потребностей общества. В условиях российской действительности как XIX, так и XX века подобное позволение себе «свое суждение иметь» властными структурами трактовалось и трактуется всегда однозначно как проявление оппозиционности. Причем такая консервативная «оппозиция» раздражает правительство гораздо больше, чем либеральная (призванная критиковать власть по определению), так как она обнаруживает самим своим существованием слабые стороны власти. Это и порождает двойственность положения, в котором оказываются в первую очередь лояльные журналисты. В первой главе мы уже отмечали эту двойственность применительно к Кат-

²¹⁷ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 134 – 135.

кову²¹⁸. Не избежал этого и Суворин. И Ю. Б. Соловьев, на наш взгляд, очень точно охарактеризовал ее суть. «Роль журналиста в самодержавном государстве несомненно была одной из самых парадоксальных, - указывал он, - и прямо рискованных. Никакая услужливость не давала полной гарантии благополучия, потому что всегда оставалась коренная несовместимость всей системы самодержавия как воплощения деспотизма и произвола... со всем тем, что проливалось хотя бы самый слабый свет на творимое властью»²¹⁹. Историческими подтверждениями верности этого положения являются примеры обращения власти с Катковым и Сувориным. Достаточно вспомнить, как первый получил «выволочку» незадолго до своей смерти за то, что осмелился на страницах газеты давать советы правительству относительно внешней политики. Показательную ситуацию применительно к Суворину приводит в своей монографии Соловьев – приостановка издания газеты за статью о рабочем вопросе сразу же после торжественного празднования 25-летнего юбилея «Нового времени» под редакторством Суворина. Ввиду того, что у Соловьева эта история упоминается вскользь, позволим себе осветить ее более подробно.

Министр внутренних дел Д. С. Сипягин в мае 1901 г. потребовал приостановки выхода «Нового времени» на два месяца, используя для этого, как формальный повод, помещенную в газете статью А. П. Никольского «По поводу рабочих беспорядков», сославшись на циркуляр 1899 г., запрещающий обсуждать в печати рабочий вопрос. Стараниями сочувствовавших Суворину высокопоставленных деятелей приостановка была сокращена до недели. Но и этот срок для газеты с 35-тысячным тиражом был чреват огромными убытками. Примечательно, что в честь юбилея газеты Николай II «высочайше соизволил» снять с газеты уже имевшиеся два цензурных предупреждения, полученные в 70-е и 80-е гг. И Сипягин предпочел использовать не закон, по которому мог еще дать три предупреждения газете и закрыть ее, а подзаконный акт, так как он не рискнул бы избавиться от газеты, читавшейся самим царем и многими великими князьями, но явно желал сделать против нее болезненный выпад.

Фактически же это была своеобразная месть Суворину. Причем месть за ущемление как корпоративных министерских, так и личных

²¹⁸ Подробнее см. об этом: Санькова С. М. Проблемы обратной связи лояльной общественности и власти (на примере взаимоотношений М. Н. Каткова с правительством // Федерализм. 2008. № 3. С. 151-158.

²¹⁹ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. С. 136.

интересов. При вступлении Сипягина в должность министра внутренних дел Суворин позволил в газете, как он сам позднее вспоминал, «намекнуть, что у него нет никакой программы». Помимо этого муж сестры Сипягина небезызвестный герой балканской войны Ф. В. Дубасов, быстро делающий карьеру, командуя броненосцем, при входе в Неву посадил его на мель. Данный курьезный промах известного моряка Суворин так же обнародовал в своей газете, за что был вызван Дубасовым на дуэль, которая не состоялась благодаря вмешательству великого князя Александра Михайловича. Таким образом, обиженный оказался неотомщенным. Этих двух моментов оказалось достаточно, чтобы вызвать желание министра воспользоваться служебным положением, чтобы поставить на место зарвавшегося редактора.

Помимо чисто личных интересов Сипягин отстаивал и корпоративный интерес, так как освещение проблем взаимоотношений промышленников и рабочих выставляло в невыгодном свете ряд министерств. Суворин убедительно доказывал, что рабочий вопрос должен решаться на государственном уровне. И убежденные им обыватели могли справедливо перенести недовольство от вызванных рабочими стачками неудобств с рабочих на министерских чиновников.

Не позволяя гласно обсуждать назревавшие экономические проблемы в лояльной прессе, правительство тем самым давало понять, что закрывает на них глаза и, следовательно, само толкало часть общества на более радикальный путь. Символично, что сам Сипягин стал одной из первых жертв образовавшейся в 1901 г. партии эсеров. Таким образом, борясь из личных сиюминутных интересов с лояльным власти верноподданническим изданием, используя служебное положение, Сипягин объективно играл на руку революционным силам, от которых, в конечном счете, сам погиб²²⁰.

Косвенное подтверждение того, что Суворин отнюдь не был на особом положении вследствие особого расположения к нему правительства, встречается в вышедшей в 1995 г. работе М. П. Мохначевой, посвященной началу издания Сувориным журнала «Исторический вестник». Автор приводит данные о том, что в 1879 г. Глав-

²²⁰ Подробнее о взглядах Суворина на проблемы бюрократии в России см.: Санькова С. М. Российская бюрократия на рубеже XIX-XX вв. в оценке идеолога государственного национализма А. С. Суворина // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2008. С. 355 – 361.

ным управлением по делам печати Суворину было отказано в разрешении на издание этого журнала. В качестве одной из причин отказа называлась недопустимость «сосредоточения прав издания нескольких периодических органов в руках одного лица»²²¹, хотя подобный прецедент уже был в случае с Катковым. В результате Суворину пришлось предложить стать редактором-издателем нового журнала С. Н. Шубинскому.

Сравнению изданий Каткова и Суворина уделяет внимание в исследовании по истории русской журналистики XX в. С. Я. Махонина. Она приходит к выводу о принципиальном отличии «Московских ведомостей» и «Нового времени» как газет, принадлежащих к разным типам периодических изданий. Если «Московские ведомости» исследователь относит к такому типу изданий, которые характеризует как «серьезные общественно-политические органы периодики, стремящиеся сформировать общественное мнение, завоевать внимание образованной аудитории», то «Новое время» Суворина она причисляет к газетам «нового типа», издающимся в первую очередь с информационной целью, считая ее «первой информационной газетой в России». Вторым важным отличием «Нового времени» от предшествовавших газет Махонина называет отсутствие «традиционной для XIX в. идеологической целостности периодического издания». Причину такого отличия автор усматривает в том, что Суворин «одним из первых понял, что газета формирует не только общественное сознание, но и общественное мнение»²²². Данное утверждение представляется нам внутренне противоречивым, так как предполагает формирование общественного мнения задачей более высокого порядка, чем формирование общественного сознания. Между тем в современной политологии общепринятым является определение общественного мнения как одного из проявлений общественного сознания. Термин «формирование» вообще не вполне применим к понятию «общественное сознание», так как оно – не застывшее явление, а многогранный динамический процесс. Пресса, безусловно, может участвовать в этом процессе, но ее воздействие осуществляется не напрямую, простым давлением извне, а за счет органичного включения в мыслительную деятельность всего общества. В то же время было бы ошибочным утверждать, что пресса XIX в. не ставила перед собой и более скромной, но

²²¹ Мохначева М. П. Указ. соч. С. 217.

²²² Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. Изд. 2-е. М., 2002. С. 87.

не менее важной и более практичной задачи воздействовать на общественное мнение.

В этой связи можно сделать вывод об отличии газет Каткова и Суворина, к которому автор подошла почти вплотную, но не сделала в силу ошибочности трактовки понятий «общественное сознание» и «общественное мнение». Это вывод о том, что газеты нового типа, первой из которых стало «Новое время», в силу их ориентированности на более массового читателя отказываются от принятой ранее на себя рядом повременных изданий, среди которых были и «Московские ведомости», задачи участия в общественном сознании с целью внедрения в него тех или иных идеологических ориентаций, довольствуясь только целью направить общественное мнение в необходимое, с их точки зрения, русло. Более скромные цели связаны, как мы уже сказали, с переориентацией на более широкие слои населения. И Махонина, вслед за советскими исследователями Соловьевой и Шитовой и автором монографии о Суворине Л. П. Макашиной, констатирует, что «Новое время» издавалось в первую очередь для «обывателя»²²³. И здесь так же напрашивается параллель с изданиями Каткова, которые в основном были обращены к той части общества, которая имела хорошее образование. Даже простое сравнение передовиц Каткова с «Маленькими письмами» Суворина показывает, что, наряду с присутствием у обоих публицистов апелляции к чувствам читателей, в первом случае велика доля рационального начала и обращения к знаниям по истории, экономике и другим научным сферам, в то время как во втором случае мы имеем дело в первую очередь с обращением к так называемой житейской мудрости.

В то же время Махонина вносит принципиально важное замечание в понимание «массовости» применительно к газете начала XX в. Исследователь отмечает, что «аудитория «Нового времени» не была массовой в современном понимании», так как для подлинно массового читателя она была слишком дорогой. Автор предлагает под массовостью в данном случае понимать «внесоциальность», ориентированность на различные социальные слои и группы, постепенно образовывавшие средний класс, и именно в этом она усматривает «главное достижение Суворина»²²⁴.

Тем не менее, Махонина признает, что в период редакторства Суворина «Новое время» было «самой влиятельной русской газетой,

²²³ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. С. 88.

²²⁴ Там же. С. 89.

с мнением которой считались правительственные чиновники, министры» и чью позицию «должны были учитывать даже оппозиционно настроенные круги русского общества»²²⁵. Она обратила внимание на то обстоятельство, что (несмотря на то, что «Новое время» вызывало в образованном обществе большую критику) оно имело и высокий читательский спрос.

Концентрация интереса исследовательницы преимущественно на истории прессы XX в. привела ее к ошибочному, на наш взгляд, утверждению, что «эволюция взглядов Суворина не типична для большинства русских общественных деятелей», имея в виду его переход от либерализма, «традиционного для передовой части русского общества во времена Незнакомца, через разочарование в радикальных способах переустройства жизни к проповеди идей государственности, охранительству и даже к заступничеству за черносотенцев после первой русской революции»²²⁶. В данном утверждении нам видится сразу несколько противоречий. Во-первых, либерализм в России, как правило, не предполагал «радикальных способов переустройства жизни» и Суворин-Незнакомец подобным идеям явно не сочувствовал. Во-вторых, эволюция Суворина «слева – направо» вовсе не была явлением исключительным, что вполне убедительно было показано В. И. Лениным в уже упоминавшейся нами статье «Карьера». Можно спорить относительно идеологических оценок, приведенных в данной статье, однако нельзя не признать того обстоятельства, что Ленин сумел выявить действительно типический пример общественно-политической эволюции, который прошли многие деятели как второй половины XIX, так и начал XX в. И рассматриваемые нами в данном монографическом исследовании личности прошли этот путь. Мы уже показали выше эволюцию Каткова, которая и дала основание Ленину поставить его в один ряд с Сувориным, в дальнейшем мы покажем, что схожим мировоззренческим путем прошел и один из ведущих сотрудников «Нового времени» начала XX в. М. О. Меньшиков. Этот путь был свойственен и для ряда членов партии русских националистов, одним из учредителей которой являлся Меньшиков. Но проследить эту достаточно распространенную эволюцию в российских общественных кругах можно лишь, обратившись к XIX веку, в котором следует искать ее истоки и причины.

²²⁵ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. С. 83.

²²⁶ Махонина С. Я. А. С. Суворин – портрет на фоне новых книг о нем. С. 114; Она же. История русской журналистики начала XX в. С. 85.

Тема соотношения взглядов Каткова и Суворина нашла свое продолжение в работе С. А. Солоусова, обратившего внимание на те задачи, которые ставил перед новым изданием сам редактор. Он привел цитату из первой редакторской статьи Суворина 29 февраля 1876 г., в которой, по мнению автора, была представлена вся будущая программа газеты: «Печать не имеет не только никакого решающего голоса, но она не может иметь даже и претензии на какую-либо инициативу в возбуждении вопросов ни в сфере законодательной, ни в сфере административной. Вся ее роль ограничивается указанием неудовлетворительных сторон общественной жизни и критическим отношением к тем мерам, которые принимаются с целью устранения... вредных явлений». Солоусов отмечал, что, по мнению газеты, «взгляды, высказанные в печати, имеют значение лишь тогда, когда они признаны правильными со стороны органов власти, на обязанности которых "лежит непосредственное управление государством, а задача ежедневной газеты – не руководить общественным мнением, а создавать, вырабатывать его при совместном труде с лучшими людьми"». Подтверждение тому, что Суворин не отказался и в дальнейшем от такого подхода к задачам прессы, автор находит в письме публициста к Розанову, в котором вновь подчеркивается: «газета не есть собрание истин, а собрание мнений»²²⁷.

Заявления, на которое обратил внимание Солоусов, показывают суть различий в отношении к задачам прессы позднего Каткова и начинающего издателя Суворина. Катков в последнее десятилетие своей жизни стремился именно выдавать обществу некие истины, которые оно, по мысли Каткова, должно было принимать и делать своим убеждением.

Освещая позицию русской прессы накануне открытия Первой Государственной Думы, историк русской журналистики Т. С. Родионова приходит к выводу, что «Новое время» являлось выразительницей позиции «правительственной России перед лицом назревшей необходимости – парламентаризма». Автор полагает, что в условиях «разгула преступности», вызванного революционными событиями, Суворин ставил своей задачей усилить «социальные опасения» общества посредством регулярно публикуемой в газете криминальной хроники с целью проведения «идеи сильной личности». Причину успеха «неофициального официоза» по сравнению с официальными правитель-

²²⁷ Солоусов С. А. Указ. соч. С. 271.

ственными газетами автор усматривает в «гибкости» суворинской редакторской политики, применявшей разнообразные приемы для внедрения в общественное сознание необходимых правительству идей²²⁸.

В современной историографии получила продолжение тема сопоставления Каткова и Суворина. По мнению И. В. Лукоянова, Суворин «не смог стать наследником М. Н. Каткова» в первую очередь потому, что первый был прежде всего газетным предпринимателем, а последний – в большей степени политиком. В качестве ведущей характеристики Суворина исследователь привел высказывание самого Суворина, в котором он признавался, что, хотя в литературной деятельности он «ничему не изменял», но его смелость «зависела от атмосферы». Эти качества Лукоянов считал очень важными для успешной газетной и издательской деятельности, но неприемлемыми для политика²²⁹.

Историк С. М. Сергеев, принимавший участие в подготовке к публикации работ и документов многих русских консерваторов, в юбилейной статье, посвященной Суворину, проводил различие между «имперскостью» Каткова и «русскостью» Суворина. Последнее понятие автор считает более широким и им объясняет то обстоятельство, что в «Новом времени» «не было унылого монолога одной какой-то, пусть даже самой благородной, доктрины»²³⁰. Именно эта «свобода от любого доктринерства» помогла Суворину, по мнению автора, «сделать газету читаемой всеми, внося в нее элемент «желтизны»: скандалы, сплетни, уголовная хроника – ведь это и русским интересно, а у Каткова с Аксаковым одна политика да моральные проповеди – благородно, конечно, но недействительно»²³¹.

Изучая взаимоотношения российской прессы и дипломатии накануне первой мировой войны, историк Е. Г. Кострикова отмечала, что авторитет «Нового времени» за границей был столь высок, что эта газета «воспринималась как официоз, хотя МИД неоднократно отвергал такую точку зрения». По мнению исследователя, «немалую роль в положении газеты играла личность ее издателя А. С. Суворина»²³². На основании ряда примеров автор показывал, что в под-

²²⁸ Родионова Т. С. Русская общественно-политическая газета в преддверии открытия первой Государственной думы // Из века в век. К 300-летию отечественной печати. 1702 – 2002. М., 2002. С. 163.

²²⁹ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России. С. 123.

²³⁰ Сергеев С. Гражданин Суворин // Наш современник. 2004. № 11. С. 130.

²³¹ Там же. С. 130.

²³² Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907-1914. М., 1997. С. 126 – 127.

держке «Нового времени» были заинтересованы многие члены правительства, включая премьеров, так как газета «могла развернуть кампанию, которая грозила министру отставкой»²³³. Кострикова приводит очень показательное высказывание о «Новом времени» А. П. Извольского после Боснийского кризиса: «оно не отражает общественное мнение, оно просто делает его». Примечательно также, что именно во время Боснийского кризиса германским и австрийским правительствами была предпринята попытка подкупа «Нового времени» с целью борьбы с антигерманскими настроениями в русской общественной мысли²³⁴.

Летом 1909 М. А. Суворин писал отцу после визита к Столыпину: «Начал Столыпин с того, что он уже говорил тебе при своем свидании с тобой, что «Новое время» - самая опасная газета. Что половина России живет мнением газеты и своего не имеет»²³⁵.

Стремящийся акцентировать внимание на положительных сторонах деятельности Суворина Л. А. Кемудария объявляет заблуждением общее «для либеральной историографии» представление «о неуклонном дрейфе Суворина от либерала-журналиста к консерватору-издателю в духе тезиса о ренегатстве». Он полагает, что основанием к этому заблуждению послужило то обстоятельство, что консервативные издания, начиная с «Московских ведомостей», имели «тяжеловесный» и «патетический» стиль изложения материалов, в то время как «популярность изложения становится отличием журналистики противоположного лагеря». «В этой связи Суворина можно считать родоначальником нового направления в консервативной журналистике с традиционализмом в проблематике и с достаточно популярным стилем изложения». Чтобы окончательно доказать неправоту причисления раннего Суворина к либеральному лагерю, автор утверждал, что печатаясь в «Современнике», Суворин «никогда не солидаризировался с направлением» этого журнала, приводя в подтверждение своей правоты данные о том, что публицист еще в 1861 г. в «Русской речи» «отрицательно оценивал "полемические приемы Современника", его идеологизированность и литературную деспотию»²³⁶.

²³³ Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907-1914. 129.

²³⁴ Там же. С. 130 – 133.

²³⁵ Там же. С. 127.

²³⁶ Кемудария Л. А. А. С. Суворин: страницы биографии // Проблемы социально-политического развития российского общества. Межвузовский сборник

Американский историк Э. К. Амблер, отмечая популярность Суворина-либерала, в то же время считала его работы несопоставимыми по глубине с признанными лидерами как радикального, так и реакционного лагерей. В частности, она указывала: «Его работы либерального периода отличаются скорее живостью и остроумием, нежели глубокомыслием или системным анализом. Даже в самых серьёзных его литературных рецензиях, например о работах Джона Стюарта Милля или Салтыкова-Щедрина, нет той философской атмосферы, которая присутствует в критике Белинского, Добролюбова или даже Каткова»²³⁷.

Именно Каткова Амблер называет в качестве «главной мишени» Суворина на протяжении «всего периода его либеральной деятельности». Исследователь полагала, что Суворин «не видел большого различия между чистой водой реакционерами и ультра-патриотами школы "Московских ведомостей" и "Русского вестника"». Однако последних он считал более опасными ввиду «большого количества сторонников, которых московский публицист привлёк на свою сторону», и его влияния в определенных правительственных кругах. Суворин, по мнению Амблер, полагал, что «из альтернативного центра власти на Страстном Бульваре исходит прямая угроза ослабления и деформации Великих и малых реформ». Результатом этой борьбы стало зачисление «Московскими ведомостями» Суворина в число «руководителей воображаемой партии нигилистов»²³⁸.

Анализируя критику Сувориным Каткова, Амблер пришла к выводам, схожим с мнением, высказывавшимся в отечественной историографии еще в дореволюционный период: эта критика могла быть вполне применима к ее автору. Однако, помимо идеологических совпадений, исследовательница отмечала и схожесть чисто стилистических приемов. «Суворин говорил, что Катков – человек эмоций, а не идей, однако его собственные выпады против соперника также не отличались богатством идей, он тоже в большой степени полагался на хлесткие фразы и косвенные намёки»²³⁹.

научных трудов. Выпуск 7. Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2000. С. 57, 54.

²³⁷ Ambler E. K. Op. cit. P. 79.

²³⁸ Ambler E. K. Op. cit. P. 98 – 99.

²³⁹ Ibid. P. 100.

Глава 4. Суворин-охранитель в оценках историографии

Пользуясь предложенной нами ранее классификацией монархизма, Суворина, подобно Каткову, можно отнести к приверженцам монархии как институту. При этом он критически отзывался о монархах и реальном самодержавном строе, существовавшем в России. Однако, как справедливо заметил исследователь И. В. Лукоянов, основную причину всех недостатков современного строя он видел в бюрократии, сделавшей царя своим заложником, и именно против нее он направлял основную критику своей газеты. Данный исследователь для определения сущности монархизма Суворина предлагает термин «эволюционирующее самодержавие»²⁴⁰, однако дальнейшая характеристика этого понятия показывает, что оно вполне вписывается в уже существующее определение «либеральный консерватизм» в том понимании, которое было нами предложено в начале нашего исследования. Анализ политических взглядов Суворина показывает, что он действительно выступал за реформаторство лишь в той степени, в какой оно было необходимо для сохранения основных государственных устоев России.

В этой связи нам представляется важным замечания сотрудников «Нового времени» А. В. Амфитеаторва и Н. М. Ежова о том, что Суворин был «государственником»²⁴¹, имел «государственный ум»²⁴².

Историографическая оценка теории официальной народности в интерпретации А. С. Суворина.

Исследуя публицистику Суворина периода «Нового времени», Динерштейн постулирует, что он «сплошь и рядом, не скрывая своей причастности, проводил идеи, восходившие в конечном счете к знаменитой уваровской формуле»²⁴³. Хотя в этом утверждении исследователь оказался одинок, мы склонны солидаризироваться с ним. При этом, как и в случае с Катковым, нам представляется важным выявить специфику восприятия и трактовки Сувориным каждой из составляющих знаменитой триады.

Монархизм

Страницы дневника Суворина и воспоминания близко знавших его людей свидетельствуют о том, что публицист отнюдь не обольщался относительно способностей царствующих особ. Так, актер

²⁴⁰ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России. С. 121.

²⁴¹ Амфитеаторов А. В. Десятилетняя годовщина. С. 180.

²⁴² Ежов Н. М. Указ. соч. С. 112.

²⁴³ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 175.

П. Орленев вспоминал как Суворин в 1897 г. по поводу возможности постановки пьесы «Царь Федор Иоаннович» говорил: «Я не верю, чтобы Федора разрешили, уж слишком царь похож на Николая Второго своей бесхарактерностью»²⁴⁴.

В то же время Суворин осознавал зависимость государей от сановников и влиятельного дворянства. Об этом свидетельствуют воспоминания юриста и публициста В. М. Грибовского, сотрудничавшего в «Новом времени». В одной из бесед Суворин, размышляя о причинах, по которым Александр I, дав конституцию Польше и Финляндии, не дал ее России, предположил, что он «боялся придворной интриги, погубившей его отца», заметив при этом: «ведь тоже трудно им... царям-то...»²⁴⁵.

В убийстве Александра II Суворин, по замечанию Соловьевой и Шитовой, видел не «акт в социальной борьбе, а эксцесс антижизненной духовности»²⁴⁶.

Характеризуя взгляды Суворина, Динерштейн обращает внимание на крылатую фразу, принадлежавшую ему: «Русь в царе и царь в Руси!». Исследователь полагает, что Суворин основание «незыблемости монархического строя» видел в крестьянском сословии²⁴⁷.

Исследуя отдельные аспекты публицистики Суворина²⁴⁸, Т. А. Соломонова пришла к выводу о том, что «главная особенность» его мировоззрения заключалась в искреннем стремлении «отделить, как отделяют зерна от плевел, самодержавную власть от конкретных действий правительства»²⁴⁹.

Приверженность Суворина институту монархии Р. Б. Ромов объяснял его основным принципом постепенности модернизации, при котором он предполагал «по возможности долгое сохранение традиционных государственных форм и стереотипов (самодержавие, сословные институты и т. д.) при последовательном выхолащивании

²⁴⁴ Орленев П. Н. Указ. соч. С. 109.

²⁴⁵ Грибовский М. В. Несколько встреч с А. С. Сувориным (по личным воспоминаниям) // Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. С. 129.

²⁴⁶ Соловьева И. Шитова В. А. С. Указ. соч. С. 179.

²⁴⁷ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 94.

²⁴⁸ Соломонова Т. А. А. С. Суворин и студенческая забастовка 1899 г. // Проблемы политологии и политической истории. В. 3. Саратов, 1994. С. 20 – 34; Она же. Т. А. Опальное сочинение // Филологические записки. Вып. 6. Воронеж, 1996. С. 220 – 226.

²⁴⁹ Соломонова Т. А. А. С. Суворин и студенческая забастовка 1899 г. С. 30.

и подмене их сущности с целью обеспечить бесконфликтность процесса»²⁵⁰.

Приверженность Суворина монархическому строю отмечалась и в диссертационном исследовании Л. М. Хуторовой. При этом автор обращала внимание на признание Сувориным возможности посредством Земского собора «постепенного ограничения самодержавия с последующей трансформацией в конституционную Монархию». В то же время Хуторова обращала внимание на то обстоятельство, что отношение Суворина к самодержавию носило «персонифицированный характер». В конечном счете, позиция Суворина в вопросе о государственном устройстве была определена исследовательницей как либеральный консерватизм²⁵¹.

В целом следует отметить, что, несмотря на общепринятый взгляд на Суворина как на охранителя, как в положительной, так и в отрицательной трактовки этого понятия, никто до сих пор не предпринял попытки детального анализа сущности охранительной позиции Суворина. Показательно, в частности, что его взглядов на монархию касалось в своих работах всего несколько авторов, притом делало это вскользь.

Народность

Профессор Т. В. Локоть полагал, что Суворин видел социальную опору своей газеты в зажиточных слоях крестьянства, в духовенстве и городской буржуазии, так как они «в большей степени обладали той биологической и социально-политической свежестью, крепостью и национальной устойчивостью, которой уже начинало не хватать на все возрастающий аппарат государственной жизни России и у старого правящего класса особенно, поскольку он старался оставаться в своей социально-сословной обособленности»²⁵².

Соглашаясь с характеристикой Суворина как представителя «среднего русского сословия», А. С. Изгоев, в противоположность Локтю, характеризовал это «сословие» как слабое, «морально дряблкое», и ничтожное в государственном отношении, что и выразил в своей публицистике редактор «Нового времени»²⁵³.

Между тем воспоминания близко знавших его людей свидетельствуют о том, что Суворин осознавал пороки дворянской и чинов-

²⁵⁰ Ромов Р. Б. Суворин Алексей Сергеевич. С. 523.

²⁵¹ Хуторова Л. М. Алексей Сергеевич Суворин: судьба и взгляды. С. 16 – 17.

²⁵² Локоть Т. В. Указ. соч. С. 2.

²⁵³ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 3

ничьей среды, не олицетворяя их с русским народом. «Ведь это наше дворянство презирало народ.., – заметил он как-то в беседе с М. В. Грибовским, – Ведь для них Россия – это имение, откуда получают доходы, а настоящая родина там, за границей, где эти доходы проживаются...»²⁵⁴.

Характеризуя деятельность Суворина, М. Любимов утверждал, что она служила в первую очередь «делу воспитания русского национального самосознания»²⁵⁵. Б. Б. Глинский, обращая внимание на издательскую деятельность Суворина, утверждал, что в результате этой работы была создана «беспристрастная и беспартийная обширная энциклопедия гуманитарных наук, на которой воспитались ряды поколений»²⁵⁶.

Исследователь книжного дела Г. И. Поршнева расценивал выпуск Сувориным «дешевой библиотеки», в которую входили «лучшие произведения классиков древности и нового времени», как одну из серьезных попыток «демократизации книги»²⁵⁷.

При всей неоднозначности оценки личности Суворина и его роли в общественной жизни России конца XIX – начала XX вв. М. В. Ганичева видит его заслугу в том, что на протяжении многих лет Суворин заботился о «пробуждении русского самосознания, гордости за то, что ты русский человек»²⁵⁸.

Анализируя литературные взгляды Суворина, Е. Ным приводит важный штрих к портрету Суворина в освещаемом нами ключе, отмечая, что тот приравнивал «значение литературы для общественного сознания в современных исторических условиях с деятельностью Петра и Екатерины»²⁵⁹.

Важными в этой связи представляются идеи самого Суворина, высказываемые им по поводу издания «Русский календарь» в письме известному земскому либеральному деятелю Н. А. Корфу, фрагмент которого приводит в своем исследовании Динерштейн: «Служа спра-

²⁵⁴ Грибовский М. В. Указ. соч. С. 129.

²⁵⁵ Цит. по: Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 34.

²⁵⁶ Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 35.

²⁵⁷ Поршнева Г. И. История книжной торговли в России: Книжная торговля. М.-Л., 1925. С. 120-121.

²⁵⁸ Ганичева М. В. Указ. соч. С. 156.

²⁵⁹ Ным Е. О литературной позиции А. С. Суворина // Русская филология. 10. сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 1999. С. 80.

вочною книжкою по разным вопросам внутренней и внешней политики, календарь должен вместе с тем служить пропаганде честных нравственных идей. Изложение статей должно быть популярное, так чтобы календарь годился и грамотному крестьянину».²⁶⁰ Далее исследователь отмечает, что в «Новом времени» много внимания уделялось вопросам просвещения и культурного развития народа, но делалось это «под определенным углом». Видя в невежестве одну из главных причин отставания России от Западной Европы, он при этом, по мнению Динерштейна, беспокоился не столько о «простонародье», сколько о «благополучии сословия, к благоразумию которого он взывал». Не возражая против участия в деле народного образования земств, он требовал, чтобы их работа велась «рука об руку» с министерством народного просвещения²⁶¹.

Говоря о назревании в России так называемого «русского вопроса», Динерштейн постулировал, что именно этого вопроса Суворин разрешить был не в состоянии, так как «он не знал собственного народа, вернее, не хотел понять его чаяний и забот»²⁶². Автор усматривал близость взглядов Суворина славянофилам в его уверенности в том, что хранителем «русского национального начала» является крестьянство. В то же время Суворин рассуждал о крестьянстве абстрактно, а «подлинная жизнь русского крестьянина» не находила себе места на страницах его газеты, за исключением «вопросов «большой» политики», таких как земельная реформа, виды на урожай, помощь голодающим. И далее исследователь, оговаривает, что «отдельные статьи» на тему «жизни простого народа» в «Новом времени» все же появлялись²⁶³. Тем более Динерштейн признавал, что опубликование подобных материалов было связано с цензурными трудностями.

В то же время Динерштейн признавал за Сувориным несомненную заслугу в том, что он придал такому «легкому жанру» как фельетон «общественную направленность». «Умея находить в потоке каждодневных событий животрепещущие темы, – пишет автор, – ему удавалось вести непрерывный диалог с читателем, заинтересованно следившим за его публикациями»²⁶⁴ (так у автора).

²⁶⁰ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 36.

²⁶¹ Там же. С. 78-79.

²⁶² Там же. С. 94.

²⁶³ Там же. С. 95.

²⁶⁴ Там же. С. 115.

В оценках «народности» того или иного писателя Суворин, как отмечает Динерштейн, исходил из убежденности в том, что «основу российской государственности» составляют «православие, самодержавие и народность», которые «как нельзя более полно соответствуют духу русского народа, а легитимизм является некоей его данностью»²⁶⁵.

Крайне негативно оценивая личность Суворина в духе ранней советской историографии, И. Подольская, тем не менее, признавала просветительскую миссию его издательской деятельности, неожиданно сближая его на этой ниве с одним из непримиримых оппонентов – М. Горьким: «Вышедший из самой гущи народа, он, как впоследствии и Горький, стремился сделать книгу достоянием широких масс читателей»²⁶⁶.

В исследовании американского историка Э. К. Амблер Суворин 1860-х – 70-х гг. предстает не питающим «иллюзий насчет грубой крестьянской действительности», но в то же время он, по мнению автора, «во-первых, утверждал, что до 1861 г. ситуация была ещё хуже; во-вторых, что лекарство от векового рабства не в дальнейшей "опеке", а в её противоположности». В качестве причин крестьянского обнищания он называл не леность или пьянство, а нехватку земель, большие налоги и невежество, «проистекающее по вине дворянства, не желающего просвещать крестьянина, открывать ему новые источники производства и благосостояния»²⁶⁷.

Именно в контексте отношения Суворина к простому народу следует, по мнению Амблер, рассматривать его резкую критику сатирических произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как указывает исследовательница, он «не мог обойти стороной насмешки» сатирика «над земскими деятелями и простым народом». Автор обращает особое внимание на то обстоятельство, что «главной причиной этого несвоевременного, направленного не по адресу, и даже вредного юмора Суворин считал отсутствие определённой позитивной философии», и именно подобные недостатки вменялись позднее в вину и самому Суворину²⁶⁸. Суворин утверждал, как отмечает исследовательница, что «только "достаточно недалёкие сатирики и очень элегантные господа" обвиняют угнетённого человека и доказывают ему, что он в свою

²⁶⁵ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 175.

²⁶⁶ Подольская И. В. Указ. соч. С. 46.

²⁶⁷ Ambler E. K. Op. cit. P. 82.

²⁶⁸ Ibid. P. 84.

очередь подавляет историю». Основную задачу настоящего периода он видел «в стремлении избавить народ от тяжёлого ига несправедливой истории», отмечая при этом, что «если литература будет сечь угнетённых плетью сатиры и изображать их ещё более уродливыми, чем угнетателей, она не найдёт сочувствия у читателей и окажется вредной»²⁶⁹.

От себя заметим, что данная позиция Суворина 1860-х гг. перекликалась с установками, проводившимися Катковым в 1861 г. на страницах «Русского вестника» в ходе полемики с «Современником». Катков тогда доказывал, что отечественной литературе необходимо сосредоточиться не на критике, а на поиске и развитии положительных идей²⁷⁰.

В полемике с Салтыковым-Щедриным, как показывает Амблер, Суворин наиболее четко сформулировал свое отношение к народу. Заявляя, что он «не был славянофилом и не собирается кланяться русскому крестьянству, Суворин, тем не менее, заявлял, что испытывает уважение к народу и верит в его творческие силы, его прошлое, настоящее и будущее: "Мы питаем уважение к этому народу и видим в нём стремление к развитию. Благодаря этим людям было создано государство. Благодаря им появилась интеллигенция, литература, искусство и многие другие удовольствия жизни"»²⁷¹.

Автор так же обращает внимание на то обстоятельство, что Суворин одним из первых обратил внимание на рабочий вопрос. «В отличие от славянофилов, – указывала историк, – большинства народников и многих официальных цензоров, уже в конце 1860-х он ясно видел, что началось "развитие промышленности, создание капитала и его укрепление", и эти процессы не остановить». По его мнению, «общество всё лучше начинает понимать, что вся структура социальной жизни связана с этим вопросом». Он предвидел, что «в будущем потребуются глубокое и внимательное изучение условий на русских фабриках, забастовок, артелей и пр.» и предлагал воспользоваться своим положением – вступлением на путь развития капитализма позже других стран – для того, чтобы извлечь пользу из их опыта. Поэтому, как указывает Амблер, «хотя рабочий вопрос и не был главной заботой Суворина, время от времени он писал о новых исследованиях по таким вопросам, как профсоюзы в Германии или продолжитель-

²⁶⁹ Ambler E. K. Op. cit. P. 88.

²⁷⁰ Катков М. Н. Старые боги и новые боги // Русский вестник. 1861. № 2. С. 902.

²⁷¹ Ambler E. K. Op. cit. P. 86.

ность жизни рабочих в России»²⁷². При этом исследовательница не учитывала специфику цензурных условий, в которых находилась в этот период отечественная журналистика. Выше мы отмечали, что именно за статью о рабочем вопросе выход «Нового времени» был приостановлен, что обернулось большими убытками для издателя.

Православие

Наиболее резко различие в мировоззрении М. Н. Каткова и Суворина проявилось в их отношении к Православной церкви. Если в религиозности Каткова никто из современников не сомневался, то относительно Суворина большинство не сомневалось в его безверии. В воспоминаниях драматурга и театрального деятеля П. П. Гнедича приводится показательный диалог между ним и А. П. Чеховым. По словам последнего, Суворин о боге говорил: «есть ли, нет ли – черт его знает». «А я думаю, что в Бога старик верит, – ответил Гнедич, – и перед смертью позовет отца Иоанна и каяться будет»²⁷³.

Суворин, по замечанию Динерштейна, всегда «выступал как истинный защитник православия, видя в нем один из основных устоев российской государственности, начало, объединяющее русский народ». Исследователь отмечает хорошее знание публицистом Святого Писания и наиболее известных трудов отцов церкви и при этом отсутствие религиозности. Последнее не мешало ему в официальных выступлениях отстаивать необходимость приверженности традиционной Православной церкви и обрядовости²⁷⁴.

Позицию Суворина в отношении церкви Р. Б. Ромов определял в соответствии с его идеалом «крепкого централизованного государства»: «"мягкая" секуляризация с окончательным закреплением подчиненного положения церкви как элемента государственной культуры»²⁷⁵.

Изучая публицистику раннего Суворина, американская исследовательница Э. К. Амблер обратила внимание и на его позицию по отношению к православной церкви. По мнению историка, Суворин и в этом вопросе выступал как либерал и исходил из того убеждения, что «духовная сторона жизни также требовала свободы для своего дальнейшего развития». Амблер отмечала, что публицист осуждал традицию нетерпимости, заложенную, как он полагал, Иосифом Волоколамским и его последователями, «которая распространилась на всю

²⁷² Ambler E. K. Op. cit. P. 89.

²⁷³ Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания. 1885 – 1918. М., 2000. С. 217.

²⁷⁴ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 319 – 320.

²⁷⁵ Ромов Р. Б. Суворин Алексей Сергеевич. С. 523.

Православную церковь, наносила большой вред делу духовности». Он отмечал вред, наносимый строгой религиозной цензурой, запрещавшей работы, пропущенные цензурой гражданской, не давая тем самым «даже самым набожным и высоконравственным людям возможности говорить о состоянии духовенства, о примирении Церкви с наукой и идеями Просвещения о всеобщем братстве». Исследователь указывала, что единственным путем, которым можно «донести истинную веру, «созданную на великом основании Евангелия» до народных масс» Суворин считал свободу совести и свободу обсуждения внутри Православной церкви²⁷⁶. Амблер так же отмечает осуждение Сувориным продолжавшихся гонений на раскольников, в результате которых «католики, протестанты и даже мусульмане имели в России больше прав», чем они²⁷⁷.

Отношение к либеральным политическим институтам до событий 1905 г.

Направление «Нового времени» в первые годы издания, как отмечал Динерштейн, вызывало подозрения у «ревностных охранителей устоев», так как защищало традиционные формы российской государственности «без должной последовательности». И исследователь полагает, что для подобного мнения «имелись веские основания». Эти «основания» он усматривал в оценке Сувориным либеральных реформ 1860-х гг., благодаря которым, по мнению публициста, возростали «экономические силы буржуазии», что, в свою очередь, «будет содействовать жизнедеятельности государства». Именно в связи с такой позицией, как полагает Динерштейн, Суворин «оказался на какой-то момент среди ближайшего окружения» Н. Т. Лорис-Меликова. «Искренно или нет, – пишет Динерштейн, – но он разделял его точку зрения о необходимости продолжения политики реформ, в частности совершенствования системы государственного управления». «Новое время» проводило на своих страницах идеи о необходимости привлечения «представителей различных слоев населения к деятельности Государственного совета и вообще за развитие общественной инициативы»²⁷⁸.

Суворин, как полагал Динерштейн, осознавал, что данные правительственные инициативы имели «чисто декоративный характер» и не имели ничего общего с «либерализацией общественного порядка».

²⁷⁶ Ambler E. K. Op. cit. P. 91.

²⁷⁷ Ibid. P. 91 – 92.

²⁷⁸ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 69.

Предположение исследователя основывалось на мыслях Суворина, излагаемых им в частной переписке. Так, в письме И. С. Аксакову в начале февраля 1881 г. он писал: «...В самом верху идут толки о конституции и Земском соборе... Я совсем теряюсь, за что держаться»²⁷⁹. А уже в марте «Новое время» высказывается в поддержку созыва Земского собора, рассматривая его как «форму реализации исконной для страны национальной идеи»²⁸⁰. Исследователь приводит интересную характеристику близко знакомого с Сувориным в эти годы дипломата Г. А. Волана, который отмечал, что публицист увлекался идеями, подобными планам созыва Земского собора, под минутным впечатлением, и писал об этом «для оживления своей газеты», а в минуты хандры склонялся к мысли, что Собор созвать невозможно, так как он превратится в Учредительное собрание, которое будет означать для России гибель²⁸¹. Начиная с середины 70-х гг. Суворин, по определению Динерштейна, «круто повернул» вправо, и с этого момента «не было более раздражающих его слов, чем "конституция" и "демократия"», и он считал абсурдной саму «мысль о возможности создания в России правового государства», хотя и не был доволен существующим строем и положением вещей в государстве. Подобная двойственность, по замечанию исследователя, «стала свойством его существования»²⁸².

Ряд экономических явлений Сувориным так же воспринимался как нежелательные либеральные нововведения. В частности, Динерштейн приводит пример выступлений Суворина против «активного акционирования промышленности», в которых усматривал «своеобразную форму обобществления и интернационализации капитала»²⁸³.

Исследователь И. В. Лукоянов не считает Суворина принципиальным противником конституционного строя, связывая его консерватизм в этом плане с националистическими взглядами. По мнению исследователя, Суворин опасался, что реформами воспользуются в первую очередь инородцы, чтобы усилить свое влияние в стране²⁸⁴.

Исследуя позиции Суворина в период либеральных реформ 1860-х, Э. К. Амблер пришла к выводу о том, что публицист выступал за последовательное развитие «Великих реформ»: «отмену клас-

²⁷⁹ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 70.

²⁸⁰ Там же. С. 71.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. С. 133.

²⁸³ Там же. С. 118.

²⁸⁴ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России. С. 120.

совых привилегий, расширение поля деятельности земских собраний, уравнивание налогового бремени (в соответствии с решением земских представителей)». И уже в этот период, как указывает исследовательница, хотя «редко и, как правило, имплицитно в его работах проскальзывает мысль о созыве национального собрания или окончательном законе»²⁸⁵. В отношении земства, как отмечает Амблер, взгляды Суворина претерпевают в течение 1860-х – 70-х гг. изменения. Если вначале публицист «возлагал большие надежды на земство, особенно в сфере образования», то в дальнейшем «из-за постоянных ограничений самостоятельности земств» он, как и многие либералы, начинает испытывать разочарование»²⁸⁶. Постепенно Суворин пришел к выводу о том, что «единственно справедливым и рациональным» способом финансирования земств мог стать налог на прибыль.

Среди всех либеральных свобод, как отмечает Амблер, наибольшее значение Суворин придавал свободе слова. «Он был убежден, – писала она, – что свобода прессы нужна не только для национального литературного развития. Лишь свободное обсуждение административной деятельности может заставить чиновников быть честными и деятельными. Редакторы местных газет больше знают о делах местных бюрократов, чем высшие инстанции. На более высоком уровне власти, колоссальные грабежи, которые послужили одной из причин трагического падения Севастополя (Суворин часто приводил этот пример), были бы невозможны без прикрытия цензуры. Поэтому публичность была так же нужна правителю, как и подданным», так как «непроверяемое чиновничество поработочает правителя, подданных и собственных членов»²⁸⁷. От себя заметим, что тема бесконтрольного бюрократизма в публицистике Суворина, на которую Амблер обратила внимание одной из первых, получила свое развитие и присутствовала на страницах «Нового времени» и дневника его издателя на протяжении всей его жизни²⁸⁸.

Американская исследовательница акцентировала внимание и на отношении Суворина к такому спорному во второй половине XIX в.

²⁸⁵ Ambler E. K. Op. cit. P. 83.

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Ibid. P. 90.

²⁸⁸ Подробнее об этом см.: Санькова С. М. Российская бюрократия на рубеже XIX-XX вв. в оценке идеолога государственного национализма А. С. Суворина // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2008. С. 355 – 361.

вопросу, как право женщин на высшее образование. Здесь она отметила эволюцию публициста от более консервативного к более либеральному взгляду. «В конце 1860-х, – отмечает Амблер, – он выражал сомнения насчет женских способностей и их мотивации, когда они, не имея возможности учиться в России, ехали в Швейцарию изучать медицину. В начале 1870-х, однако, он уже убеждал читателей, что всегда восхищался русской женщиной и с длинным волосом, и с коротким. Ознакомившись с обучением женщин в Цюрихском университете, он понял, что женщины проявляют себя способными к науке и высшему образованию и хорошо подготовлены к медицинской практике»²⁸⁹.

Отношение к революции 1905 г. и Государственной Думе.

Современник Суворина Н. М. Ежов вспоминал, что во время революции 1905 г. Суворин находился за границей. Он упорно не желал поверить «в восстание русского народа» и признать происходившее в России настоящей революцией, окрестив ее «московской пародией».²⁹⁰ Последующие реформы, по мнению Ежова, «поразили» редактора «Нового времени», следствием чего стал перерыв в его «маленьких письмах». Автор полагает, что это объяснялось не растерянностью, а тем, что Суворин присматривался к новой действительности.

Бывший секретарь «Нового времени» Н. В. Снессарев, уволенный «за финансовые злоупотребления», но с неизменным уважением относившийся к Суворину, вспоминал, что в 1905 г. тот «по существу плохо понимал, в чем дело и то готов был с евреями репортерами петть марсельезу, то соглашался с Меньшиковым о необходимости призвания на помощь немецких войск». Однако период растерянности продлился недолго и Суворин вновь, по мнению Снессарева, благодаря своему «изумительному чутью», выбрал верное направление и под его руководством «Новое время» «последний раз вышло из борьбы победителем»²⁹¹. Автор называл этот период «лебединой песней» Суворина.

Экономист, писатель, чиновник особых поручений Министерства земледелия и государственных имуществ П. И. Соколов вспоминал, что Суворин уже в 1906 г. видел спасение от революционных потрясений в политике переселения безземельных крестьян в Сибирь²⁹².

В рецензии на первое издание дневника Суворина Ю. Н. Тынянов первым обратил внимание на различное отношение

²⁸⁹ Ambler E. K. Op. cit. P. 92.

²⁹⁰ Ежов Н. М. Указ. соч. С. 462.

²⁹¹ Снессарев Н. В. Мираж Нового времени. Почти роман. СПб., 1914. С. 70 – 71.

²⁹² Грибовский М. В. Указ. соч. С. 139.

«публичного» Суворина и Суворина, оставшегося наедине с собой, к революции 1905 г.: «жалеет о разгроме революции, – замечает писатель, – в котором принимает участие»²⁹³.

На основании первого издания дневника Суворина Д. О. Заславский пришел к выводу о том, что «Суворин с поразительной чуткостью предвидел и предчувствовал революцию» еще в 1896 г., когда «ничто не говорило о скором ее приходе». Автор указывал, что Суворин в своем дневнике «не раз отмечал приближение революции, как будто слышал шаги ее, – и сам в душе, в интимных своих переживаниях, шел ей навстречу, и готов был принять ее как грозную силу, уничтожающую дрянь и ничтожество, олухов и дураков, грабителей и воров»²⁹⁴.

Констатируя отрицание Сувориным в публичных заявлениях возможности настоящей революции в России, Динерштейн отмечает, что его дневниковые записи свидетельствуют о прекрасном понимании публицистом «непримиримости классовых противоречий», могущих рано или поздно привести к «роковому исходу», который он стремился предотвратить доступными ему методами, пытаясь убедить правительство в необходимости изменений в государственной жизни посредством «разумного творчества сверху, а не снизу...»²⁹⁵. Автор отмечает, что в общении с близкими Суворин не обманывался относительно причин революции. «Как и чем живет народ – это ужас! – писал он в письме к Розанову. – Это рабы, ждущие Спартака...»²⁹⁶. Однако после подавления революции Суворин, как указывает Динерштейн, стремился найти причину произошедших событий в происках инородцев, в первую очередь евреев²⁹⁷.

Исследователь обращает внимание на своеобразную парадоксальность избранной Сувориным позиции, которая заключалась в том, что «всячески стремясь предотвратить революцию, задержать ход неудержимо развивающихся событий (при этом понимая их закономерность), он вместе с тем делал все возможное, чтобы воспрепятствовать этому процессу... И в то же время активно противодействовал либеральным течениям русской общественной мысли»²⁹⁸.

²⁹³ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 328.

²⁹⁴ Заславский Д. О. Дневник А. С. Суворина. С. 282.

²⁹⁵ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 87.

²⁹⁶ Там же. С. 132.

²⁹⁷ Там же. С. 88.

²⁹⁸ Там же. С. 132.

Исследуя вопрос об отношении «Нового времени» к реформам в конце XIX – начале XX в., И. В. Лукоянов отмечал, что Суворин, в 1905 г. решился публично выступить в поддержку Собора, который понимался им как сословно-представительный законосовещательный орган, избираемый на основе всеобщего избирательного права, включающего женщин. В этот период Суворин выступал против имущественного и образовательного цензов и единственным требованием выдвигал знание избирателями русского языка. Исследователь отмечает, что Собор, по мнению Суворина, в состоянии был решить ряд основных задач, а именно – поднятие мирового престижа царизма, объединение страны и рост национально-патриотического чувства²⁹⁹.

Исходя из представления о выражении изданием Суворина интересов зарождающегося среднего класса, С. Я. Махонина пришла к выводу, что «Новое время» в период революционных событий 1905 г. выступало от имени тех, кто боялся «бессмысленного бунта» и хотел «порядка, чтобы можно было свободно и спокойно работать»³⁰⁰.

Опираясь на запись Суворина в дневнике 3 августа 1907 г., С. Я. Махонина пришла к выводу о двойственном отношении Суворина к революции 1905 г., которую он отвергал «во имя государственных интересов» и в то же время хранил в своей душе «надежды и восторги, связанные с революцией»³⁰¹. Однако, на наш взгляд, данная дневниковая запись показывает, что в данном случае Суворин рассуждал о революции не как конкретном социально-политическом событии, а как об образе, олицетворявшем юность. Приведем эту запись полностью: «Мне жаль затравленного зверя (революцию). Не то, чтобы я жалел его острых зубов, его хищного наскока, его безумной ярости – помилуй Бог! Мне жаль улетевшей красоты этого единственного в своем роде русского медведя, столь много обещавшего и столь мало давшего. Мне жаль моих ожиданий, моей грусти, моих восторгов, моей веры и ошибок, жаль пролетевшей, как сон, молодости. Подкрадывается что-то старое, склизкое, корявое. Перед зрелищем затравленной революции я испытываю что-то среднее между тошнотой и раскаянием. Смелость сознавшей свою силу и отвагу задорной юности; наглость реакции, наглость торжествующей, злобно-старострастной, импозантной, но похотливой энергии старости»³⁰².

²⁹⁹ Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России. С. 122.

³⁰⁰ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. С. 89.

³⁰¹ Там же. С. 86.

³⁰² Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 452.

Глава 5. Историографические представления о Суворине-националисте

Традиционно считается, что успех «Нового времени» связан с патриотическим подъемом российского общества, вызванного Балканской войной, которым Суворин умело воспользовался, предоставляя самые полные отчеты с театра военных действий. Именно этот первый успех, как принято считать, подсказал Суворину безошибочно выигрышную тему, что в условиях мирного времени привело к замене патриотических статей националистическими. Таким образом, национализм Суворина оказался напрямую связанным с великодержавными устремлениями Российской империи.

Для сторонников Суворина в этом виделась его большая заслуга. Философ и публицист, член славянских благотворительных обществ и сотрудник «Нового времени», издатель сборника «Ладо», в котором приняли участие члены Всероссийского национального союза, Д. Н. Вергун в статье, написанной к столетнему юбилею Суворина, отмечал, что «курс, взятый "Новым временем", оказался наиболее соответствующим великодержавным интересам России»³⁰³.

О том, что позиция Суворина в оценке событий русско-японской войны была близка даже представителям интеллигенции (хотя традиционно считается, что интеллигенция в массе своей не являлась аудиторией «Нового времени»), свидетельствует фрагмент письма В. Я. Брюсова П. П. Перцову: «Читали ли Вы «маленькое» письмо Суворина после падения Артура? – спрашивает он адресата. - Оно «со старческой слезой», но мне нравится его крик: «Мы великий народ или нет?». Боюсь, что этот вопрос и в самом деле поставлен»³⁰⁴. Однако, в целом, именно национальный и имперский вопросы на страницах «Нового времени» подверглись наибольшей критике со стороны современников.

Одна из наиболее резких дореволюционных оценок позиции Суворина по национальному вопросу принадлежит А. Е. Кауфману, проводившему в своей работе идею о том, что «Новое время» в течение 30 лет само воспитало в России погромщиков и антисемитов. Он

³⁰³ Вергун Д. Н. Суворин и славянство // Телохраниитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. С. 232.

³⁰⁴ Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. / Вступ. Статья, сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 314.

называл Суворина журналистом, постоянно проповедовавшим «насилия и крестовые походы против инородцев», характеризуя его как «погромщика в душе», «истого террориста-максималиста в нашей печати», постоянно терроризировавшего в своей газете общество³⁰⁵. Эти оценки развивал Н. Я. Абрамович, утверждавший, что «слово "Жид" с большой буквы обозначало как бы большую часть программы газеты»³⁰⁶. По мнению автора, «Новое время» целенаправленно формировало негативный образ еврея. «Заголовки этой газеты и плотные столбцы ее убористых аккуратных страниц в течение десятков лет создавали в умах обывателя впечатление зловещее, раздражающее и черное, – писал он. – Смесь брезгливости и отвращения как при встрече с гадом...»³⁰⁷. Хотя автор признавал, что делал это Суворин во многом несознательно: «Как ученик заклинателя темных сил, вызвавший эти силы и не могший справиться потом с ними, покойный публицист поставил на рельсы дело, которое потом уже в своем движении развивало энергию, возможно, не совсем желательную, а порой и морально кривившую самого организатора»³⁰⁸.

Легкость, с которой Суворин смог водворить среди читающей его публики националистические идеи, Абрамович объяснял как особенностями самой публики с «пассивным умом» обывателя, так и методами подачи национального вопроса на страницах «Нового времени». «Воинствующий и враждующий национализм, – указывал автор, – преподносился не в формах тяжелых философских построений, как это делали когда-то славянофилы, а в легкой, броской и циничной манере площадного и вульгарного выпада»³⁰⁹.

Основной вред от подобной антисемитской пропаганды суворинской газеты Абрамович усматривал в том, что постепенно «семена этих каждодневных влияний» стали проявляться и в «обще-литературной среде». В качестве примеров автор называл публичные выступления Андрея Белого и Д. С. Мережковского. С последним утверждением автора невольно перекликается запись, сделанная А. А. Блоком в своем дневнике после известия о приостановке Временным правительством издания «Нового времени»: «Уничтожено место, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская мысль»³¹⁰.

³⁰⁵ Друзья и враги евреев. С. 12-13, 5.

³⁰⁶ Абрамович Н. Я. Указ. соч. С. 7.

³⁰⁷ Там же. С. 3.

³⁰⁸ Там же. С. 4.

³⁰⁹ Там же. С. 7.

³¹⁰ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 101.

Именно в националистическом направлении газеты Абрамович видит одну из основных причин ее успеха, наряду с уже отмечавшейся выше пассивностью обывательской массы. При этом Абрамович является единственным из всех дореволюционных критиков (будучи одним из самых резких в выражениях), указавшим, что истоки «идейной программы русского национализма», объявленной в суворинской газете, следует искать непосредственно в общественной среде. «"Новое время" – факт нашей действительности, - признавал он, - одна из сторон ее, один из документов нашей психологии, один из показателей нашей недейственности и моральной пассивности»³¹¹.

К схожим выводам пришел и П. Б. Струве, полагавший, что «разработка "националистической жилы", открытой Катковым и в 80-х годах взятой на откуп А. С. Сувориным, есть необходимая и, более того, роковая стадия нашего общественного сознания и государственного развития. «Националистический мускус» призван был, по определению Струве, поддержать обреченный на смерть «дряхлающий абсолютизм». И для того, чтобы этот «мускус» не потерял своей силы после угасания «славянского вопроса», «Новое время» нашло новый вопрос – еврейский, сделав из евреев «самую выгодную оброчную статью своего национализма»³¹².

В статье В. Львова-Рогачевского, посвященной смерти Суворина, «Новое время» называлось «первой принципиально беспринципной газетой и первым органом планомерно и сознательно насаждаемого антисемитизма в городской России»³¹³. И далее автор отмечал в Суворине необыкновенную «способность отражать настроения самые изменчивые», которая помогла ему «одновременно угождать и городскому антисемитически настроенному мещанству и чиновничеству, раздувающему антисемитизм»³¹⁴.

Двойственность личного отношения Суворина к еврейскому вопросу отмечал А. С. Изгоев. «Газета Суворина вела бесстыдную антисемитскую травлю не мало содействовавшую погромам, - писал он, - а сам Суворин весьма охотно вступал в личные отношения и дела с евреями, ценил их ум и способности и относился к ним весьма доб-

³¹¹ Абрамович Н. Я. Указ. соч. С. 13.

³¹² Струве П. Б. Физиология одного превращения. «Незнакомец» и «Новое время». С. 145 – 146.

³¹³ Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 322.

³¹⁴ Там же. С. 329.

рожелательно, доверяя им даже воспитание своих детей»³¹⁵. Несколько по-иному, по принципиально схоже оценивал отношение Суворина к евреям А. В. Амфитеатров: «Хотя он не весьма любил евреев, однако совсем не так сердито и убежденно, как повествуют враждебные легенды»³¹⁶. Последние замечания подчеркивают неоднократно высказывавшуюся современниками идею о том, что Суворин часто в своих публичных выступлениях высказывал не свою личную точку зрения, а то мнение, которое в данный момент было наиболее желательно или востребовано.

В связи с вышесказанным можно отметить, что скандальную постановку антисемитской пьесы «Контрабандисты» П. П. Гнедич, хорошо знавший театральную «кухню», объяснял в первую очередь не антисемитизмом самого Суворина, а желанием досадить ведущей актрисе своего театра: «Он больше ставил эту пьесу из упрямства, потому что против нее была его примадонна Яворская и ее муж Барятинский»³¹⁷.

Поклонники творчества Суворина также выделяли национализм в качестве ведущего направления его газеты, видя в этом большую заслугу публициста. Так, Н. И. Афанасьев в биографической статье, посвященной Суворину, особо подчеркивал, что в «Новом времени» оценка внутренних и внешних событий подавалась «с точки зрения русских национальных интересов»³¹⁸, М. Любимов видел основной секрет успеха «Нового времени» в «строго определенной национальной позиции», с которой газета не сходила «никогда и ни при каких условиях»³¹⁹.

В советский период националистические и имперские взгляды Суворина просто констатировались и никак не анализировались. До тех пор, пока он позиционировался в качестве идеолога прогнившего режима, других объяснений его взглядам не требовалось.

Впервые подробно проанализировал истоки имперского мышления Суворина Е. А. Динерштейн. Начало издания Сувориным «Нового времени» он характеризовал следующим образом: «Сравнительная легкость, с какой Суворину удалось завоевать «улицу», во многом

³¹⁵ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 3.

³¹⁶ Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина. С. 256.

³¹⁷ Гнедич П. П. Указ. соч. С. 234.

³¹⁸ Афанасьев Н. И. Алексей Сергеевич Суворин // Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. Т. 1. С. 284.

³¹⁹ Цит. по: Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 34.

объяснялась интересом широкой городской массы к событиям на Балканах, особенно в период русско-турецкой войны. Прикрываясь лозунгом защиты «братьев-славян», царское правительство пыталось осуществить давно вынашиваемую идею проникновения на Балканы, оказавшись начисто глухим к требованиям предоставления хотя бы куцей автономии славянской Польше. Справедливости ради, следует сказать, что поначалу «Новое время» весьма сдержанно относилось к экспансионистским намерениям правительства и той интерпретации «славянского вопроса», которой придерживались газеты консервативного лагеря, что, кстати, послужило причиной полемики между ними»³²⁰.

Исследователь отмечает, что еще до военной кампании 1877-1878 гг., когда впервые в действующую армию были допущены корреспонденты частных русских газет, во время сербско-турецкой войны Суворин стал первым русским корреспондентом, посетившим русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева. После этой встречи «Суворин резко изменил тон своих статей» о событиях на Балканах и начал полемизировать с «Голосом» и «Вестником Европы», которые критиковали правительственную политику в этой области. Автор приводит мнение Михайловского, который полагал, что Суворин в течение жизни «не раз круто менял ставки, но направление изменил однажды» и это был именно «славянский вопрос»³²¹. Динерштейн отмечает, что недовольство правительства выступлениями «Нового времени» обуславливалось лишь тем, что газета невольно предвосхищала государственные планы³²².

В целом автор полагает, что «Новое время» всегда «наиболее активно и целенаправленно поддерживало экспансионистские устремления царизма», «на протяжении многих лет» выражая сожаления по поводу берлинского трактата. Суворин, по словам автора, «призывал правительство к захвату Константинополя и проливов», используя для этого «любой предлог». И, хотя новая война начала готовиться на ином направлении, публицист поддержал эти приготовления, называя грядущую кампанию «"страшно" важной для России, поскольку ее цели поставлены самой историей»³²³. Поэтому и весь ход войны освещался на страницах «Нового времени» с «ура-

³²⁰ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 65.

³²¹ Там же. С. 66.

³²² Там же. С. 67.

³²³ Там же. С. 83-84.

патриотических» позиций, чем Динерштейн объясняет «дух нетерпимости и воинствующего шовинизма» публиковавшихся в газете материалов по этой теме. Однако, как замечает сам автор, по временам Суворина одолевали прямо противоположные настроения. Так, например, в «маленьком письме», написанном Сувориным, когда он находился в тульском имении звучит мысль о том, что находясь «в этой деревенской Манчжурии как нельзя больше начинаешь понимать всю ненужность войны, весь ее ужас и несчастья»³²⁴. Но в целом газета выступала за войну до победы любой ценой. Динерштейн солидаризируется с Витте, с легкой руки «Нового времени» получившим насмешливый титул «граф Полусахалинский» и вспоминая, что газета «с самого начала войны проводила крайне шовинистические идеи» и считала «заклучение Портсмутского мира несвоевременным».

Противодействие заключению Портсмутского мира Динерштейн объясняет двумя основными обстоятельствами: «боязнью приостановки экспансии царизма на Дальнем Востоке» и опасениями, что заключение подобного мира может спровоцировать, как это уже бывало в истории России, взрыв социального недовольства в стране. Приводимые Динерштейном высказывания Суворина из переписки и частных бесед, показывают, что поражение в русско-японской войне привело его к пересмотру своей позиции по отношению к политике расширения государственной территории и переносу внимания на проблему обустройства уже имеющихся территорий³²⁵.

Империализм во взглядах Суворина, как отмечал Динерштейн, был напрямую связан с национализмом, так как предполагал «русификацию населения национальных окраин»³²⁶. Любые «проявления национального самосознания» он воспринимал как попытки «расшатывания» основ империи.

Динерштейн отмечает, что Суворин даже после того, как правительство переориентировало свои внешнеполитические интересы на Китай, продолжал настаивать на том, что для России выгоднее было бы продолжать добиваться присоединения Константинополя и проливов или уж на худой конец обустроить уже имеющиеся территории, нежели стремиться к приращению территории на Дальнем Востоке. Он критиковал и переселенческую политику Витте, направлен-

³²⁴ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 85.

³²⁵ Там же. С. 86.

³²⁶ Там же. С. 123.

ную на колонизацию дальневосточных российских земель, сравнивая ее с «вытяжным пластырем», которое не может заменить «радикального лечения». Исследователь считал, что декларирование Сувориным данных позиций является не более чем «фрондированием, должествующим подтвердить принципиальность его позиций»³²⁷. Однако, когда война на Дальнем Востоке началась, замечает Динерштейн, Суворин изменил свои взгляды, во всяком случае, высказываемые в газете.

Касаясь вопроса о национализме Суворина, Динерштейн отмечает, что он проявился в нем не сразу. Он указывает на то обстоятельство, что отношение публициста к польскому вопросу в 1861 г. «кардинально отличается» от той позиции, которую заняло позднее по национальному вопросу «Новое время». В 1861 г. Суворин высказывался за отторжение Польши как обременительного источника постоянной политической напряженности и материальных расходов на русские гарнизоны, которые Россия вынуждена там держать.

Даже студенческие волнения, как обращает внимание Динерштейн, Суворин увязывал с национальным вопросом, усматривая в них «злонамеренные козни инородческих элементов». Данную позицию активно поддерживало правительство, которому было выгодно прикрывать подобными объяснениями недостатки государственной политики в области образования и плохую работу государственных чиновников³²⁸.

В национальном вопросе, констатирует Динерштейн, «Новое время» проводило наиболее последовательную политику. Он обращает внимание на тот факт, что все противники этого издания «от кадетов до В. И. Ленина» считали его органом «великорусского национализма»³²⁹. Динерштейн отмечает, что на страницах «Нового времени» постоянно различные народы российской империи настраивались друг против друга. Исследователь обращает внимание на нелицеприятные высказывания об армянском народе и вообще неуважительное отношение «ко всем коренным народам Кавказа». Даже к «братьям-славянам», констатирует Динерштейн, Суворин «относился столь же пренебрежительно, как и к остальным инородцам» и воспринимал их «не более чем» разменную карту в большой политической игре. «Проповедь национальной нетерпимости, оправдание погромов и т.п.

³²⁷ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 123.

³²⁸ Там же. С. 77.

³²⁹ Там же. С. 90.

Суворин, – по замечанию исследователя, – пытался обосновать защитой интересов собственного народа и охранительными целями»³³⁰.

Шовинистическая позиция особенно ярко проявилась при освещении «Новым временем» знаменитого процесса офицера французского генерального штаба А. Дрейфуса, ложно обвиненного, как было доказано в ходе суда, в шпионаже. Суворин изначально объявил, что рассматривает этот процесс как «борьбу еврейства с христианством», определив тем самым, как отмечает Динерштейн, позицию газеты в освещении данного вопроса. Исследователь подчеркивает, что даже «консервативные газеты, сочувственно относившиеся к процессу» отмечали явную тенденциозность, с которой Суворин представлял читателям события этого процесса.

Обращая внимание на тот факт, что даже властям приходилось «одергивать» «Новое время» за его «откровенно антисемитские выступления», Динерштейн полагает, что «в целом шовинистическая направленность газеты вполне устраивала правительственные круги, поскольку она во многом договаривала то, что не всегда было удобно заявлять официальным инстанциям»³³¹.

Переориентация «Нового времени» не случайно, по определению Динерштейна, началась именно с изменения курса в национальном вопросе. Задаваясь вопросом, что натолкнуло Суворина именно на «еврейскую тему», Динерштейн находит выбору публициста следующее объяснение. С затуханием после заключения Берлинского мира интереса к славянскому вопросу перед Сувориным встала проблема сохранения той части читателей, которые были привлечены к «Новому времени» именно освещением балканских событий. «Необходимо было, – как указывает историк, – придать новый импульс так удачно найденному направлению»³³². Никаких конкретных объяснений, почему Суворин в дальнейшем сделал акцент именно на антисемитской теме, автор не предлагает.

В целом отношение к еврейскому вопросу в «Новом времени» трактовалось Динерштейном не как «стереотип мышления», а как «линия поведения, выработанная на основе традиционных представлений и откровенных спекуляций». Разницу в трактовке дела Бейлиса черносотенными газетами и «Новым временем» исследователь усматривал лишь в том, что «университетски образованные авторы су-

³³⁰ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 91.

³³¹ Там же. С. 92-93.

³³² Там же. С. 121.

воринской газеты обосновывали свои эззерсисы философски-теологическими «изысканиями»³³³.

Важным, на наш взгляд является наблюдение Динерштейна, заметившего, что игра на антисемитских настроениях в обществе зачастую использовалась Сувориным для дискредитации тех или иных проектов, подвергая сомнению компетенцию, добропорядочность и бескорыстие его авторов и проводников лишь на том основании, что они не являются русскими по происхождению³³⁴.

Другой важный аспект, на котором акцентирует внимание историк, это отсутствие принципиальных различий между позицией Суворина в «еврейском вопросе» и тем, как «он воспринимал «армянский», «польский», «финский» и прочие «вопросы»». Все эти «вопросы», как постулирует автор, по существу являлись «звеньями единой цепи, органически связанными с прочими кардинальными проблемами общественной жизни страны»³³⁵.

Другими современными историками тема имперской политики в творчестве Суворина не получила особого развития. В целом положительно оценивавший общественно-политические взгляды Суворина Р. Б. Ромов ограничился констатацией того, что им был свойственен «агрессивный империализм во внешней и окраинной политике»³³⁶. В диссертационном исследовании, посвященном жизни и взглядам Суворина, Л. М. Хуторова отмечала, что в вопросе о расширении границ России его рассуждения носили имперский характер³³⁷. Таким образом данный вопрос еще требует своего дальнейшего исследования.

Основное внимание в национальном аспекте публицистики Суворина, по-прежнему уделяется еврейскому вопросу. Автор второй отечественной монографии, посвященной Суворину, Л. П. Макашина основную часть работы посвятила именно этой теме, ставя своей задачей доказать неправомерность обвинений «Нового времени» и ее редактора в антисемитизме. Однако столь преувеличенное внимание именно к данной теме, наряду с обильным цитированием выдержек из статей «Нового времени» антисемитского содержания, привели к прямо противоположному результату – подобранный автором материал

³³³ Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. С. 311.

³³⁴ Там же. С. 119.

³³⁵ Там же. С. 123.

³³⁶ Ромов Р. Б. Суворин Алексей Сергеевич. С. 523.

³³⁷ Хуторова Л. М. Алексей Сергеевич Суворин: судьба и взгляды. С. 16.

стал выступать против его же собственных выводов. Неудачной, на наш взгляд, выглядит и попытка Макашиной подойти к вопросу о национализме «Нового времени» с математических позиций. Она подсчитала, что за 36 лет издания газеты под началом Суворина еврейский вопрос «выходил на первое место» всего семь раз. При этом автор утверждала, что во всех этих случаях «газета призывала обе стороны – и правительство, и лидеров еврейского национального движения – искать мирные, цивилизованные пути решения проблемы»³³⁸. При подобном заявлении мы почти не находим в книге ссылки на статьи самого Суворина, вследствие чего оно выглядит голословным.

Приведенную нами точку зрения разделила и С. Я. Махонина, которая, впрочем, признала, что пришла к этому заключению «не вдаваясь в подробности обсуждения этого сложнейшего вопроса». И Макашина, и Махонина явно стремились опровергнуть весьма резкие оценки позиции Суворина по национальному вопросу, представленные в серии статей и монографии Динерштейна. Однако, в отличие от него, они не приводят достаточно убедительной аргументации, опровергающей антисемитские выступления Суворина и его газеты. Махонина, в частности, ограничилась констатацией: «Эту проблему еще надо решать, но отбросить эмоции»³³⁹.

Большинство современных исследователей разделяют позицию дореволюционной либеральной и советской историографии в оценке взглядов Суворина на национальный вопрос. Так, И. В. Подольская повторяет идею П. Б. Струве (без ссылки на автора) о национализме как «золотоносной жиле», которую Суворин перенял у Каткова. Однако автор предпочитает вместо понятия «национализм» использовать термин «национал-патриотизм», основную идею которого она определяет как формирование собирательного «образа врага», к которому необходимо внушить ненависть со стороны обывателя³⁴⁰. Схожей терминологией в определении общественно-политических взглядов Суворина пользуется Л. М. Хуторова³⁴¹. Нам представляется введение данного публицистического термина для определения общественно-политической позиции как Каткова, так и Суворина необоснованным и вносящим дополнительную терминологическую сумятицу в еще не устоявшееся в современной отечественной исторической нау-

³³⁸ Макашина Л. П. Указ. соч. С. 125.

³³⁹ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в. С. 90.

³⁴⁰ Подольская И. В. Указ. соч. С. 44.

³⁴¹ Хуторова Л. М. Л. Н. Толстой и А. С. Суворин: из истории взаимоотношений.

ке поле изучения национализма как такового. Тем более что сами авторы не сочли нужным дать этому понятию четкое определение.

Национал-патриотизм, по мнению Хуторовой, в представлении Суворина являлся «основной идеей, способной объединить общество». Истоки позиции Суворина по национальному вопросу Хуторова усматривала в его социальных представлениях, в частности «признании неравенства (социального, национального, религиозного) индивидов в обществе». Средство преодоления данного неравенства публицист видел в просвещении и политике русификации, которую Хуторова определяла как «создание условий, при которых люди определенных национальностей и вероисповедания должны были покинуть пределы Российской империи или "раствориться" в славянском этносе»³⁴².

Ученые, продолжившие работу Н. А. Роскиной по расшифровке и подготовке к изданию дневника Суворина, Д. Рейфилд и О. Е. Макарова пришли к выводу о том, что мировоззрение Суворина «отягчалось паранойей» злобного антисемитизма, поразившего всю семью издателя и сотрудников «Нового времени». Его истоки ученые были склонны видеть в «укоренившихся в семье сексуальных комплексах и убеждении в финансовой изолированности евреев». Эта ненависть, по мнению исследователей, основывалась на зависти к финансовым успехам лиц еврейской национальности. «После оправдания Дрейфуса и Бейлиса, - пишут Рейфилд и Макарова, - большая часть российской интеллигенции осудила антисемитизм, а Суворин остался верен себе. Единственное в чем ему было трудно отказать, это своя голова на плечах...»³⁴³. Ссылаясь на дело Дрейфуса, авторы, в то же время совершенно необоснованно, на наш взгляд, рассматривают антисемитизм Суворина в отрыве от антисемитизма как обще-европейской проблемы того времени.

Освещая историю национализма в России начала XX в. как идеологического явления, С. М. Сергеев, характеризует публицистику А. С. Суворина как выразительницу «интегрального национализма», так как, не имея определенной политической ориентации, она всегда выступала «против «распадения России» и «принижения русской народности»³⁴⁴. В то же время автор констатирует, что Суворин в своих работах и на страницах своего издания культивировал «био-

³⁴² Хуторова Л. М. Алексей Сергеевич Суворин: судьба и взгляды. С. 17.

³⁴³ Рейфилд Д., Макарова О. Е. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. XX

³⁴⁴ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. С. 12.

логизаторский и этнократический подход к национальной проблеме»³⁴⁵, который затем и нашел свое развитие в публицистике Меншикова. В другой работе, посвященной юбилею Суворина и выдержанной в целом в хвалебном тоне с преимущественным цитированием Меншикова и Розанова, Сергеев отмечал: «Иного названия политической позиции Суворина, кроме как "национализм" и не подберешь. Но национализм его был трезвым и зрячим, лишенным всякой сусальности и "возвышающих обманов"»³⁴⁶.

Точка зрения Динерштейна относительно взглядов раннего Суворина на национальный вопрос совпадает с мнением, высказанным за сорок лет до него американским историком Э. К. Амблер. «То ли из-за недостатка интереса, то ли из-за опасностей, связанных с таким деликатным вопросом, - писала исследовательница, - Суворин сравнительно немного писал о национализме русском или нерусском, о национализме в России, в Австрии или Турции. Этой темы он касался только в полемике со своим оппонентом, ультра-националистом Катковым. Суворин неоднократно высмеивал якобы сделанное Катковым открытие, что всё зло исходит от поляков (или заговорщико-нигилистов). Суворин считал, что из-за воззваний Каткова появились тысячи сепаратистов там, где раньше были сотни, что Катков заложил «прочное основание реакции и деморализации». Суворин не раз разоблачал фальшь и шовинизм в работах Каткова и его сторонников, посвящённых польскому вопросу»³⁴⁷. Как отмечала историк, Суворин не стал активно участвовать в полемике как «по поводу балтийских немцев», так и по вопросу об украинофильстве. В последнем случае он занял, по определению Амблер, «спокойную и примирительную позицию», считая, что «все обвинения в сепаратизме основываются только на том, что жители юго-западных областей очень любят свои песни». Автор указывала, что Суворин разделял мнение своих коллег из «Вестника Европы», и «Санкт-Петербургских ведомостей», ставших на сторону украинофилов, однако на тот момент «самого его больше интересовали гражданские права образованного русского общества, нежели права национальных меньшинств»³⁴⁸.

³⁴⁵ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 115 – 16.

³⁴⁶ Сергеев С. М. *Гражданин Суворин*. С. 131.

³⁴⁷ Ambler E. K. *Op. cit.* P. 92 – 93.

³⁴⁸ *Ibid.* P. 93 – 94.

Подводя итог анализа историографии взглядов А. С. Суворина, следует, в первую очередь, отметить противоречивость оценок и характеристик, даваемых редактору «Нового времени» на протяжении всего исследуемого нами периода. Это проявилось, прежде всего, в отсутствии единого мнения относительно степени самостоятельности и принципиальности Суворина в своих общественно-политических взглядах. Данная ситуация во многом была «спровоцирована» самим Сувориным, который, в отличие от Каткова, на протяжении многих лет вел личный дневник. Практически всеми исследователями, обращавшимися к этому источнику, отмечается, что дневниковые записи зачастую вступают в противоречие с публичными выступлениями Суворина в печати. При этом прослеживается тенденция объяснять многие поступки и высказывания Суворина не столько его политическими убеждениями, сколько личными пристрастиями и настроениями. В целом наблюдается преемственность между оценками Суворина современниками не только из революционного, но и либерального лагеря и установками советской историографии, частично получившими свое развитие и в последние десятилетия, о чем красноречивее всего свидетельствует название монографии Динерштейна – «Человек, сделавший карьеру», явно перекликающееся с названием известной статьи Ленина.

Наибольшее внимание в историографии удостоился вопрос о продажности или независимости Суворина, так и оставшийся открытым. Произошло это, как нам представляется, в силу того, что никто из исследователей не рассматривал деятельность Суворина как особую службу государству. Между тем, и в дневниках и в «маленьких письмах» Суворин позиционировал себя как носителя определенной идеи, поддерживаемого многотысячной читательской аудиторией. Это придавало ему определенную независимость среди сильных мира сего, и он чувствовал себя вправе противопоставлять свою точку зрения радикальным течениям как справа, так и слева. При всех обвинениях в продажности оппоненты Суворина не приводят главного аргумента – не называют, кому именно продавался Суворин. На эту роль не могли претендовать самые сановные чиновники того времени. Второй наиболее распространенный тезис о том, что Суворин служил не кому-то конкретному, а своему успеху нам кажется более верным, однако требующим пояснения. «Продажность» Суворина на деле представляла собой сознательный выбор публициста в пользу служения конкретной политической системе, с благополучием которой он ассоциировал и свое благополучие и благосостояние страны.

Вторым обстоятельством, затрудняющим оценку политической позиции Суворина является либерализм раннего периода его публицистической деятельности, признаваемый большинством отечественных и зарубежных исследователей. Именно эволюция от либерализма к консерватизму, отмеченная современниками еще до появления статьи Ленина «Карьера», придавала дополнительное сходство Суворину с Катковым. Однако и в вопросе о преемственности позиций этих двух публицистов и их изданий на протяжении всего периода изучения этого вопроса не было выработано однозначной позиции ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. До сих пор ведутся споры и о первенстве между «Московскими ведомостями» периода редакторства Каткова и «Новым временем» Суворина по степени влияния как на читателя, так и на властные структуры.

Наиболее значительным достижением отечественной историографии советского периода применительно к анализу публицистики Суворина, на наш взгляд, является определение ее ориентированности на начавший формироваться в России так называемый средний класс. К сожалению, данное положение не получило в последующие периоды должного развития, несмотря на явную актуальность в настоящее время.

Тема отношения Суворина к православию в отечественной историографии не получила широкого освещения, в то время как ей уделила достаточно внимания автор единственной зарубежной монографии о Суворине Э. Амблер, показав, что в данном вопросе публицист проявил себя как либерал, выступавший за свободу совести и против излишней строгости религиозной цензуры.

Несмотря на то обстоятельство, что определение «националист» является наиболее применимым к Суворину, сущность и причины национализма редактора «Нового времени» получили в историографии очень незначительное освещение. Всех исследователей, затрагивавших вопрос о национализме Суворина, можно условно разделить на две группы. Одни видят в его позиции по национальному вопросу основной порок, другие стремятся всячески доказать, что публицист не был националистом в негативном смысле этого слова. Обе позиции грешат одним недостатком – они не дают возможности понять суть самого явления. Так, авторы, констатирующие национализм Суворина, как правило, признают и то, что редактор «Нового времени» всегда умел тонко уловить общественные настроения и идти вслед за ним. При этом их утверждение о том, что «Новое время» насаждало в

общественном сознании антисемитизм, противоречит их же вышеприведенному тезису. Позиция же отрицания национализма Суворина сама по себе не может предполагать никакого анализа.

Дополнить представления о понимании Сувориным сути национального вопроса позволило изучение его издательской и редакторской деятельности отечественным литературоведением. Изучение его взаимоотношений с русскими писателями и литературных пристрастий позволило ряду исследователей в последние десятилетия прийти к заключению об объективном способствовании просветительской деятельности Суворина развитию русского национального самосознания у широких слоев населения. Заметим, что схожей позиции придерживается и американская исследовательница Э. Амблер.

Второй расхожий тезис – об охранительстве Суворина – не получил своего детального развития в силу того, что исследователи зачастую смешивали служение государству и служение конкретным носителям власти в этом государстве. Снятие идеологических запретов в постперестроечный период создало благоприятные основания для переосмысления самого понятия «охранитель». К сожалению, этого не произошло. В то же время, нам представляется необходимым выделение в этом понятии такого аспекта как сохранение основ государственности, которое не может рассматриваться как реакционное явление. И события, происходившие в России в последние десятилетия, показали пагубность отказа большей части общества от подобного «охранительства».

К сожалению, требования, выдвигаемые Сувориным к государственной власти вообще и к организации государственного аппарата, в частности, еще ни кем детально не исследованы. Между тем, именно взгляд Суворина на государственного чиновника – это взгляд государственного националиста. Анализ его статей и дневниковых записей показывает, что основную проблему в системе государственного управления Суворин усматривал не столько в субъективных пороках ее конкретных представителей, сколько в объективной неспособности чиновничьего аппарата справиться с тем объемом задач, которые перед ним ставились. Причем эта проблема, как правило, обострялась в период проведения тех или иных государственных преобразований. Примечательно, что в период с начала «перестройки» и до настоящего времени российское правительство постоянно сталкивается именно с этой проблемой. Причины того, что чиновники не справляются с объемом возлагаемых на них обязанностей, Суворин,

как и современная власть, видел в первую очередь в их недостаточном количестве. Но, в отличие от современных государственных деятелей, Суворин вовсе не делал вывод о том, что надо увеличивать чиновничий штат. Он предлагал другой способ решения проблемы – воспользоваться общественной помощью посредством гласного обсуждения государственных задач и проектов в печати и создания различных общественных комитетов.

Однако именно этого бюрократия и не желала делать, боясь тем самым хотя бы малейшим образом принизить свою значимость и ограничить свои полномочия. Любое государственное дело, поручавшееся тому или иному сановнику, рассматривалось им как его сугубо личная обязанность, находящаяся только в его компетенции. И любые попытки представителей общественности принять в этом деле посильное участие наталкивались на сакраментальную фразу, с грустью записанную Сувориным в своем дневнике: «Это не ваше дело, а мое»³⁴⁹. А в одном из «маленьких писем» периода русско-японской войны Суворин открыто выступил с критикой подобного понимания чиновниками своего положения и обязанностей. «У нас есть такой обычай: если мне, начальнику какого-нибудь отдела, не приходит в голову того или другого средства, я преспокойно отвергаю ваши предложения, – писал он в 1904 г., – Я даже считаю их обидными для своего начальнического самолюбия! Пусть гибнет мир, а не мой авторитет. Я – маленький бог, и ко мне можно обращаться только с молитвами, а не с предложениями и новыми мыслями...»³⁵⁰.

Сановные чиновники даже не допускали мысли, что государственное дело может быть делом общественным. Отсюда то недоверие, которое они питали к общественному мнению, какие бы взгляды оно ни выражало. Лояльная общественность, как это ни парадоксально, настораживала бюрократию даже больше, чем та часть общества, которая была настроена радикально по отношению к существующей власти, так как была более склонна бороться с государственным аппаратом, и уж никак не сотрудничать с ним. В этой связи становится понятной записанная Сувориным в октябре 1896 г. в своем дневнике беседа с литератором и дипломатом С. С. Татищевым: «Я сказал, что повторятся республиканские годы, то есть цензура будет преследовать всех тех, которые говорят о современных вопросах жизни с дос-

³⁴⁹ Суворин А. С. Дневник. С. 138.

³⁵⁰ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904 – 1908). С. 168

таточной свободой, и будет оставлять в покое все то, что будут писать радикалы и социалисты. "Да, это естественно, – сказал Татищев. – Когда Вы пишете о министрах, то как бы становитесь выше их. Государь может сказать: "Однако такая-то газета говорит умнее, чем министр"". Понятно, что этого они не выносят и потому закрывают глаза на все радикальное, которое их не трогает...»³⁵¹.

Суворина также беспокоило отсутствие единства между министерствами. Он отмечал, что ведомственные интересы зачастую перевешивают на чиновничьих весах интересы общегосударственные. Выход из сложившейся ситуации он видел в создании некоего координирующего центра, вырабатывающего единую национальную программу, по которой работали бы все министерства. Летом 1904 г. в одном из «маленьких писем», посвященном памяти убитого террористами В. К. Плеве, Суворин писал: «У нас нет такого учреждения, которое сосредоточивало бы в себе такие дела, которые бы касались общих вопросов, одинаково необходимых и для населения и для всех министерств... У каждого министерства свои дела, а существенной связи между ними так мало чувствуется, что у нас почти вошло в поговорку, что наши министерства вечно воюют друг с другом, отстаивая друг перед другом свои границы». Именно в подобном положении дел Суворин усматривал основную причину неудачного для России хода русско-японской войны. Суворин не раз высказывал на страницах «Нового времени» идею о создании некоего «кабинета» министров, который вырабатывал бы единую программу государственных действий и обеспечивал бы «гармонию» между ведомствами при ее осуществлении. Подобное учреждение, по мнению Суворина «устраняло бы борьбу отдельных ведомств между собою, которая иногда походит на борьбу политических партий в парламенте»³⁵². В следующем «маленьком письме» Суворин развивает эту идею, утверждая, что в России чувствуется настоятельная необходимость в «сплоченном, согласном правительстве, которое всегда бы действовало как нечто единое, согласно с потребностью населения и, предвидя, по крайней мере, ближайшее будущее», так как только такое правительство в состоянии укрепить государство и «двигать его к благополучию»³⁵³.

³⁵¹ Суворин А. С. Дневник. С. 153.

³⁵² Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904 – 1908). С. 137.

³⁵³ Там же. С. 140.

Таким образом, критикуя бюрократическую систему, Суворин, в отличие от ряда славянофилов, прекрасно понимал утопичность замыслов ее полной ликвидации. Он не только осознавал неотъемлемость чиновничьего аппарата от государственной системы управления, но и достаточно положительно оценивал работу ряда конкретных его представителей. Так что в его случае речь шла не об отмене или коренном изменении данного института, а лишь о корректировке его работы. «Государь не имеет никакой возможности обойтись... без государственных учреждений, – писал он в одном из «маленьких писем» в 1899 г., – но очень может быть, что чего-нибудь в них не достает»³⁵⁴. Единственное же средство повлиять на негативные стороны сложившейся системы чиновничье-бюрократического управления Суворин видел в гласности. Поэтому он положительно воспринял идею созыва представительных органов. По сути, он исходил из математического закона «минус на минус дает плюс». Ясно осознавая, на основе западноевропейского опыта, что и парламентаризм отнюдь не лишен внутренних противоречий и недостатков, Суворин, тем не менее, надеялся, что, будучи вынужденными вести совместную работу, российский парламент и чиновничье-бюрократический аппарат будут эволюционировать в положительном направлении. К сожалению, именно проблемы «сильной власти» и «бюрократического произвола» в контексте взаимоотношения национальных и государственных интересов, несмотря на свою явную актуальность в настоящее время, до сих пор не нашли должного развития при изучении публицистического наследия Суворина.

³⁵⁴ Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889 – 1903). С. 714.

Часть II. МИХАИЛ ОСИПОВИЧ МЕНЬШИКОВ

Биографический очерк

Будучи одним из самых влиятельных и высокооплачиваемых журналистов России начала XX в. (его гонорары составляли от 50 до 100 тыс. руб. в год), Меньшиков всегда помнил, из какой нищеты он сумел подняться благодаря таланту и главным образом невероятной трудоспособности. Он родился в 1859 г. в городе Новоржеве Псковской губернии в многодетной семье мелкого чиновника. (Некоторые исследователи ошибочно приписывают Меньшикову княжеское происхождение³⁵⁵, вероятно, введенные в заблуждение его фамилией, в то время как дед Меньшикова был сельским священником.) В 1864 г. семья Меньшиковых приобрела крестьянскую избу с огородом, где и поселилась из-за материальной стесненности. Начальное образование будущему публицисту дала мать, происходившая из обедневшего дворянского рода Шишкиных. Затем следует Опочецкое уездное училище. По всей видимости выбор направления дальнейшего образования принадлежал дяди Меньшикова, который согласился платить за его обучение. Выбор пал на Кронштадтское морское техническое училище, которое Меньшиков успешно окончил в 1878 г. Молодой моряк участвовал в ряде морских экспедиций, имея возможность знакомиться с достопримечательностями европейских городов.

Склонность к сочинительству проявилась у Меньшикова (подобно Каткову и Суворину) еще в ученические годы. В училище он выпускал студенческий журнал «Неделя». В Кронштадте он познакомился со знаменитым в то время поэтом С. Я. Надсоном, который, уже будучи смертельно больным, напутствовал Меньшикова в одном из писем: «Я зол на Вас за то, что вы не верите в себя, в свой талант... Пишите – ибо это есть ваша доля на земле...».³⁵⁶

Постепенно Меньшиков стал все больше заниматься чисто журналистской деятельностью, сотрудничая в таких газетах как «Голос», «Петербургские ведомости» и «Неделя». В 1892 г. он вышел в отставку в чине штабс-капитана и стал ведущим сотрудником газеты

³⁵⁵ Российские либералы: кадеты и октябристы. – М., 1996. – С. 300.

³⁵⁶ Цит. по: Пospelов М. Б., Лисовой Н. Н. Естеств. стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова / Меньшиков М. О. Выше свободы. М., 1998. С. 416.

«Неделя» и ее приложений. С 1900 г. Меньшиков фактически заведовал этой газетой, успевая активно сотрудничать в газете «Русь», журнале «Русская мысль» и др. Он быстро становится известным журналистом и знакомится и ведет активную переписку с крупнейшими писателями: Н. С. Лесковым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, которые в один голос отмечали его талант публициста.

После банкротства «Недели» в 1901 г. Суворин, сам некогда оказавшийся в схожей ситуации, пригласил Меньшикова в штат своей газеты «Новое время». В ней он стал вести рубрику «Письма к ближним», а вскоре при содействии знаменитого юриста А. Ф. Кони получил разрешение на выпуск ежемесячного издания под тем же названием. Он получал большую корреспонденцию с мест в свой адрес и принимал многочисленные визиты домой людей всех рангов и сословий от рабочих и крестьян до генералов и министров. В их числе оказались и главы двух русских правительств – С. Ю. Витте и П. А. Столыпин. Первый просил составить один из вариантов проекта будущего Манифеста 17 октября 1905 г.³⁵⁷, а второй «едва ли не умолял взять деньги и возглавить издание общерусской национальной газеты».³⁵⁸ От последнего предложения Меньшиков отказался в пользу «Писем к ближним». Именно в этих «Письмах» на протяжении 16 лет происходила кристаллизация философских взглядов Меньшикова.

Значение вклада Меньшикова в философскую мысль, как его сторонники, так и его противники, часто пытаются сузить исключительно до разработки им понятия «русский национализм». Меньшиков действительно, будучи активным участником создания политической партии «Всероссийский национальный союз» и общественной организации «Всероссийский национальный клуб», много внимания уделял этой проблеме. Его общественно-политическим идеалом, который сложился в 90-х годах XIX века, была крепкая монархическая власть с парламентским представительством и определенными конституционными свободами, способная защищать традиционные ценности России и оздоровить народную жизнь. Отвергая деятельность революционных организаций как партий «русской смуты», Меньшиков одновременно выступал и против черносотенных групп с их нежеланием понимать необходимость обновления России, считая их теми же революционерами, только справа.

³⁵⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т.2. С. 557.

³⁵⁸ Меньшиков М. О. Выше свободы. С. 441.

Однако по иронии судьбы сам Меньшиков был надолго записан с легкой руки В. И. Ленина в «певца черной сотни». Это предопределило и трагический финал его жизни. В сентябре 1918 г. на глазах у жены и шестерых детей (старшей из которых было 10 лет) «чрезвычайным полевым штабом, - как гласило сообщение в «Известиях Всероссийского ЦИК», - в Валдае расстрелян черносотенный публицист Меньшиков».³⁵⁹ Реабилитирован Меньшков 1993 г.

Общественно-политические взгляды Меньшикова претерпели заметную эволюцию в ходе его жизни. В начале своей публицистической деятельности Меньшиков, работая в газете «Неделя», находился под влиянием Белинского и придерживался либерально-консервативных взглядов. Он уже жил в Петербурге, когда было совершено убийство Александра II и в своем дневнике, описывая этот день, он обращал внимание на то обстоятельство, что народ, хотя не был весел, но и не скорбел искренно, в нем было больше любопытства, чем искреннего сочувствия. Это привело Меньшикова к осознанию необходимости возрождать в народе самосознание, которое было неразрывно связано с монархической идеей.

В конце 90-х гг. XIX в. Меньшиков увлекался идеями Л. Н. Толстого, но вскоре охладел к ним и стал подвергать яснополянского старца разносторонней критике.

Во время народных волнений после поражения в русско-японской войне Меньшиков впервые обращает серьезное внимание на национальные проблемы Российской империи. К примеру, он пишет целую серию статей «Кавказ разваливается», в которых показывает на конкретных фактических примерах, что в результате безответственных и антигосударственных действий местной администрации во главе с наместником Воронцовым-Дашковым русские утрачивают на Кавказе свои позиции и это чревато тем, что Российская империя может потерять этот «драгоценный алмаз» из своей короны. (В этот период достоянием общественности стал составленный Воронцовым-Дашковым проект наместничества, в котором, по мнению многих, Кавказ предполагалось превратить в почти автономную от России сатрапию).

В марте 1909 г. Меньшиков посвящает серию статей злоупотреблениям в интендантском ведомстве, чудовищный размер которых был выявлен после поражения в русско-японской войне. В числе про-

³⁵⁹ Известия Всероссийского ЦИК . 1918. 22 сентября.

чих причин подобных явлений Меньшиков называл «оттертость» русского человека от русской казны. Опираясь на реальные факты, он указывал, что «все интендантское ведомство сверху донизу набито юго-западными людьми, поляками католического и иудейского закона», которые, по его мнению, не могли столь искренно служить интересам российского государства, как делали бы это русские. Это утверждение было не лишено рационального зерна, так как подавляющее большинство поляков, в отличие от многих других народов, входивших в состав Российской империи, всегда стремились к отделению и даже не пытались этого скрывать, следовательно ослабление империи было им объективно выгодно.

И подобных проблем в Российской системе управления в начале XX века вскрылось не мало. Это дало основания Меньшикову придти к заключению о необходимости перемен в политическом строе страны. Поэтому, когда Вите предложил ему составить свой проект готовившегося царского манифеста, тот охотно согласился и составил его в виде компиляции из европейских конституций и хартий. Хотя его проект не был использован Витте, Меньшиков встретил Манифест воодушевленно. Как вспоминал один из современников (Крыжановский), «Красоречивые статьи Меньшикова увлекали многих, а он хотел видеть в Думе какой-то ареопаг мудрецов в котором непременно заседали бы Лев Толстой, Короленко и т.п.»

В 1906 г. он возлагал большие надежды на кадетов, доказывая, что именно их партия принесет России спасение, а через год сделался ее ярким противником. Он выказывал столь левые идеи, что ему пришлось даже выйти из состава «Русского собрания». Он сочувственно отнесся к I Думе, но, по мере успокоения обстановки в стране стал ее критиковать.

В созванной после изменения избирательного закона III Думе, сумевшей наладить нормальную парламентскую деятельность, была образована отделившаяся от крайне правых русская национальная фракция. Это послужило началом для формирования новой партии, которая и была учреждена в 1908 г. Меньшиков стал ее главным идейным вдохновителем. Он дал ей название – Всероссийский национальный союз – и являлся основным разработчиком ее программы и устава. Новая партия поспешила провести четкую грань между собой и черносотенными организациями, которые Меньшиков рассматривал как «грубый черновик» нового движения. Он отмечал, что черносотенцы, афишируя преданность отжившему строю, были «больше

католиками, чем сам папа». Он призывал их признать, что «старый строй, приведший страну к краху, перестал быть национальным», что «Дума гораздо более национальна, чем приказной строй с безответственностью бюрократии».

Лозунг ВНС – «Россия для русских» – сам по себе вполне соответствовал представлениям черносотенцев, но его понимание заметно отличалось: «Россия для русских и для всех народностей русского государства, которые органически сошлись с русским народом и считают Россию своим отечеством».

Первый параграф Устава ВНС, который был принят целиком в редакции Меншикова призывал содействовать:

- а) господству русской народности в пределах Российской империи;
- б) укреплению сознания русского народного единства;
- в) устройству русской бытовой самопомощи и развитию русской культуры;
- г) упрочению русской государственности в началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством.

Еще до учредительного собрания Меншиков на страницах «Нового времени» раскрывал смысл каждого из пунктов. Рассуждая о господстве русской народности, он подверг критике «кастрированных в национальном чувстве» кадетов и «множество так называемых либеральных людей», считающих разумным и справедливым равенство всех народов России. В этой связи перед национальным союзом вставала задача борьбы с этой «глупой и несправедливой» мыслью. «Сама история, – утверждал он, – доказала неравенство маленьких племен с нами», и мы не можем признать право на национальное самоопределение «каждой, хотя бы и засохшей ветки какой-нибудь расы». Еще одним аргументом в подтверждение своих положений Меншиков выдвигал разрушительное влияние, оказываемое сепаратистскими национальными стремлениями инородцев. «Справедливо ли, – риторически вопрошает он, – давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его». Поэтому инородцы должны были получать равноправие лишь «по мере слияния с русским племенем», то есть по мере отказа от идеи самоопределения. Само же преобладание русского народа Меншиковым понималось как его моральная, политическая и экономическая власть по всей территории России. При этом проводилась параллель: «Господство есть

государство и наоборот. Отрицая господство русского племени в черте России, мы тем самым отрицаем государство русское».³⁶⁰ Эта идея и в дальнейшем активно использовалась националистами, всячески подчеркивавшими, что их борьба за интересы русского населения есть в первую очередь борьба за интересы государственные.

Устройство русской бытовой самопомощи должно было, по мнению националистов, помочь защищать экономические интересы русского населения перед инородцами. «Если националисты в России берут своей сплоченностью, – писал Меньшиков, – то и русским следует устраивать взаимную оборону...».³⁶¹ При этом допустимыми средствами признавались бойкот и обструкция, которые, хотя и невыгодны для обеих сторон, но являются вынужденной ответной мерой на объявленный всему русскому бойкот со стороны евреев, поляков и др. инородцев.

Насущной задачей в этой связи становилось развитие русской культуры. Националисты подчеркивали, что национальные окраины, в силу более развитого культурного уровня, могут представлять угрозу единству Российской империи (Финляндия, Прибалтика, Польша): «При слабости центра, при недостаточной культурности русского народа автономия ее культурных окраин ... грозит России неисчислимыми осложнениями...».³⁶²

Последний пункт первого параграфа Устава, по мысли Меньшикова, являлся признанием «установленного Основными законами титула Верховной власти и ее отношения к народному представительству», что должно было отмежевать ВНС как от реакционных, так и от революционных партий. Отличие от тех и других Меньшиков видел в том, что они «отвергают существующий порядок вещей», а националисты его признавали «базой для дальнейшего развития в ту сторону, куда укажет общечеловеческий, общерусский опыт».³⁶³ Самодержавная власть царя, в представлениях националистов, была гарантом осуществления национальных идей. Однако, в отличие от крайне правых, они выступали за сохранение самодержавия при существовании законодательной Думы. Самодержавная власть царя выглядела в представлениях националистов стороной, контролирующей деятельность Думы, к которой они не питали полного доверия. На-

³⁶⁰ Новое время. 1909. 5 июня.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Московский отдел ВНС. Очерки программы. М., без даты издания. С.13.

³⁶³ Новое время. 1909. 5 июня.

ционалистов устраивала система, при которой император мог воспользоваться правом чрезвычайного положения и временного роспуска Думы для проведения закона, не прошедшего через парламент, путем издания указа, полагая, что это вполне отвечает национальным интересам России.

Однако Меньшиков не ограничился участием в создании партии русских националистов. Едва ли не одним из первых в русской истории он заговорил о необходимости изучать «национализм» как понятие и как явление на научном уровне. Размышляя над тем, что такое нация, он исходил из убеждения, что ни религия, ни политическое устройство, ни язык не являются в данном вопросе определяющими. В своем определении нации Меньшиков пошел по пути избранным затем Л. Н. Гумилевым для определения этноса – исходить не из внешних описательных факторов, а из самоощущения людей: «Нация – это когда люди чувствуют себя обладателями страны, ее хозяевами... Какая бы группа ни соединилась для защиты и бережения основных прав человека, – утверждал он, – она становится нацией».³⁶⁴ Национализм же с точки зрения Меньшикова являлся естественным проявлением инстинкта самосохранения нации.

Разумеется Меньшиков имел и собственные четкие представления о том каким должен быть «Русский национализм»: Во-первых, с точки зрения Меньшикова, это национализм принципиально не агрессивный: «Наш, русский национализм, как я понимаю его, вовсе не *воинствующий*, а только *оборонительный*, и путать это никак не следует».³⁶⁵ Во-вторых, им предполагалась возможность органичных и неорганичных решений национального вопроса для тех или иных многонациональных, взаимодействующих сред: «Мне лично всегда было противным угнетение инородцев, насильственная их русификация, подавление их национальности... Я уже много раз писал, что считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ... имел на своих исторических территориях все права, какие сам пожелает, вплоть хотя бы до полного отделения». Но совсем другое дело – полагал Меньшиков – когда тот или иной «малый народ» захватывает «хозяйские права на нашей исторической территории»: «Мы вовсе не хотим быть подстилкой для целого ряда маленьких национальностей, желающих на нашем теле располагаться и захватывать над нами власть. Мы не хотим чужого, но наша – Русская Земля

³⁶⁴ Меньшиков М. О. Вторая душа. // Письма к ближним. СПб., 1904. С.634.

³⁶⁵ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 174.

– должна быть нашей».³⁶⁶ В-третьих Меньшиков был твердо убежден и не уставал повторять, что главное для жизни и самосознания народа – не политический национализм (платформы и программы партий), а культурный — возрождение народного творчества в жизнеспособных традиционных формах.

Изучение «Писем к ближним» обнаруживает, что национализм Меньшикова прекрасно уживается с восхищением (иногда даже преувеличенным) чужой культурой и весьма критическим (порой чрезмерно критическим) отношением к своей. Кому-то показалось бы, пожалуй, что это вовсе не патриот, а русофоб написал в одном из номеров «Нового Времени»: «Мы, русские, живем в захолустье мира, в стороне от большого света, и до нас доносится лишь смутный гул далекой одушевленной жизни. Такие территории, как Англия, Франция, Германия, Италия, Америка, представляют великолепные скопления культурных рас...». Отмечая бурное развитие Европы не только в культурном, но в техническом и политическом плане, Меньшиков предостерегал: «Надо спешить занять достойное место на свете, не в хвосте народов, а во главе их».³⁶⁷

В 1916 году в статье «Что такое национализм?» Меньшиков сделал попытку подвести итог своим размышлениям в области национальной философии: «Так как в последние десятилетия мне приходилось более других публицистов писать о национализме и так как мое имя связано с учреждением так называемой Национальной партии в России, то я нахожу вынужденным, – заявляет Меньшиков, – отгородиться от крайности национализма, доводимого некоторыми русскими людьми до абсурда... Я настаиваю на том, что и отдельный человек, и вся народность своею гордостью должны считать не сохранение статус-кво, а непрерывный в пределах своей природы прогресс».³⁶⁸

В дневниках 1918 года, в последние месяцы перед арестом и гибелью, Меньшиков записал: «Мы еще во власти невежественных суеверий, и все еще немец кичится тем, что он немец, а индусу хочется быть индусом. Но это быстро проходит. Суеверие национальности пройдет, когда все узнают, что они – смесь, амальгама разных пород,

³⁶⁶ Меньшиков М. О. Из писем к ближним. С. 180.

³⁶⁷ Меньшиков М. О. Завоевание России. // Письма к ближним. СПб., 1903. С. 281.

³⁶⁸ Цит. по: Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н. Естественный стиль... // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С.426.

и когда убедятся, что национализм – переходная ступень для мирового человеческого типа – культурного. Все цветы – цветы, но высшей гордостью и высшей прелестью является то, чтобы василек не притяжал быть розой, а достигал бы своей законченности. Цветы не дерутся между собою, а мирно дополняют друг друга, служа гармонии форм и красок». ³⁶⁹ Вот таким было завершение многолетней эволюции взглядов мыслителя и публициста по этому непростому вопросу.

Однако проблемы национализма не были единственным вопросом, волновавшим Меньшикова. В отличие от многих других философов, он не имел четко очерченного круга интересов. Можно сказать, что основная тема творчества Меньшикова – это поиск темы. Острых проблем в России в начале века было великое множество, и они нарастали, как снежный ком. Меньшиков обращался к широкому кругу духовно-нравственных, культурных, социальных, политических, экономических, бытовых и других вопросов.

Анализируя методологию Меньшикова, невольно вспоминаешь его первую профессию. Его взгляд на рассматриваемые вопросы – это взгляд морского офицера из порта на новую страну. Он входит в тему не постепенно, а пытается охватить всю ее разом свежим взглядом. Недостатком подобного подхода может показаться его поверхностность, однако это позволяет философу выявлять неожиданные ракурсы в казалось бы привычном и изученном. В своем анализе любых явлений Меньшиков исходит из традиционного нравственного минимума – это его корабль. К любой теме он подходит с его платформы. Априори он относится к любому явлению как к ценности. Подобно тому, как моряк сходит с корабля в новом порту в предвкушении получить новые, неизведанные доселе впечатления, Меньшиков преступает к новой теме с жадной обогаченности новыми знаниями.

Многие русские философы начала XX века выступали в периодической печати, однако именно Меньшиков сумел довести этот метод философского общения с широким кругом читателей до совершенства (в этом он сродни английскому мыслителю Г. К. Честертону). Для Меньшикова газета являлась тем, чем была Агора для древнегреческого философа, на которую он мог приходить каждый день, но от того, как и что он скажет сегодня, зависело придет ли кто-нибудь его слушать завтра. В газете, в отличие от книги, Меньшиков имел возможность выдавать «дозированную» информацию. Предла-

³⁶⁹ Поспелов М. Б., Лисовой Н. Н. Естественный стиль... // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. С. 427.

гаемый на сегодня опус мог быть спокойно и не спеша осмыслен как читателем, так и автором, и в результате получить развитие в дальнейшем. Продолжение при этом могло уже отличаться от того, что задумывалось изначально. То есть мысль выдавалась читателю не после того, как она приобретала заостренную форму в сознании автора, а жила и развивалась у него на глазах. Причем философ, задавая лишь направление этому развитию, заранее не определял конечный пункт. Напомним, что Меньшиков получал огромную корреспонденцию с мест, таким образом имея возможность вести настоящий, а не предполагаемый диалог с читателем.

Возможно именно благодаря работе в газете и переписке с читателями идеи Меньшикова были настолько злободневны, что невольно воспринимались как публицистика, но отнюдь ни как философия. Однако парадокс в том, что многое из сказанного им на рубеже XIX и XX веков столь актуально звучит в начале века XXI, что невольно начинаешь искать за этим дар пророчества. В одной из статей на вопрос, можно ли видеть будущее, публицист уверенно отвечал: «его должно видеть, и эта способность становится критерием существования. Предвидящие спасаются или одолевают...».³⁷⁰ Вот лишь несколько примеров того, что сам философ такой способностью обладал.

Меньшиков предвидел неоднозначность научно-технического прогресса и предупреждал о его опасных сторонах. «Человек вошел в родную природу, как палач, - с горечью замечал он, - и гневная, умирая, она дохнула на него смертью. Деятнадцатый век создал множество искусственных, чаще всего излишних средств жизни, но загубил целый ряд естественных и необходимых».³⁷¹ Основную проблему развития наук и производства Меньшиков видел в том, что «внимание человеческое» напряженно обращается «на тысячи вещей вне человека и слишком мало внутрь его».³⁷² В самом начале XX века Меньшиков констатировал уже как факт, что «Сжав себя в гибельных для тела и духа условиях искусственной культуры, человек обрек самый дорогой предмет в природе – самого себя – на искажение, на регресс».³⁷³

³⁷⁰ Меньшиков М. О. Можно ли видеть будущее // Письма к ближним. 1913. С. 10

³⁷¹ Кончина века. Меньшиков М. О. Критические очерки. Т. 2. – СПб, 1902. С.386.

³⁷² Там же. С. 389.

³⁷³ Там же. С. 390.

Удивительная прозорливость Меншикова просматривается и за критикой социализма. Он бесспорно признавал, что социалистические идеалы «высоки и святы, но лишь пока достигаются *добровольно*», а если к святости станут принуждать насильно, «это будет худшим из рабств».³⁷⁴ «Успехи социализма» Меншиков объяснял «упадком личности». «Для обессиленных, обесцвеченных, измятых душ из всех состояний самое подходящее – рабство, и XX век, - как предполагал философ, - вероятно, для многих стран осуществит эту надежду».³⁷⁵ Прекрасно описан Меншиковым и механизм превращения человека в «винтик» тоталитарного общества: «Когда от человека отойдет забота о самом себе, когда установится земное провидение в виде выборного или иного Олимпа земных богов, тогда человек окончательно превратится в машину. За определенное количество работы эту машину будут чистить, смазывать, давать топлива и т.п. Но малейшее отклонение машины от указанной ей роли встретит неодолимые преграды. Меня лично, – заключал философ, - эта утопия не прельщает».³⁷⁶ Однако в данном вопросе взгляды Меншикова с течением времени претерпевали изменение, о чем мы скажем в дальнейшем.

Меншиков не был пророком, он был аналитиком. Не давая никаких оценок изначально, априори исходя из положительности любого явления, он предлагал читателю произвести его анализ совместно, чтобы прийти к веско обоснованным оценкам. Меншиков исходил из того, что многие вещи человек не осмысливает, не потому что не в состоянии этого сделать, а потому, что боится о них думать, подсознательно боится тех выводов к которым он может придти. Меншиков бережно помогал читателю перейти от знания к осознанию. Сегодня, когда мы не имеем недостатка в информации (налицо скорее ее избыток), но основная сложность заключается в умении в ней ориентироваться и главное делать выбор, методология Меншикова, предлагающая оценивать явление со стороны, не вдаваясь скрупулезно в детали, но с собственной жесткой платформы нравственных ориентиров, особенно актуальна.

Все новое Меншиков умел понять, оценить, но не всегда принять, если это не соответствовало его нравственным установкам, которые по всей видимости были сформированы еще в раннем детстве его матерью во время домашнего обучения и остались почти неиз-

³⁷⁴ Кончина века. Меншиков М. О. Критические очерки. Т. 2. С. 398.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же. С. 399.

менными до конца его жизни. Неслучайно много внимания Меньшиков уделял вопросам воспитания и культуры, которые для него находились в неразрывной связи. В это понимание красота «это лицо Божие, насколько оно доступно смертным». Готовность и способность к ее восприятию, считал он, закладывается с детства. Для этого выработана национальными традициями целая градация воспитательных институтов. Воспитывает детей прежде всего семья, но сама семья, считал Меньшиков, в свою очередь, «воспитывается государством», и пока государство не возьмется серьезно за воспитание семьи, воспитание детей будет нести на себе все язвы этого «первородного греха». Его рассуждения о семье и государстве порой удивительно созвучны конфуцианским принципам «сыновьей почтительности» и «исправления имен»: «Когда монарх считался как бы вассалом Господа, а отец — вассалом монарха, то и сыну приходилось быть в благоговейном подчинении и к монарху, и к отцу своему. Каждый новый человек в обществе являлся новой клеткой организма, знающей, что ей делать, и исчерпывающей полноту своих сил производительно».³⁷⁷ Похожие идеи видимо обуславливались схожими ситуациями в Китае времен Конфуция и в России 1913 г. — слабая и отчужденная от общества власть, несущая нестабильность, угрожающую жизнеспособности государства.

Отсюда вытекает взгляд Меньшикова на проблему соотношения власти и народа — проблему, актуальную и для сегодняшних политиков и аналитиков. «Идея борьбы чрезвычайно привлекательна в эпохи смут: сначала борется власть с народом, затем народ с властью, и в конце концов, — с грустью констатирует Меньшиков, — обе стороны лежат в развалинах».³⁷⁸ За четыре года до октябрьской революции Меньшиков предостерегал, что «и бессильное правительство, и бессильное общество со всем багажом речей, деклараций, программ, политических статей рискуют наконец быть смытыми поднимающеюся снизу грязной анархией. Если сейчас "нет власти", то необходимо сделать, чтобы она была... Если подвыпивший кучер, допустим, свалился с козел — смешно философствовать о предоставлении инициативы лошадям... Я думаю, власть по своей природе ничем незаменима. Как все необходимое, она непременно должна быть на своем месте, иначе пиши пропало!»³⁷⁹

³⁷⁷ Меньшиков М. О. Можно ли видеть будущее // Письма к ближним. 1913. С. 24.

³⁷⁸ Ценз помазания. // Письма к ближним. 1913. С. 125.

³⁷⁹ Меньшиков М. О. Выше свободы. С. 420.

Глава 1. Образ Меншикова-публициста в отечественной историографии.

Трагическая гибель известного в свое время публициста, расстрелянного большевиками в 1918 г. на глазах малолетних детей, и крайне негативные оценки его деятельности в отечественной историографии на протяжении всего советского периода вызвали попытку создать в 1990-е гг. сугубо положительный образ этого мыслителя. Между тем изучение дореволюционных оценок деятельности Меншикова показывает, что поводов для его критики было достаточно и вне рамок советской идеологии. Сама личность публициста и трансформация его общественно-политических взглядов не позволяют представить его в однозначном положительном или отрицательном свете. В то же время, противоречивость выдвигавшихся Меншиковым положений дает дополнительный инструмент для понимания противоречивости эпохи, к которой он принадлежал, а своеобразный идеологический тупик, к которому он пришел в конце жизни, наглядно отражает суть общегосударственного кризиса, в результате которого и стала возможной смена власти в стране.

Дореволюционные статьи о Меншикове, принадлежащие перу его современников, носят публицистический характер и содержат сиюминутные оценки, которые, тем не менее, достаточно важны для того, чтобы уяснить специфику взглядов рассматриваемой нами персоналии. Показательно, что, в отличие от Суворина и Каткова, положительные характеристики Меншикова как личности отсутствуют. Все позитивное, что написано о нем при его жизни, относится исключительно к его публицистическому таланту. Эту ситуацию нельзя объяснить лишь сотрудничеством Меншикова в одиозной газете, так как о редакторе этой же газеты сохранились теплые воспоминания, в которых наряду с недостатками отмечалось и много положительного, о чем говорилось в предыдущей главе.

Многие дореволюционные авторы, и не только либерально ориентированные, отказывались признавать за Меншиковым и талант мыслителя. Примечательно, что к нему часто применялся эпитет «философ» именно в кавычках. Отмечалась его недостаточная образованность, которая проявлялась в отсутствии необходимой степени осведомленности в рассматриваемых вопросах. Наиболее основательно эту мысль выразил в своих мемуарах лично знавший его литератор, публицист и критик П. П. Перцов: «Он был очень умен, а главное, обладал редким в литературной среде качеством – сильной волей, которая и

проложила ему дорогу. В то же время он был малокультурен и у него не было особого влечения к культуре. Искусство, например, он понимал очень плохо и в этом отношении был, в сущности, на уровне обывателя. Философия была ему известна тоже больше понаслышке. Но ум и бойкое перо помогали ему завуалировать все эти минусы – тем более, что он никогда не писал для настоящих умственных «верхов» общества. Читатель Меньшикова был сперва простодушный провинциал «Недели», а потом лишь внешне окультуренный (и то не всегда) читатель-обыватель «Нового времени» (хотя этот последний и заседал иногда в Государственном совете)³⁸⁰. Столь критическая оценка вполне объяснима собственным высоким культурным уровнем и прекрасным художественным вкусом мемуариста. Критика Меньшикова в данном случае несколько не связана с политической составляющей его творчества, так как Перцов являлся близким другом В. В. Розанова, так же публиковавшего в «Новом времени» весьма неоднозначные статьи. Заметим, что для воспоминаний Перцова, являвшегося редактором религиозно-философского журнала «Новый путь» и находившегося в самой гуще деятелей искусства «Серебряного века», характерны тонкие наблюдения, подмечавшие в известных современниках незначительные, на первый взгляд, детали, которые впоследствии получали развитие и оказывались важными свойствами натур описываемых личностей. Недостаточная образованность, отмеченная Перцовым еще на ранних этапах публицистической карьеры Меньшикова, в конце жизни публициста будет с горечью признана им самим как одна из основных причин, не позволивших ему в полной мере реализовать свой потенциал.

Рефреном через ряд работ проходят положения о внутренней противоречивости статей Меньшикова и об отсутствии в них ясных и четко сформулированных мыслей. На противоречия в рассуждениях Меньшикова обращается внимание в серии ярких критических статей М. А. Протопопова, опубликованных в «Русской мысли». Он отметил, что при логическом сопоставлении положений Меньшикова «они взаимно уничтожили бы друг друга»³⁸¹. Однако при этом критик не сомневается в искренности выступлений Меньшикова: «против логики он, действительно, часто погрешает, но против совести – никогда». Протопопов сравнивает подобную противоречивость Меньшикова со стилем мышления Платона Каратаева из романа Л. Н. Тол-

³⁸⁰ Перцов П.П. Указ. соч. С. 86.

³⁸¹ Протопопов М. Критика критиков. С. 214.

стого «Война и мир»³⁸². И тот и другой, по мнению автора, не замечали своих противоречий благодаря афористичной манере выражаться. У Каратаева на всякий случай была готова поговорка, а Меньшиков писал сентенциями и афоризмами, поэтому оба «неуязвимы». Отмечаемая Протопоповым особенность публицистики Меньшикова проливает свет и на феномен ее востребованности в постперестроечный период. Творчество Меньшикова всегда будет иметь поклонников, которые будут находить в нем ответы на современные вопросы и удивляться актуальности его идей, объясняя ее чуть ли не даром провидения именно в силу очень точно отмеченной Протопоповым манеры писать сентенциями и афоризмами, которые представляют собой «некоторое общее суждение, непременно заключающее в себе свою долю истины, которую надо только пристроить к надлежащему месту»³⁸³. И в общих фразах меньшевиковских статей каждый читатель может найти то, что ему окажется близким по духу. Эмоциональность, с которой вновь открывающие для себя Меньшикова читатели восторгаются его творчеством, объясняется еще одной особенностью, также отмеченной Протопоповым, указывавшим, что статьи Меньшикова «имеют значение не по своему *построению*, а по своему *настроению*, не по своей *убедительности*, а по своей *заразительности*»³⁸⁴. Талант Меньшикова как литератора, на наш взгляд, по большей части состоял именно в «заразительности». А заразительность эта, в свою очередь, основывается на отмечавшейся выше искренности. И Протопопов при всей критичности своих статей о Меньшикове признает, что считает его «замечательным литературным явлением» за «постоянно высокий строй» его мысли, отмечая, какое значение при оценке образа публициста имели «его тихое, но никогда не ослабевающее воодушевление, его глубокая вера в призвание и достоинство человека, его религиозность в самом широком и лучшем значении этого слова»³⁸⁵.

В письмах к Меньшикову А. П. Чехова при общей положительной оценке статей публициста также встречаются указания на нелогичные или двусмысленные фрагменты, что было показано совре-

³⁸² Протопопов М. Публицист-идиллик // Русская мысль. 1889. № 11. С. 148 – 149.

³⁸³ Там же. С. 148.

³⁸⁴ Там же. С. 151.

³⁸⁵ Там же. С. 151 - 152.

менным исследователем Е. С. Бычковой³⁸⁶. Автор приводит важный фрагмент письма Чехова Меньшикову, проливающий дополнительный свет на причины популярности публициста, несмотря на вышеуказанные особенности его творчества: «Вы интересный человек, и статьи Ваши наводят на тысячу мыслей...»³⁸⁷. Меньшиков, действительно, в своих работах чаще всего не дает законченных формул, а как бы приглашает читателя развить самому предложенную автором тему. В то же время и спорные утверждения, высказываемые Меньшиковым, невольно будили мысль читателя в желании найти аргументы, опровергающие прочитанное. Газетная форма обязывала Меньшикова выдавать «дозированную» информацию. Предлагаемый на сегодня опус мог быть осмыслен как читателем, так и автором, и в результате получить развитие в дальнейшем. Продолжение при этом могло уже отличаться от того, что задумывалось изначально. То есть мысль выдавалась читателю не после того, как она приобретала законченность в сознании автора, а жила и развивалась у него на глазах. Причем Меньшиков, задавая лишь направление этому развитию, заранее не определял конечный пункт.

В то же время среди отзывов современников встречаются и явно негативные характеристики творческой манеры Меньшикова. В первую очередь это относилось к его непоследовательности в своих высказываниях. Так сотрудник «Биржевых ведомостей» А. Бессонов отмечал: «Этот умный публицист – настоящий хамелеон; он способен писать все и обо всем, в каком потребно в каждую минуту духе»³⁸⁸. В подобном ключе Меньшикова характеризовали как консервативные, так и либеральные деятели³⁸⁹, в признании его непостоянства сходились такие политически непримиримые противники как С. Ю. Витте и Б. Юзефович³⁹⁰.

³⁸⁶ Бычкова Е. С. «Вы интересный человек» // Мелихово. Альманах. Чехов: Мелихово, 2003. С. 93 – 94.

³⁸⁷ Там же. С. 96.

³⁸⁸ Бессонов А. Рецензия на статью М.О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. 1915. 24 июля. № 14983.

³⁸⁹ Новицкий Л. Рецензия к статье Меньшикова М. О. «К вопросу о расстройстве армии». М., 1906. 12 с.; Светский Л. Отзыв на статью М.О. Меньшикова «Мир или борьба». Житомир, 1908; Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в России // Русская мысль. 1908. № 5. С. 122 – 138.

³⁹⁰ Юзефович Б. Меньшиков о гр. Витте. Киев, б. г.; С. 2 – 3; Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 188, 206.

Критиковали Меньшикова не только за содержание, но и за форму его статей. Легальный марксист П. М. Миклашевский, выступавший под псевдонимом М. Неведомский, характеризовал стиль его статей как «необычайно пространный, хотя и с напряженно-короткими фразами, деланно-простой, с массой курсивных словечек, которые г. Меньшиков как бы выдавливают из себя, мучительно тужась, а выдавивши – с видимым огромным наслаждением подчеркивает и повторяет неисчислимое количество раз»³⁹¹. Разбирая статьи Меньшикова периода сотрудничества в «Неделе», будущий его товарищ по редакции «Нового времени» В. В. Розанов указывал: «Это писатель-мелодист; небогата и проста его мелодия: "Чижик, чижик, где ты был?" Но она льется, не утомляя и убаюкивая слух читателя, из страницы в страницу, из книжки в книжку журнала, переливается из одной темы на другую и, кажется, сгинь все сотрудники "Книжек Недели", г. Меньшиков без всякого напряжения ума и утомления слова мог бы заменить их всех»³⁹². Эту цитату приводит в своем критическом очерке виднейший публицист народнического направления Н. К. Михайловский, полностью солидаризируясь в данном случае со своими идеологическими противниками³⁹³. Вторит вышеуказанным авторам и профессор богословия Е. П. Аквилонов: «Какие звонкие, но зато и бессодержательные фразы!»³⁹⁴.

Характеризуя период сотрудничества Меньшикова в «Неделе», писатель, критик и публицист Н. Я. Абрамович, также невысоко оценивал его публицистические способности (впрочем, как и сам журнал): «В журнале, прославившемся проповедью «малых дел», тепленьким практическим резонерством, так у места был этот популяризатор чужих мыслей, излагатель чужих идей. Из книжки в книжку лился ровный поток литературной воды, слегка окрашенной моралью, эстетикой, немного гражданственностью». И лишь А. С. Суворин, по мнению автора, «хорошего читателя» Меньшикова «сделал писателем», найдя для него «новый "меньшиковский" стиль»³⁹⁵.

³⁹¹ Неведомский М. (По поводу «Писем к ближнему» и других писаний г. Меньшикова) // Мир божий. 1903. № 12. Отдел 2. С. 103.

³⁹² Цит. по: Михайловский Н. К. О г. Меньшикове. – О Накрохине и о том, кто виноват в его несчастной судьбе // Последние сочинения. Т. II, СПб, 1905 С. 447.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Аквилонов Е. П. Так ли мы виноваты? (По поводу одного фельетона г. М. О. Меньшикова). СПб., 1905. С. 6.

³⁹⁵ Абрамович Н. Я. М. О. Меньшиков // Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. Пг., 1916. С. 30.

Впрочем, для Абрамовича в целом были характерны резкие отзывы о собратях по перу, которые не всегда были объективны. Но в данном случае его характеристика находит подтверждение в отзывах других современников. Так, коллега Меньшикова по «Неделе», перешедший затем на социал-демократические позиции, В. А. Поссе, вспоминая о времени их совместного сотрудничества, тоже ассоциировал статьи публициста с водой: «Этот тщедушный человечек, – писал Поссе, – изливал из себя бесконечные потоки статей на всевозможные темы. Стиль у него был ровный, гладкий, закругленный, но чрезвычайно водянистый»³⁹⁶. При этом автор признавал, что статьи Меньшикова «были написаны хорошим русским языком и местами не лишены красочности» и нравились читателям.

Причину успеха статей Меньшикова один из первых его биографов Н. И. Афанасьев (явный почитатель таланта и идей публициста) усматривал как раз в том, что отказывались признать вышеуказанные авторы. Он считал Меньшикова «замечательным аналитиком», с выводами которого «можно не соглашаться, но невозможно не считаться с его доводами, всегда достаточно обоснованными». Стилль статей Меньшикова Афанасьев характеризовал как «сжатый, красивый и сильный»³⁹⁷.

Сотрудничавший и в «Неделе» и в «Новом времени» Н. А. Энгельгардт, ставший одним из учредителей «Русского собрания», делаясь своими личными наблюдениями, давал иной рецепт успеха статей Меньшикова. Сравнивая «кухню» меньшиковской публицистики с ресторанной кухней, он писал: «В больших ресторанах есть котел, постоянно полный кипящей ключом воды. В этот котел бросают все, что остается на тарелках: недоеденное мясо и кости. Наваривается крепчайший бульон, который и подают аматерам ресторанной кухни. У Меньшикова с давних лет было заведено подобие такого котла для объедков. Просматривая столичные и провинциальные газеты, он вырезывал все талантливое. Яркие, остроумные заметки, статьи и фельетоны, и эти вырезки располагал в алфавитном порядке тематических слов. Так накопилась своеобразная картотека газетных объедков... по каждому вопросу собран был разнообразнейший материал. Надо писать фельетон, Меньшиков соображает, какая тема сейчас возбуждает толки, и берет из картотеки пачку материалов. Читает, соображает и

³⁹⁶ Поссе В. А. Мой жизненный путь. Без г. и м. С. 112.

³⁹⁷ Афанасьев Н. И. Меньшиков Михаил Осипович // Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. Б. м., 1909. Т. 1. С. 174.

излагает своим прекрасным стилем. Получается пикантный газетный фельетонный бульон... разобрать там, что принадлежит автору, что его сотрудникам и корреспондентам, что было почерпнуто из «котла фельетонных объедков», было невозможно. Все было подано горячо, пикантно и солоно. И публика захлебывалась этим бульоном»³⁹⁸.

Сопоставляя и корректируя взгляды современников и их оценки публицистической составляющей творчества Меньшикова, мы можем сегодня сказать нижеследующее. Явно противоречивый характер отзывов о публицистике Меньшикова нельзя объяснить только различием общественно-политических позиций авторов. Достаточно перечитать в хронологической последовательности, не выборочно, а подряд даже небольшое количество статей Меньшикова, чтобы увидеть основания и для одной и для другой точки зрения. Объясняется это тем, что Меньшиков и в плане тематики и в плане изложения был автор весьма не ровный и очень увлекающийся. Протопопов очень верно, на наш взгляд определил, что Меньшиков не столько публицист, сколько поэт, причем такой, «который не управляет своими образами, а бессознательно увлекается ими»³⁹⁹. Он находился в вечном поиске темы, брался за различные философские, исторические, политические и экономические вопросы, но, не имея систематической гуманитарной базы, подходил к ним с позиций дилетанта. В данной ситуации союзниками Меньшикова были его природный ум и аналитика, а его противником – недостаток времени, чтобы как следует вникнуть в излагаемый вопрос. Этот недостаток времени объяснялся как спецификой работы в еженедельной газете, особенно в условиях стремительных политических изменений начала XX в., так и особенностью характера и мышления самого Меньшикова, которые четко просматриваются при чтении его дневников. Особенность эта состояла в том, что он не мог долго сосредотачивать внимание на одном предмете (возможно именно это наряду с недостаточной изначальной подготовкой не позволило ему пройти полный университетский курс, хотя бы и вольнослушателем). Анализируя методологию Меньшикова, невольно вспоминаешь его первую профессию. Его взгляд на рассматриваемые вопросы – это взгляд морского офицера из порта на новую страну. Он входит в тему не постепенно, а пытается охватить всю ее разом свежим взглядом. Недостатком подобного подхода является его поверхностность, достоинством – выявление неожиданных ра-

³⁹⁸ Цит. По: Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 4.

³⁹⁹ Протопопов М. А. Публицист-идиллик. С. 159.

курсов в казалось бы привычном и изученном. Подобно тому, как моряк сходит с корабля в новом порту в предвкушении получить новые, неизведанные доселе впечатления, Меньшиков приступал к новой теме с жадной жаждой обогащения новыми знаниями и это импонировало средне-образованному читателю.

Мы не случайно так подробно остановились на характеристике Меньшикова-публициста, потому что она, как будет показано в дальнейшем, проливает свет на специфику его политических и мировоззренческих установок.

В отечественной историографии советского периода личность Меньшикова практически не изучается. Ему вновь повезло меньше, чем Каткову и Суворину, чей масштаб фигур и роль в общественно-политической жизни невольно заставляли исследователей, занимавшихся историей России второй половины XIX – начала XX вв., обращаться к ним.

В большей степени Меньшиков удостоился внимания в работах А. Я. Авреха, В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева⁴⁰⁰, что было обусловлено их тематической направленностью, но и в них Меньшиков, как правило, только цитировался в качестве выразителя мнения правительственных или правых кругов, реже как выразитель собственной позиции, которая наиболее наглядно иллюстрировала выдвигаемые исследователями положения относительно конкретных событий или ситуаций (однако некоторые ключевые моменты взглядов Меньшикова нашли свое отражение уже в этот период, что мы покажем в дальнейшем). В результате идейная эволюция Меньшикова осталась практически вне поля зрения исследователей этого периода.

Не последнюю роль в данном положении сыграло и то обстоятельство, что В. И. Ленин не вписал Меньшикова в свою знаменитую «цепочку»: «Катков – Суворин – "веховцы"», демонстрировавшую, по его мнению «исторические этапы поворота русской либеральной

⁴⁰⁰ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; Он же. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Он же. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Он же. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. М., 1981; Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908 – 1909) // Исторические записки. Т. 53. М., 1955. С. 50 – 109; Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. Л., 1988; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 – 1911 гг. Л., 1978; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. Л., 1990.

буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму»⁴⁰¹, а охарактеризовал его неизменным «певцом черной сотни». Не делая в сущности никакой разницы между Всероссийским национальным союзом, одним из идеологов которого являлся Меньшиков, и черносотенными организациями, Ленин писал: «В сущности это не две, а одна партия... Одни поглубже, другие потоньше делают одно и то же... Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может».⁴⁰² Крайне негативное отношение к черносотенному движению, таким образом, было перенесено и на Меньшикова. Показательна в этом плане статья Д. И. Заславского 1927 г., в которой Меньшиков и Розанов характеризовались как «наиболее отъявленные негодяи» из числа «погромщиков из суворинского гнезда»⁴⁰³.

В 1985 г. появилась первая публикация, связанная непосредственно с личностью М. О. Меньшикова, проливавшая дополнительный свет на историю составления манифеста 17 октября 1905 г. Это предисловие к публикации черновика письма Меньшикова к С. Ю. Витте, в котором первый по просьбе последнего излагал свой вариант проекта конституции. Однако никаких оценок Меньшикову как личности и политическому публицисту авторами не давалось⁴⁰⁴.

Первые статьи, посвященные взглядам Меньшикова, стали появляться в постперестроечный период (с начала 90-х) параллельно с началом переиздания его трудов. (За исключением одной работы, вышедшей немного раньше⁴⁰⁵). Большая часть этих работ носила публицистический и панегирический характер, что было обусловлено, во-первых, трагической гибелью Меньшикова; во-вторых, крайне негативными оценками его деятельности в отечественной историографии на протяжении всего советского периода. Желание преодолеть беспечелляющую критику приводило к столь же беспечелляционной похвале, и реабилитация стала переходить в канонизацию. Стремясь избежать дискредитации своего персонажа, авторы, как правило, заменяли термин «национализм», воспринимавшийся в 90-е

⁴⁰¹ Ленин В. И. Карьера. С. 44.

⁴⁰² Ленин В.И. ПСС. Издание 5-е. Т. 21. М., 1980. С. 280.

⁴⁰³ Заславский Д. И. Печать в февральские дни // Журналист. 1927. № 2. С. 12 – 13.

⁴⁰⁴ Островский А. В., Сафронов М. М. К истории создания манифеста 17 октября // Советские архивы. 1985. № 5. С. 62-65;

⁴⁰⁵ Лазарев В. Я. Великий публицист. Миф и сущность // Литературная Россия. 1988. № 30. 27 июля. С. 12.

гг. большинством общественности негативно, на определение «патриот»⁴⁰⁶. Авторы данных работ стремились создать образ «журналиста-мыслителя»⁴⁰⁷, сумевшего не только выявить недуги современной ему России, но и пророчески указать на многие грядущие проблемы. Показательными в плане превознесения гения Меньшикова являются комментарии к публикации его статьи «Кончина века» в журнале «Наше наследие». Разнообразные социальные и историософские проблемы, поднимавшиеся публицистом в этой статье, дали основание философу и лингвисту В. Я. Лазареву проводить параллели между идеями Меньшикова и выводами, к которым в более позднее время пришли А. Лосев, О. Шпенглер, Н. Бердяев, заканчивая неожиданно свою статью сравнением Меньшикова с Сократом⁴⁰⁸.

Подобные характеристики, вышедшие из-под пера серьезного ученого, стали возможны в силу поверхностного знакомства с такой весьма непростой и противоречивой личностью. Несколько работ Меньшикова, вырванные и из исторического контекста и из канвы его собственной жизни, в зависимости от их подбора могут дать столь разнящиеся образы, что можно будет подумать, что речь идет о разных людях. С этой проблемой столкнулся и автор данной монографии, не избежав подобных ошибок в начале своего знакомства с личностью Меньшикова⁴⁰⁹.

Своеобразной реакцией на описанный выше процесс явились статьи известного литературного критика И. А. Дедкова и кандидата педагогических наук, социолога литературы А. И. Рейтבלата, ставшие двумя единственными за целое десятилетие попытками непредвзятого изображения публициста и его взглядов.

⁴⁰⁶ Горелов П. «Письма», которых ждут... // Кубань. 1989. № 9. С. 73 – 74; Гумеров А. А., Поспелов М. Б. Меньшиков // Образ. 1995. № 3. С. 139-148; Поспелов М. Б. Михаил Осипович Меньшиков // Вестник Архивиста. 1999. № 4 – 5. С. 273 – 276; Поспелов М. Б. От составителя // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 3 – 14; Поспелов М. Б., Лисовой Н. Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. М., 1998. С. 411 – 431.

⁴⁰⁷ Кожин В. Журналист-Мыслитель // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М., 2003. С. 173.

⁴⁰⁸ Лазарев В. Я. Слово М. О. Меньшикова в конце XX века // Наше наследие. 1997. № 42. С. 56 – 57.

⁴⁰⁹ Санькова С. М. Михаил Осипович Меньшиков – забытое имя в русской философии начала XX в. // Духовная культура России. Орел, 2003. С. 123 – 129.

В начале 1990-х гг. за два года до своей смерти известный литературный критик, обозреватель журнала «Коммунист» И. А. Дедков написал статью-отклик на первое переиздание работ Меньшикова. Являясь одним из немногих деятелей культуры, которые не впали в эйфорию «постперестроечного беспредела», он на собственном опыте осознал опасность радикального перекрашивания общественных представлений о прошедших эпохах. Критикуя «прокурорские приемы нынешней публицистики», он исходил из положения о негативном влиянии любых «ярлыков» как положительных, так и отрицательных, на процесс выявления сущности исторических явлений и личностей. В равной степени отмечая «и свет и затмение» в работах Меньшикова, и сильные и слабые его стороны, среди последних автор, вслед за Л. Н. Толстым, выделил в первую очередь умение публициста «не бояться неправды». (Именно это умение настораживало Дедкова и во многих его бывших друзьях и коллегах). Задаваясь вопросом, что двигало Меньшиковым в подобном лукавстве, Дедков приходит к выводу, что это были не столько «политические приобретения: рост влияния, благосклонность властвующим и восходящим к власти...», сколько в первую очередь вера в то, что если восторжествует «мощное русское национальное самодержавное государство», все «грехи будут отпущены»⁴¹⁰. Таким образом Меньшиков предстает сторонником знаменитой формулы «Цель оправдывает средства», хотя автор, подводя читателя к этой мысли, сам ее не озвучивает. Однако, исходя из такого понимания позиции Меньшикова, становится ясным и закономерным своеобразный «тупик», к которому, по мнению Дедкова, Меньшиков пришел в конце жизни, не сумев предложить для спасения и процветания отечества «ничего лучше, кроме кровавой выбраковки менее сильных, менее способных и с меньшим пламенем в душе»⁴¹¹. Дедков не случайно заканчивает свою статью о Меньшикове именно этими строками. Слишком очевидна была параллель между предложенным отчаявшимся публистом способом спасения России и «социальным каннибализмом»⁴¹² апологетов реформ 1990-х, видевших основное препятствие на пути демократизации и капитализации страны в старшем поколении. Таким образом, обращение к личности Меньшикова было для Дедкова поводом пре-

⁴¹⁰ Дедков И. А. И к дальним – тоже... Рец. на книгу Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991 // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 114.

⁴¹¹ Там же. С. 119.

⁴¹² Журавлева Л. К., Журавлев В. В. Указ. соч. С. 103.

достеречь от того, что «природа не боящихся неправды не перевелась» и «всегда найдутся высокие цели, чтобы в очередной раз освободить пишущих и произносящих речи от этого благословенного, спасительного страха»⁴¹³.

В конце 1990-х гг. заведующий сектором редких книг РГБ и постоянный сотрудник «Нового литературного обозрения» А. И. Рейтблат, обращаясь к наследию Меньшикова в контексте изучения русской литературы начала XX в., предпринял попытку развенчать складывающийся своеобразный «культ» нововременского публициста. Автор признавал ум и наблюдательность Меньшикова, особенно проявившиеся, по его мнению, «в описаниях состояния русского общества и его культуры в начале XX в.», однако отказывается признать в нем «оригинального социального мыслителя», отмечая слабость его концепции в научном плане⁴¹⁴. Обильно приводимые Рейтблатом цитаты из работ и дневников Меньшикова призваны дать «достаточно полное представление» о его взглядах и «причинах их притягательности для изголодавшихся современных идеологов». Эти причины автор усматривает в том, что творчество Меньшикова представляет собой «замечательный образчик социально-политического эклектизма и философского редукционизма, столь родного и близкого отечественным "мыслителям", прошедшим сквозь горнило советской идеологии и единственно верного учения».

К сожалению, автор полагал, что многие из приводимых им цитат столь красноречивы, что «комментарии здесь излишни». Однако любая цитата, вырванная из контекста статьи, тем более дневника, страницы которого заполнялись в последние месяцы жизни Меньшикова, когда происходил постоянный процесс переосмысления и российской истории, и ее настоящего и своих взглядов, как раз нуждается в комментариях. В противном случае полемика приобретает не научный характер, что и произошло со статьей А. Рейтבלата, который в противодействии хвалебной по отношению к Меньшикову публицистике сам перешел на публицистический пафос. С последним приве-

⁴¹³ Дедков И. А. Указ. соч. С. 114; См. также: Репников А.В. «Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие...» (русские консерваторы о социальных проблемах начала XX в.) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Международной научной конференции в 2 ч. Кострома: Изд-во КГУ, 2010. Ч. 1. С. 60 – 66.

⁴¹⁴ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 5.

денным нами выводом данного автора трудно согласиться, так как современные авторы, положительно отзывающиеся о работах Меньшикова, не относились в советский период к апологетам советского строя и коммунистической идеологии. Причины роста популярности творчества Меньшикова (заметим при этом – роста весьма скромного), на наш взгляд гораздо сложнее и лежат с одной стороны, в специфике его публицистики, о которой мы сказали выше, с другой – в изменении внутрисполитической ситуации, вызвавшей у части общества желание найти такую альтернативу социалистической общегосударственной идеологии, которая в то же время могла бы противопоставить себя либеральному космополитизму. Этой альтернативой стала национально-государственная самоидентификация и, как следствие – рост популярности идей русского государственного национализма.

Тенденция на односторонне положительное изображение Меньшикова продолжилась и в последнее десятилетие. Ярким примером подобных работ может служить глава из монографии 2000 г. сотрудника института мировой культуры, доктора филологических наук Ю. И. Сохрякова, посвященная национальному аспекту в публицистике М. О. Меньшикова⁴¹⁵. Основанная только на работах сборника статей публициста, изданного в 1991 г., и фрагментах дневников, изданных в 1993 г., данная работа представляет собой подборку цитат при почти полном отсутствии их анализа, что дает основание полагать, что автор целиком солидаризируется со своей персоналией. Такой поверхностный подход специалиста в области истории литературы можно объяснить лишь случайным, фрагментарным обращением к затрагиваемой им теме. Обращение это во многом было обусловлено активной популяризацией наследия нововременского публициста, в частности на ежегодных Всероссийских Меньшиковских чтениях, в первых из которых, состоявшихся в 1995 г., Сохряков принимал участие. О том, что взгляды Меньшикова не стали предметом длительного и глубокого изучения у данного исследователя, говорит тот факт, что через четыре года после вышеназванной работы им была опубликована монография, посвященная И. А. Ильину как мыслителю и литературному критику.

⁴¹⁵ Сохряков Ю. И. Работа совести. (Национальная идея в публицистике М. О. Меньшикова) // Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. – М., 2000. С. 170 – 178.

Из других работ панегирического характера можно отметить вышедшую в том же году статью другого доктора филологических наук, заслуженного работника высшей школы РФ, члена союза писателей России, депутата Законодательного Собрания Тверской области В. А. Юдина, состоявшую, как и работа предыдущего автора, по преимуществу из цитат «журналиста-патриота» и заканчивавшуюся фразой: «Читать, изучать, осмыслять, цитировать, проецировать на наше время труды М. О. Меньшикова, поверьте, хочется бесконечно. Комментарии тут, как говорится, излишни»⁴¹⁶. Однако это желание автора пришло в противоречие с высокой степенью его занятости, и в результате в 2003 г. в журнале «Имперский курьер» появляется его статья «Журналист-мыслитель-пророк», слово в слово копирующая предыдущую публикацию двухлетней давности⁴¹⁷. Подобное небрежное, популистское отношение к наследию столь неоднозначного мыслителя как Меньшиков со стороны ученого и политика в одном лице представляется нам особенно безответственным.

Между тем в это же время в журнале «Посев» была опубликована статья публициста, культуролога, востоковеда, постоянного автора «Нового мира» и «Посева» Ю. М. Каграманова, которая стала одной из первых попыток взвешенного анализа публицистики Меньшикова, о чем мы скажем в дальнейшем. Здесь же следует отметить, что автор приходит к выводам, прямо противоположным Сохрякову и Юдину, полагая, что статьи Меньшикова по национальной тематике представляют самую слабую сторону творчества «этого талантливого и в иных случаях замечательно умного писателя», и републикацией в первую очередь именно этих материалов оказывается медвежья услуга «и тени его, и, что еще важнее, делу русской нации»⁴¹⁸.

Как видим, два последние десятилетия полемика вокруг Меньшикова велась преимущественно не историками и в публицистическом формате. Одной из двух единственных до настоящего времени попыток научного исторического анализа наследия Меньшикова является серия статей сотрудника ИНИОН РАН П. И. Шлемина, увенчав-

⁴¹⁶ Юдин В. А. Личность мужественная и трагическая (М. О. Меньшиков) // Дон. 2001. № 9 – 12. С. 197.

⁴¹⁷ Юдин В. А. Журналист-мыслитель-пророк // Имперский курьер. 2003. № 3. /<http://www.rusimperia.com/main.html>

⁴¹⁸ Каграманов Ю. М. Меньшиков столетие спустя // Посев. 2000. № 12. С. 19.

шаяся двумя монографиями⁴¹⁹. Несмотря на некоторую противоречивость выводов, которые делает исследователь относительно взглядов Меньшикова, о чем мы скажем в дальнейшем, работы Шлемина вносят заметный вклад не только в изучение взглядов Меньшикова по национальному вопросу, но и в уяснение проблемы русского национализма в целом. Большое количество объемных цитат, присутствующих в статьях и монографиях Шлемина, вполне оправданы недоступностью работ публициста для широкого круга историков. Автор сформулировал для будущих исследователей наследия Меньшикова важный методологический принцип: «Читать его лучше всего целиком и подряд, в контексте газеты. Вычленение же тех или иных тем из непрерывного потока статей и обзоров публициста искажает представление о нем, его позиции и ходе событий. Живя в них и пытаясь получше разглядеть происходящее, нововременец постоянно менял точку зрения»⁴²⁰. Исследователь, вслед за дореволюционными авторами, отмечал в качестве слабой стороны публицистики Меньшикова «унаследованную от деда священника привычку к морализированию» и веру в то, что «достаточно издать соответствующий закон или приказать, и все станут нравственными и добродетельными». Положительно-значимой стороной творчества Меньшикова Шлемин называл постоянный поиск «действительных причин деградации общества» и способов его «оздоровления»⁴²¹. Справедливо отмечая позитивные моменты в публицистике Меньшикова, Шлемин в то же время признавал: «Наряду с достаточно здравыми суждениями в статьях Меньшикова, осо-

⁴¹⁹ Шлемин П. И. Права человека в современном мире. Национальные отношения и права человека в России (диалоги с М.О. Меньшиковым, 1906-1908); Он же. Авторитаризм и либерализм в России (русская идея М. О. Меньшикова) // Политическая наука в России: история, современность, модели будущего. М., 1994. С. 81 – 123; Он же. М. О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911 – 1912) // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). М., 1995. С. 113 – 156; Он же. Национальные отношения и права человека в России. (Диалоги с М.О. Меньшиковым, 1906-1908) // Россия и современный мир. 1995. № 1. С. 134 – 145; Он же. Между войной и революцией: Россия 1911 – 1912 гг. в публицистике М. О. Меньшикова // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). М., 1995. С. 157 – 207; Он же. М. О. Меньшиков: мысли о России; Он же. Меньшиков Михаил Осипович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 286 – 288.

⁴²⁰ Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. С. 45.

⁴²¹ Там же. С. 63.

бенно 1907-1908 гг., много напыщенного и неумного». Исследователь объяснял это обстоятельство «стремлением приноровиться к уровню объекта пропаганды, подверженному влиянию театра с присущими последнему пафосом и аффектацией»⁴²².

Вклад в изучение наследия М.О. Меньшикова внес А.В. Репников. В его статьях представлена краткая биография Михаила Осиповича и его социально-экономическая концепция⁴²³. Новаторской стала специальная статья Репникова, посвященная подробному анализу публикаций Меньшикова, появившихся в «Новом времени» в 1917 г.⁴²⁴ историк отмечает, что эти статьи «в свете дальнейших событий и трагической гибели их автора... приобретают характер своеобразного “послания”. К тому же нынешние публикаторы, переиздавая работы Меньшикова, обходят эти материалы своим вниманием»⁴²⁵.

В появившейся в 2009 г. первой диссертационной работе, рассматривающей непосредственно взгляды Меньшикова П. Б. Стукалов стремился, в первую очередь показать значение этой личности для русского национального движения. Специфика данного исследования состоит в том, что взгляды Меньшикова представлены в соотношении с позицией другого идеолога русского национализма П. И. Ковалевского. В данном контексте автор определяет специфику взглядов Меньшикова как «следование принципу национального прагматизма», чем автор и объясняет «крайнюю противоречивость» его взглядов⁴²⁶.

⁴²² Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. С. 54.

⁴²³ Репников А. В. М.О. Меньшиков – возвращенное имя // Международный сборник научных трудов 1999. – Москва – Смоленск – Луганск, 1999. – С. 149 – 152; Он же. Михаил Меньшиков: «Лишь бы жила Россия» // Край родной. – 2000. – №.27. – С.4; Он же. М.О. Меньшиков о рабочем вопросе // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. М., 2002. – С.179 – 186; Он же. «Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век» (Михаил Меньшиков о революции) // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Материалы XX Международной научно-теоретической конференции: Иваново, 24 – 26 сентября 2009 г. Иваново, 2009. – С. 156 – 161.

⁴²⁴ Репников А. В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. – С. 93 – 100.

⁴²⁵ Там же. С. 94.

⁴²⁶ Стукалов П. Б. Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи Всероссийского национального союза. Дис. ... кандидата исторических наук. Воронеж, 2009. С. 387.

Изданные в последнее время сборники работ Меньшикова представляют очень малую часть его наследия, и при том характер подбора этих работ весьма тенденциозен, что не позволяет составить по ним полную картину его мировоззрения⁴²⁷. (Заметим, однако, что по сравнению с трудами М. Н. Каткова и А. С. Суворина, работ Меньшикова по объему переиздано значительно больше). Мы полностью разделяем точку зрения Ю. М. Каграманова, высказанную по поводу двух ранних сборников работ Меньшикова, согласно которой у составителей была широкая возможность выбора статей по своему вкусу ввиду большого объема его публицистического наследия⁴²⁸. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что составителем 5 из 7 сборников статей Меньшикова является М. Б. Смолин, чья апологетическая предвзятость явно просвечивает во всех предисловиях к этим изданиям. Тем более досадно, что публицистические панегирики Меньшикову вышли из-под пера кандидата исторических наук.

Дальнейшая разработка вопроса общественно-политических взглядов Меньшикова связана, с одной стороны, с изучением Всероссийского национального союза (ВНС), так как именно он стал одним из первых идейных вдохновителей этой партии, с другой – с анализом русской консервативной идеологии в целом. ВНС или партия русских националистов стала предметом внимания Д. А. Коцюбинского и С. М. Саньковой⁴²⁹. Первый делал акцент на идеологической составляющей этого образования, вторая основное внимание уделяла предпосылкам и непосредственно процессу образования ВНС и его деятельности. Несмотря на то, что в данных работах общественно-политическая позиция Меньшикова рассматривается в контексте идеологии и деятельности русских националистов, мы имеем возможность вычленив достаточно широкую картину его воззрений периода 1908 – 1917 гг. Взгляды Меньшикова всего периода его активной публицистической деятельности и своеобразная пере-

⁴²⁷ Меньшиков М. О. Из писем к ближним; Он же. Выше свободы: Статьи о России; Он же. Письма к русской нации; Он же. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере); Он же. Национальная империя; Он же. Как воскреснет Россия? Избранные статьи.

⁴²⁸ Каграманов Ю. М. Указ раб. С. 17.

⁴²⁹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. Орел, 2006.

оценка ценностей после отстранения от работы в «Новом времени» представлены в монографиях А. В. Репникова, посвященных концепциям русских консервативных идеологов конца XIX – начала XX вв.⁴³⁰ Очень важным является то обстоятельство, что в своем анализе достаточно эклектичных и изменчивых представлений публициста автор базируется не только на статьях, но и на дневниковых записях (частично опубликованных), что позволяет представить более полную картину его мировоззренческих поисков. Примечательно, что все три автора вслед за дореволюционными критиками Меньшикова выявляют внутреннюю противоречивость и непоследовательность в его суждениях по различным затрагивавшимся публицистом аспектам. В частности, Коцюбинский характеризовал Меньшикова как «самого парадоксального и одновременно самого публицистически плодovитого идеолога ВНС», «интеллектуала-одиночку», рассуждения которого были не лишены экстравагантности⁴³¹.

Помимо данной противоречивости, дополнительную сложность в изучении взглядов Меньшикова создает широта диапазона вопросов, к которым он обращался в своем творчестве, от общефилософских (счастье, любовь, дружба) до сиюминутных политических, экономических и даже бытовых проблем. Однако основной акцент в историографии Меньшикова делался неизменно на его «национализме» вне зависимости от того, с каким знаком этот «национализм» воспринимался. Нам это представляется не случайным, так как все остальные сюжеты в публицистике Меньшикова были так или иначе связаны с этим основным мотивом его творчества, что мы и попытаемся показать в нашем исследовании. Чтобы выделить взгляды Меньшикова из общего право-националистического направления политической жизни России конца XIX – начала XX вв., мы будем стремиться выявить в историографии убедительные аргументы в пользу государственнической ориентированности его позиции по национальному и другим поднимаемым им вопросам российской действительности.

⁴³⁰ Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

⁴³¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 420, 493.

Глава 2. Мировоззренческий дрейф М.О. Меньшикова в свете историографии

Подобно Каткову и Суворину, Меньшикова нельзя характеризовать как последовательного сторонника одного из существовавших на тот момент в России политических направлений. Однако в отличие от своих предшественников Меньшиков не эволюционировал от либерально-консервативного синтеза в сторону консерватизма, а «метался» между этими направлениями. Критики Меньшикова объясняли его непоследовательность политической конъюнктурой, более снисходительные современники склонны были видеть здесь проявление особенности натуры публициста, не имевшего на протяжении своей деятельности не только устойчивой политической позиции, но и постоянного круга тем.

Примечательно, в этой связи, что лично знавший Меньшикова либеральный литературовед С. А. Венгеров в статье для тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона, вышедшего в 1896 г., и поэтому заканчивающейся на периоде сотрудничества публициста в «Неделе», характеризовал в первую очередь не политические взгляды, а круг его интересов. То обстоятельство, что Меньшикова в данный период занимали «по преимуществу вопросы нравственности», а проблемам «юридического и экономического благоустройства он отводит второстепенное значение», Венгеров объяснял «заметным влиянием» на него идей Л. Н. Толстого. Именно под этим влиянием был создан цикл статей, который Венгеров выделяет особо, – «Думы о счастье», основной идеей которых является утверждение о том, что счастье достижимо лишь через любовь к ближнему. Примечательно, что, как указывает Венгеров, в это время «из вопросов государственной жизни Меньшиков живо интересуется только веротерпимостью и народным образованием»⁴³². Таким образом, в данный период Меньшиков еще не ассоциировался с политической публицистикой, да и он сам возможно еще не мыслил себя на этом поприще. Так что его либерализм времен сотрудничества в «Неделе» можно рассматривать не столько как политическую позицию, сколько как мировоззренческую установку (или культурную принадлежность).

Очень показательную характеристику толстовства Меньшикова дает В. А. Пассе, отмечая, что он «доводил до абсурда» учение о непротивлении злу насилием: «Даже в бегстве зайца от преследующего

⁴³² Венгеров С. А. Меньшиков, Михаил Осипович // Энциклопедический словарь. Т. XIX (19). СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1896. С. 107.

его волка он видел противление: зайцу не следовало бежать, а лечь перед волком и, помахивая лапками, делать ему умильную рожицу; тогда волк бы его пощадил. Это был, конечно, символ, – прибавлял Пассе, – но символ много говорящий в тогдашних русских условиях»⁴³³. Данное замечание имеет важное значение для понимания мировоззрения Меньшикова не только этого периода, но и на протяжении всей его жизни. Забегая вперед, отметим, что современный исследователь русского национализма Д. А. Коцюбинский отмечал, что Меньшиков и после отлучения Л. Н. Толстого от церкви отделял «возвышенно-религиозную форму» теории непротivления от ее «мирского содержания»⁴³⁴. Дневники публициста 1918 г. и поведение в условиях революции показывают, что, критикуя впоследствии на словах учение Толстого, на деле Меньшиков всегда внутренне оставался верен идее непротivления. Борьбаться он мог только путем журнальной полемики, но к реальной борьбе был не готов.

Ряд других дореволюционных авторов так же признают за Меньшиковым периода его сотрудничества в «Неделе» и увлечения идеями Л. Н. Толстого либеральные взгляды. Косвенное подтверждение либерализму Меньшикова приводит Н. И. Афанасьев, отмечавший, что за ряд статей в «Неделе» публицист «подвергся цензурным гонениям»⁴³⁵. Причину изменений во взглядах Меньшикова большинство связывало с переходом в газету «Новое время». Этот переход Н. К. Михайловский охарактеризовал как своеобразное «salto mortale». При этом автор отмечал, ссылаясь на высказывания самого Меньшикова, что он и в «Неделе» и в «Новом времени» позиционировал и позиционирует себя как либерала. Однако применительно к сотрудничеству в «Новом времени» Михайловский воспринимает это утверждение с иронией⁴³⁶. Сотрудник кадетской «Речи» и «Биржевых ведомостей» А. Е. Кауфман, уделявший в своей публицистике большое внимание проблемам положения евреев в России, утверждал, что Меньшиков был отравлен духом Суворинской газеты и стал, по выражению Золя, «зажаривать» ежедневно «свежего жида»⁴³⁷.

⁴³³ Пассе В. А. Указ. соч. С. 112.

⁴³⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 423.

⁴³⁵ Афанасьев Н. И. Указ. соч. С. 174.

⁴³⁶ Михайловский Н. К. Указ. соч. С. 450.

⁴³⁷ Друзья и враги евреев. А.С. Суворин («Новое время»). (К юбилею его литературно-издательской деятельности). Сост. А. Е. Кауфман. СПб., 1908. С. 56.

Идею губительного воздействия духа «Нового времени» на тех, кто решался стать сотрудником этой газеты, развивает Н. Я. Абрамович в книге с красноречивым названием: «"Новое время" и соблазненные младенцы». Он, вслед за Михайловским, полагал, что Меньшиков не эволюционировал а «резко переломил» свой путь, поменяв редакцию. Автор утверждал, что «Меньшиков сделал все для того, чтобы упростить представление о себе, как о писателе, и дать в руки журналистам враждебного берега легчайшие и быстро слагающиеся формулы для его определения». Абрамович полагал, что, работая в «Новом времени», Меньшиков взялся за «подряд националистических, юдофобских и обще-реакционных статей» вовсе не исходя из собственных взглядов, а лишь старательно исполняя «заказ». Именно в этом автор видит причину некоторых колебаний и своеобразных лирических отступлений в общем курсе его статей к «своему розовенькому прошлому» с «маленькими компиляционными философскими темами» и «благодарным морализованием». Он уподобляет Меньшикова Рейнеке Лису в его желании «походить и в монашеской рясе, незаметно виляя под ней хвостом и оскаливая порой зубы»⁴³⁸. Но «смесь палачества и монашества» была обнаружена и Меньшиков «по общему приговору» получил прозвище «литературного Иудушки»⁴³⁹.

Схожую характеристику дает Меньшикову и М. Протопопов, отмечая его последовательность «в своей непоследовательности»⁴⁴⁰. Признавая перемены во взглядах Меньшикова с переходом из «Недели» в «Новое время», другой его современник М. Неведомский видит за этим частным случаем общую тенденцию. Он вписывает трансформацию Меньшикова в контекст эволюции общественно-политической мысли в России, выразительницей которой в первую очередь являлись повременные печатные издания. Автор полагал, что занимавшая «срединное» положение между «двумя крайними флангами народнического течения» – «Отечественными записками» и «лагерем» Достоевского и Толстого, умеренно-народническая «Неделя» с ее проповедью «малых дел», принеся немало пользы в «эпоху разочарования» 80-х гг., на протяжении 90-х, «когда наступило новое творческое время», «должна была волею рока превратиться в "новое

⁴³⁸ Абрамович Н. Я. Указ. соч. С. 29.

⁴³⁹ Там же. С. 30.

⁴⁴⁰ Протопопов М. Критика критиков. С. 212.

время"»⁴⁴¹. Отмечая, что Меньшиков безусловно вынужден был «приспосабливаться» к условиям новой газеты, автор в то же время утверждает, что «фундамент» его миросозерцания был неизменным. «В существе своих "восторгов и молитв", – писал Неведомский, – Меньшиков остается верен себе на всем протяжении своей много-словной деятельности»⁴⁴², определяя стиль его статей как «настоящий стиль ханжи». Автор отмечал, что сущность Меньшикова совпадала с сущностью «скучно-благомыслящей» «Недели» и состояла в стремлении объединить в себе все, превратив тем самым в ничто. «Он все в себя вместил: и народнический либерализм..., – перечисляет автор, – и христианство, и прокурорские аппетиты, и пошлейший мещанский квиетизм⁴⁴³, и Л. Толстого... Он из всего сумел изгнать живой дух, во всем обтесал углы и крайности и всему придал характер "мудрой", мещанской удобоисполнимости и приспособленности»⁴⁴⁴. Пользуясь определением самого Меньшикова, которое он применил по отношению к позиции «Недели» – «народный либерализм», – Неведомский считает вполне применимым данный термин по отношению к «Новому времени». Автор усматривает в этом придуманном Меньшиковым типе либерализма «фальсификацию более или менее злокачественного свойства», противостоящую «истинному», «общечеловеческому» либерализму. И эволюция Меньшикова представляется ему именно эволюцией этого «широкого народного либерализма»⁴⁴⁵.

Если большинство критиков Меньшикова лишь констатировало его взгляды, П. П. Перцов в своих воспоминаниях выступает как один из немногих современников, пытавшихся найти их истоки: «Можно допустить, что временами (особенно в толстовский свой период) Меньшиков имел даже благие намерения, – писал он, – но все тонуло, в конце концов, в какой-то непреодолимой жажде денег, влияния и всего, что они дают. Чувствовалась в нем не то что прямая и грубая "продажность", в которой столько его обвиняли, а вот эта тонкая "порча души", которая делала из него лицемера в жизни и в литерату-

⁴⁴¹ Неведомский М. Указ. соч. 109, 111.

⁴⁴² Там же. С. 103.

⁴⁴³ Квиетизм (от лат. *quies* — покой) — мистически-религиозное учение, требовавшее полнейшего пассивного покоя души, в котором она отдавалась бы божественному действию и как бы прекращала свое существование, с любовью умерев в Боге.

⁴⁴⁴ Неведомский М. Указ. соч. С. 106.

⁴⁴⁵ Там же. С. 111.

ре»⁴⁴⁶. Заметим, что мотив о Меньшиковском лицемерии встречается не только у уподоблявшего его Рейнеке Лису Н. Я. Абрамовича, но и у М. Неведомского⁴⁴⁷. В другом месте Перцов дает такое описание Меньшикова: «Небольшого роста, толстенный, с поблескивавшими из-за очков маленькими хитрыми глазками, он производил почти физическое впечатление чего-то морально нечистоплотного»⁴⁴⁸.

Нелицеприятные характеристики Меньшикова встречаются и среди тех, кто в целом лояльно относился к «Новому времени». Сотрудник «Нового времени» Н. Снессарев утверждал, что Меньшикову «почти третья часть сотрудников не подавала руки», а Суворин его «боялся и ненавидел»⁴⁴⁹. Примечательно, что почти такая же ситуация сложилась ранее вокруг Меньшикова в «Неделе». Как вспоминал В. А. Поссе: «В редакции Меньшикова все не любили... Но с Меньшиковым приходилось считаться, так как статьи его нравились большинству подписчиков "Недели"»⁴⁵⁰.

Даже политические соратники Меньшикова, пользовавшиеся его публицистической поддержкой для проведения в Государственной Думе необходимых законопроектов, не жаловали своего союзника⁴⁵¹. Так член Русского собрания Б. В. Никольский записал в 1913 г. в своем дневнике: «По делам с ним приходится ладить» и в то же время «какой отвратительный гад этот Меньшиков! Он мне весь противен, с ног до головы»⁴⁵².

В вышедшем в 1934 г. томе Литературной энциклопедии Д. И. Заславский (автор первой в советской России книги о В. В. Шульгине), по сути обобщая все сказанное о Меньшикове в дореволюционной либерально-демократической критике, разделяет его публицистическую деятельность на два периода – либеральный – времен сотрудничества в «Неделе» во второй половине 80-х гг. и реакционный периода работы в «Новом времени». В первом периоде Меньшиков предстает как поклонник нравственно-религиозного учения Л. Н. Толстого, специализирующийся на «ликвидации революционных настроений предшествующей эпохи и проповеди "малых

⁴⁴⁶ Перцов П.П. Указ. соч. С. 87.

⁴⁴⁷ Неведомский М. Указ. соч. С. 107.

⁴⁴⁸ Перцов П.П. Указ. соч. С. 86.

⁴⁴⁹ Снессарев Н. Мираж Нового времени. Почти роман. СПб., 1914. С. 104.

⁴⁵⁰ Поссе В. А. Указ. соч. С. 112.

⁴⁵¹ Куплевасский Н.О. Всероссийский национальный союз. СПб., 1908. С.8;

⁴⁵² Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. С. 163.

дел"». Во втором – как «самый беспринципный» публицист, статьи которого «источали бешеную злобу против революции и демократии»⁴⁵³. Однако из авторской характеристики деятельности Меншикова в эти периоды просматривается и то общее, что сохранялось неизменным во взглядах публициста – выступление против любых форм революционных проявлений. Именно данной неизменной антиреволюционной направленностью объясняется критикуемое Заславским выступление Меншикова в период кульминации революционных событий 1905 г. за их подавление самыми жестокими методами. Однако Заславский не замечает последовательности во взглядах Меншикова и объясняет его политическую эволюцию полной беспринципностью. Примечательно, что он противопоставляет Меншикова Каткову, замечая, что именно беспринципность не позволила первому занять роль второго «в лагере бюрократии», а в это же время другие советские историки, как мы отмечали выше, обвиняли в подобной беспринципности Каткова. Данная характеристика Заславского задавала тон дальнейшим оценкам Меншикова в отечественной историографии. В силу того, что ее автор, обладая поразительным чувством политической конъюнктуры, сумел из меньшевика и члена ЦК Бунда стать одним из влиятельнейших идеологов сталинской эпохи и сохранить свое влияние в период «оттепели» будучи выразителем официальной линии КПСС при Н. С. Хрущеве.

В серии работ одного из крупнейших специалистов в области политической истории России эпохи империализма А. Я. Авреха Меншиков в основном предстает уже окончательно перешедшим в лагерь правых черносотенным публицистом. А его непостоянство в оценках тех или иных политических деятелей и партий он объяснял исключительно его «архипродажностью»⁴⁵⁴. Однако следует отметить, что еще в 1955 г. в статье «III Дума и начало кризиса третьей июньской системы», касаясь вопроса об образовании Всероссийского национального союза, Аврех признавал, что Меншиков, которого он несколькими страницами раньше, отдавая необходимую дань В. И. Ленину, назвал «черносотенцем», «мыслил себе будущую партию не просто как националистическую, а как национал-либеральную, т. е. с признанием либерально-буржуазных реформ в целях перехода самодержавия на рельсы буржуазной монархии. Он

⁴⁵³ Д. З. [Заславский Д. И.] Меншиков // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. М., 1934. Стб. 190.

⁴⁵⁴ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. С. 112.

неоднократно подчеркивал, что создаваемая партия будет исходить прежде всего из признания незыблемости существования «конституционного строя». Таким образом, разница между его национал-либерализмом и октябризмом была отнюдь не принципиальной»⁴⁵⁵. Приведенный фрагмент убедительно показывает, что еще в середине 50-х гг. в отечественной историографии партия националистов и взгляды ее идеолога были помещены ближе к либеральному, нежели консервативному лагерю. Упрек, адресованный Авреху современным исследователем Д. А. Коцюбинским, в «логических несостыковках»⁴⁵⁶ двух приведенных выше характеристик политических взглядов Меншикова нам представляется незаслуженным и вызванным, по всей вероятности, нежеланием принять во внимание общественно-политические условия, в которых появилась данная статья. И тем более значимым на наш взгляд является то обстоятельство, что база для активного развития в последнее десятилетие тезиса о консервативно-либеральной природе русского национализма и его близости к октябризму была заложена в советской историографии.

Исследуя историю России третьей июньской системы, Ю. Б. Соловьев в своей монографии наглядно показал неоднократные колебания Меншикова из одной противоположности в другую в оценке различных политических явлений современной ему российской действительности, в том числе и различных партий. Объяснял автор эти перемены изменениями настроений в правящих кругах, которые публицист умел чутко улавливать с тем, чтобы всегда оказываться в стане победителей. К примеру, Соловьев показал, как к зиме 1909 г. в выступлениях Меншикова произошла резкая смена ориентиров и он признал правоту черносотенных организаций, не оставив «и следа от всех брошенных в их адрес обвинений в антигосударственности», параллельно начав критику октябристов, «чиня над ними беспощадный суд и расправу за их тянувшееся еще со времени революции провинности»⁴⁵⁷. Автор указывал, что расчет Меншикова был верным «в свете пришедшегося на эти же дни исхода кризиса с Морским генеральным штабом» и полученным Столыпиным высочайшим рескриптом, «в сущности клавшим крест на его дальнейшие планы»⁴⁵⁸, а соответственно и на поддерживавшую его на тот момент партию октябристов.

⁴⁵⁵ Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьей июньской системы (1908-1909). С. 51, 77 – 78.

⁴⁵⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 15.

⁴⁵⁷ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. С. 22.

⁴⁵⁸ Там же. С. 23.

Одна из первых публикаций, посвященных непосредственно Меньшикову, появилась в 1991 г. в журнале «Слово», в выпуске, посвященном Л. Н. Толстому. В этом номере внук Меньшикова М. Б. Поспелов представил его статью о Толстом 1908 г. Статья сопровождалась небольшим очерком о ее авторе, написанном постоянным сотрудником этого журнала литературным критиком В. И. Калугиным. В нем «Новое время» определялось как «русская консервативная газета», а Меньшиков пожалуй впервые был назван не националистом, а «русским консерватором»⁴⁵⁹. Касаясь вопроса о взглядах Меньшикова 90-х гг., А. А. Гумеров и М. Б. Поспелов в совместной работе, носящей достаточно панегирический характер (что обусловлено тем уважением к памяти деда, которое сумела воспитать в детях и внуках жена Меньшикова), определяют позицию публициста как «народничество с христианско-либеральной окраской и значительной долей толстовства»⁴⁶⁰.

Анализируя явление роста популярности консерватизма в современной России, Я. Добролюбов обращает внимание на неоднозначность идей, высказывавшихся российскими консервативными идеологами, что создает определенные сложности для понимания неподготовленными читателями их переиздающихся работ. Меньшикова автор характеризовал как «бывшего толстовца», перешедшего «на сторону русского национального дела, но в подходе к этому делу так и оставшегося толстовцем — все упрощающим, страстным, по-сектантски романтичным»⁴⁶¹.

Рассматривая мировоззрение Меньшикова через призму его литературоведческих работ, в первую очередь посвященных А. П. Чехову, А. С. Мелкова усматривает причины его эволюции не столько во внешних обстоятельствах, сколько в его личностных особенностях. Меньшиков-критик, по мнению исследовательницы, имел «твердую систему нравственных ценностей». Вслед за современником Меньшикова писателем и критиком П. П. Перцовым Мелкова полагала, что он находился «под влиянием творчества В. Г. Беллинского»⁴⁶². По ее мнению, на переменах в Меньшикове сказалось его

⁴⁵⁹ Калугин В. Письма к ближним // Слово. 1991. № 9. С. 49.

⁴⁶⁰ Гумеров А. А., Поспелов М. Б. Меньшиков // Образ. 1995. № 3. С. 140.

⁴⁶¹ Добролюбов Я. Как делать реакцию // Отечественные записки. 2002. № 4 – 5. С. 27.

⁴⁶² Мелкова А. С. Чехов в зеркале критических очерков Меньшикова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи. М., 2005. С. 366.

восприятие себя «как проповедника, способного влиять на события не только в России»⁴⁶³. В подтверждение своего тезиса автор приводит фрагмент дневника публициста за 1918 г., не останавливаясь, к сожалению, на вопросе о временных рамках и причинах совершившейся в Меньшикове эволюции. Мелкова лишь отмечала, что этот процесс был постепенным: «Он уверовал постепенно в то, что выполняет высшую миссию, борясь своим словом с политическими противниками. Он не чувствовал их боли, не предвидел последствий своих ударов. И оказался как бы в пустыне»⁴⁶⁴.

Соглашаясь с данным положением, мы считаем необходимым в качестве основных причин подобной метаморфозы выделить рост популярности статей Меньшикова и его изначальную замкнутость на себе. Общественное признание его публицистической деятельности делало уже не столь необходимым признание коллег. О том, что Меньшиков в дружбе с известными литераторами дорожил в большей степени не личным общением, а их авторитетной поддержкой, свидетельствуют дневниковые записи времен его пребывания в Петербурге, опубликованные Н. А. Филаткиной. В нашем случае важно отметить два фрагмента. Первый датирован августом 1893 г. и приводится исследователем как иллюстрация планов Меньшикова по созданию «дружеского окружения»: «В Петербурге следует взять квартиру, или в крайнем случае две комнаты порядочных. Необходимо организовать кружок знакомых: Лесков, Полонский, Величко, Рубакин, Харьяков, Дон, Степанов, Каменская, Накрохин, Светловы, Яковлева А. В., Надсон А. Я., Венгерова, Сыромятников, Ватсон»⁴⁶⁵. (большинство перечисленных лиц являлись либо литераторами, либо литературными критиками). А за шесть лет до этой записи появляется другая, позволяющая, на наш взгляд, определить одну из основных черт характера Меньшикова – внутреннюю самодостаточность: «Тяжело мне здесь и потому, что и здесь, оказывается, некого уважать: порядочно уже литераторов я видел и слышал, и чувствую, что все «не то». Литератор, интеллигент, в моем представлении, должен быть человек прежде всего, а он прежде всего литератор, чиновник литературы... Мне надо почаще оставаться наедине с самим с собою, ибо я в этом убежден, это будет, пожалуй, лучшее общество, которое я могу себе составить»⁴⁶⁶.

⁴⁶³ Мелкова А. С. Указ. соч. С. 435 - 436.

⁴⁶⁴ Там же. С. 436.

⁴⁶⁵ Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков и Петербург (По страницам неопубликованных дневников) // Вестник архивиста. 2003. № 3 – 4. С. 85.

⁴⁶⁶ Там же.

Эту сомоизолированность Меньшикова от каких бы то ни было групп и течений, опираясь при этом лишь на статьи публициста, сумел разглядеть только И. А. Дедков. «Меньшиков не был приуготовлен, – писал он, – к тому, чтобы быть человеком из хора, из сплоченного коллектива, из дружной стаи... Он непредсказуем и сегодня говорит то, что думает сегодня, а не то, что требуется говорить согласно прикрепленному ко лбу ярлыку»⁴⁶⁷. Это тонкое и многое объясняющее в публицистике Меньшикова наблюдение стало возможно, как нам представляется, в силу специфики личности самого Дедкова, который, как отметил С. Чуприн, сам был чужд всякой «групповщине»⁴⁶⁸.

Характерные штрихи к образу Меньшикова приводит в работе, посвященной взаимоотношениям Меньшикова и Чехова, сотрудник дома-музея А. П. Чехова в Мелихово Е. С. Бычкова. В воспоминаниях брата писателя Михаила Павловича она нашла весьма показательную характеристику: «15 – 18 августа 1896 года посетил Антона Павловича в Мелихове публицист М. О. Меньшиков. Тогда он был главным персонажем в газете «Неделя», в книжках которой помещал свои статьи. Публика зачитывалась его статьями о возможности счастья на земле. Находясь под очевидным влиянием философии Л. Н. Толстого, Меньшиков призывал к земле, к труду, к слиянию с природой. Нам было известно, что Меньшиков – бывший морской офицер, и вдруг к нам приехал в полном смысле человек в футляре: штатский, в больших колошах, в теплом ватном пальто с приподнятым воротником и с громадным дождевым зонтиком, несмотря на сухую летнюю погоду. С розовыми, пухлыми щеками и с жиденькой русой бородкой, он походил скорее на дьячка или начетчика, чем на литератора. Он не показался нам таким интересным, как бывало, его статьи в «Книжках "Недели" и, сказать по правде, в Мелихове вздохнули с облегчением, когда он уехал»⁴⁶⁹.

Об этом же визите сохранилась запись из дневника А. П. Чехова: «Меньшиков в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирание сердца». Приводя данную запись, Бычкова связывает ее появление со сбором в это время Чеховым материалов для будущего рассказа «Человек в футляре». Так же она отмечала проступание данного образа Меньшикова и в герое пьесы «Дядя Ваня» про-

⁴⁶⁷ Дедков И. А. Указ. соч. С. 116.

⁴⁶⁸ Вопросы литературы. 1987. № 12. С. 41.

⁴⁶⁹ Бычкова Е. С. Указ. соч. С. 90.

фессоре Серебрякове, о котором Войницкий говорит: «Жарко, душно, а наш великий ученый в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках». В то же время, по мнению Бычковой, используя эту внешнюю особенность Меньшикова для создания литературного образа, Чехов «не уподоблял» публициста своим «футлярным героям». Однако из приведенных нами выше данных явствует ошибочность утверждения автора о том, что «по роду занятий, по складу характера Меньшиков на «человека в футляре» не походил»⁴⁷⁰.

Следует отметить, что черты Меньшикова более позднего периода проступают и в главном герое этой пьесы. Подобно чеховскому дяде Ване Меньшиков в дневниковых записях 1918 г. неоднократно рассуждает в сослагательном наклонении о том, как могла бы сложиться его жизнь. По всей видимости, Чехов эту внутреннюю неудовлетворенность и ощущение недооцененности сумел подметить в Меньшикове намного раньше, чем она проступила в дневниках публициста.

Даже находясь в гражданском браке, Меньшиков, по всей вероятности, жил внутренне обособленной жизнью. В этой связи обращает на себя внимание его работа «Думы о счастье», опубликованная в 1898 году. К этому времени он имел не только гражданскую жену, но и годовалого сына. При этом, рассуждая о счастье в семье, Меньшиков абсолютно категорично заявлял, что в городской среде настоящей семьи с подлинной духовной близостью всех домочадцев быть не может. (Всю абсурдность этих заявлений пытался доказать в своем критическом разборе этой работы Меньшикова М. Протопопов, ссылаясь при этом и на свой собственный положительный семейный опыт⁴⁷¹.) Несомненно, в рассуждениях Меньшикова об ужасах современной городской семьи также присутствуют элементы личных переживаний: «Глава семьи с ужасом чувствует, что жена и дети – холодные, присосавшиеся к нему паразиты, которым от него нужно только содержание...»⁴⁷². Думается, что причиной такого восприятия семьи во многом являлась все та же его внутренняя замкнутость и самодостаточность. И представляется вполне закономерным, что уже через год гражданская жена покинула Меньшикова, а вторая полноценная семья появилась у него лишь в 48 лет. Но и в дневниковых записях позднего периода мы встречаем как бы отстраненное наблюдение за женой и детьми и почти не находим упоминаний о совместном досуге.

⁴⁷⁰ Бычкова Е. С. Указ. соч. С. 91.

⁴⁷¹ Протопопов М. Публицист-идиллик. С. 155 – 156.

⁴⁷² Там же. С. 155.

Эта самодостаточность сохранилась в Меньшикове до конца его жизни. Его дневник за 1918 г. свидетельствует, что даже в крайних сомнениях он обращался не к авторитету других, а к самому себе. Эта внутренняя самоизоляция, нежелание или неумение прислушиваться к другим мнениям и были основной причиной множественных противоречий в публицистическом наследии Меньшикова, при прослеживающейся в каждой статье искренней убежденности автора на данный момент в том, что он говорит. Эту особенность точнее других характеризовал его однопартиец по Всероссийскому национальному союзу А. И. Савенко, считая, что Меньшиков «более поэт, чем публицист», к тому же «кабинетный человек, замкнувшийся в своем царскосельском полууединении». В своей характеристике Меньшикова Савенко привел характерный отзыв о нем одного из политических деятелей: «...если он сегодня распинается за какую-нибудь идею, то это еще не доказывает, что через неделю он не будет с таким же азартом оспаривать ее...».⁴⁷³

Хотя Меньшиков и был склонен более к общению с самим собой, однако, определенный вакуум вокруг нововременского публициста безусловно создавался усилиями либеральной общественности. Показателен в этом отношении фрагмент полемики религиозного философа-литератора Д. С. Мережковского с кадетом П. Б. Струве, в которой первый указывал на близость идей, высказанных вторым в известной работе «Великая Россия» к взглядам Меньшикова. Струве расценил подобное «сближение» как «почти личное обострение культурно-философского спора»⁴⁷⁴. Струве, подобно Савенко, характеризовал Меньшикова как «комнатного публициста» и отмечал его непоследовательность в своих высказываниях, которые нередко логически противоречили друг другу, усматривая в этом сознательную софистику. Новые опусы Меньшикова, по мнению Струве, часто имеют целью затмить и заставить читателей забыть его же прежние высказывания⁴⁷⁵. Общую эволюцию общественно-политической позиции Меньшикова Струве объяснял обдуманым и рассчитанным «приспособлением»⁴⁷⁶.

⁴⁷³ Подолянин. 1911. 16 апреля.

⁴⁷⁴ Струве П. Б. Спор с Д. С. Мережковским // *Patriotika*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905 – 1910). М., 1997. С. 71.

⁴⁷⁵ Струве П. Б. Клевета на предков, и на конституцию // *Patriotika*. С. 103 – 105; Он же. За неимением наполеона. – Россия собирается // *Patriotika*. С. 135.

⁴⁷⁶ Струве П. Б. В. В. Розанов, большой писатель с органическим пороком // *Patriotika*. С. 275.

На политическую переменчивость «талантливого, но не уравновешенного систематическим образованием» Меньшикова не без раздражения указывал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте⁴⁷⁷. Раздражение это во многом объясняется тем, что Меньшиков, являясь идеологом ВНС, не смог, как это планировалось в начале, сделать эту партию политической опорой для Витте⁴⁷⁸. Непоследовательность Меньшикова в оценках различных частных вопросов (крепостного права, личности Распутина и т.п.) неоднократно отмечал в своем дневнике А. В. Богданович⁴⁷⁹.

Тщательное последовательное изучение статей Меньшикова в «Новом времени» за 1906 – 1908 гг. привело Шлемина к заключению, что «меньшиковские искания и определенная непоследовательность свидетельствовали о постоянно происходящем переосмыслении прежних представлений»⁴⁸⁰. «Нововременское наследие Меньшикова, – развивает он эту мысль в другом месте, – не только хронограф последних десятилетий императорской России, но и отображение эволюции работающего и очень неглупого человека, запечатленная в тысячах публикаций история восхождения от примитивного национал-изоляционизма к вершинам западно-европейского либерального мировосприятия. Сориентироваться в этом потоке мыслей и информации непросто даже профессионалу»⁴⁸¹.

При этом автор предполагал, что, помимо вышеозначенного качества натуры Меньшикова, на изменение его взглядов большое влияние оказывала его профессия, которая, с одной стороны, не располагала достаточно глубоко вникать в суть рассматриваемой в данный момент проблемы из-за недостатка времени, с другой – «побуждала к использованию полемических приемов и штампов, вульгарной интерпретации истории»⁴⁸².

Полемизируя заочно с представителями дореволюционной либеральной печати и советской историографии, относительно ангажи-

⁴⁷⁷ Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 652, 666; Т. 2. С. 188, 206.

⁴⁷⁸ Подробнее об этом см.: Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. С. 61 – 62.

⁴⁷⁹ Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 496, 504.

⁴⁸⁰ Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. С. 37.

⁴⁸¹ Там же. С. 27 – 28.

⁴⁸² Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 20.

рованности Меншикова, Шлемин писал: «искал ли Меншиков каких-то материальных или иных выгод от своей работы – вопрос непростой, равно как и вопрос – не являлся ли он сам агентом чьих-то интересов. Попыток «приручить» влиятельного обозревателя не могло не быть. Вместе с тем не было и речи о прямом подкупе. В своих пристрастиях Меншиков оставался если не всегда постоянен, то уж наверняка автономен»⁴⁸³. По мнению исследователя Меншиков «предпочитал дистанцироваться от верховной власти»⁴⁸⁴. Так, узнав от А. С. Суворина о желании Столыпина встретиться с ним, публицист не согласился на встречу. От себя заметим, что, возможно, сказан был отрицательный опыт, полученный от общения с Витте, который предложил Меншикову написать проект манифеста, что тот и сделал, но, по его же собственным словам, ничего из предложенного им не было включено в окончательную редакцию⁴⁸⁵. Приведенный сюжет показывает, что Меншиков не всегда был склонен «дистанцироваться от власти».

В то же время Шлемин приходит к важному замечанию, подтверждающему наш взгляд на особенности личности и характера Меншикова, придававшие специфический отпечаток и на его публицистику: «всепрощение не было главной добродетелью Меншикова, который и к обществу подходил скорее с мерками естествоиспытателя, чем абстрактного гуманиста»⁴⁸⁶. Следует отметить, что самого Меншикова Шлемин рассматривал как одного из носителей «национального русского характера с ярко выраженной нелюбовью к полутонам и склонностью к крайностям»⁴⁸⁷. В качестве еще одного национального свойства его творчества он называет «преобладание критического начала над созидательным»⁴⁸⁸.

Спустя 45 лет после отмечавшегося нами выше признания Аврехом наличия во взглядах Меншикова либеральных элементов к схожим выводам приходят П. И. Шлемин, Ю. Каграманов⁴⁸⁹ и

⁴⁸³ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. С. 10.

⁴⁸⁴ Там же. С. 13.

⁴⁸⁵ Островский А. В., Сафронов М. М. К истории создания манифеста 17 октября // Советские архивы. 1985. № 5. С. 62.

⁴⁸⁶ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. С. 11.

⁴⁸⁷ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 19.

⁴⁸⁸ Шлемин П.И. Меншиков: мысли о России. С. 25.

⁴⁸⁹ Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 18.

Д. А. Коцюбинский⁴⁹⁰, полагая уместным характеризовать подобную позицию как либеральный консерватизм. Последний вслед за советским историком применяет это определение не столько к самому Меньшикову сколько к ВНС, идеологом которого он выступал. При этом если Коцюбинский полагал, что ВНС, располагаясь между крайне правыми и октябристами, был ближе к последним, то Каграманов утверждал, что Меньшикову был «все-таки ближе» консерватизм⁴⁹¹. Каграманов сумел увидеть еще одну важную грань мировоззрения Меньшикова. «Если все-таки считать либеральный консерватизм камнем, на котором стоит Меньшиков, - писал он, - тогда придется констатировать, что его мировоззрение слишком кренился – то в сторону прошлого, то в сторону... будущего. Того будущего, которое он, в 18 г. расстрелянный чекистами, увидеть уже не смог». Особо следует отметить, что на основе анализа достаточно узкого круга статей Меньшикова (не обращаясь к его дневникам 1918 г.) автор точно выявил противоречивость меньшековских суждений относительно социализма: с одной стороны – осуждение, с другой - положительное. «Проживи Меньшиков дольше, он увидел бы, как возрождаются... элементы лелеемой им арматуры: новое всеобщее закрепощение, и «железное строение» государства, и «князь» с «металлической» фамилией...»⁴⁹². В связи с приведенным выше замечанием Каграманова о том, что Меньшиков стоит ближе к консерватизму, нежели к либерализму, мы можем себе позволить сделать вывод, что и в социалистическом строе автор усматривает черты консерватизма. Мы разделяем такую точку зрения.

К сожалению в настоящее время большинство исследователей, обращающихся к личности Меньшикова, базируются на его статьях для «Нового времени», что не позволяет проследить полностью политическую эволюцию публициста. Тем более значимыми в этой связи нам представляются статьи Н. В. Зверева, посвященные периоду сотрудничества Меньшикова в «Неделе». Анализ этих статей позволил автору придти к выводу о том, что «Меньшиков на раннем этапе своей общественной деятельности находился под определённым влияни-

⁴⁹⁰ Коцюбинский Д. А. Всероссийский национальный союз // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 135 – 137.

⁴⁹¹ Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 18.

⁴⁹² Там же. С. 18.

ем народнической доктрины»⁴⁹³. В другой работе автор делает очень важный с точки зрения темы нашего исследования вывод о том, что уже в статьях «Недели» Меньшиков выступает как «государственник»⁴⁹⁴. При этом Зверев уже у раннего Меньшикова находит то, о чем Каграманов писал применительно к 1818 г. – прообраз социалистического государства как государства социальной справедливости.

Ведущий архивист Центрального московского архива-музея личных собраний кандидат исторических наук Н. А. Филаткина, опираясь на фрагменты дневников Меньшикова 80-х – 90-х гг., характеризовала его как «выдающегося русского христианско-либерального публициста, мыслителя и философа»⁴⁹⁵. Автор нашла в дневнике публициста запись о событиях 1 марта 1881 г.: «По Екатерининскому каналу, недалеко от Лебяжьего моста есть квадратный аршин земли, который будет знаменит в истории». Меньшиков по случайности оказался на этом месте сразу же после покушения на Александра II. Его наблюдения над толпившимся здесь народом проливают свет на его собственные взгляды в этот период. «Замечательно, как народ равнодушен. Одно баранье любопытство... Никто не был весел (кроме нескольких сумасбродов, которых поколотил народ), но никто не был и скучен искренно. Так-то ясно сказалось, насколько идея народного общего самосознания заглохла у нас совершенно почти индифферентно к общенародному великому делу»⁴⁹⁶. Приведенная Филаткиной выдержка позволяет сделать вывод о том, что для Меньшикова уже в этот период монархизм и национальная идея были неотделимы друг от друга.

Через тринадцать лет встречаем еще одно наблюдение по поводу царской семьи. Меньшикова в числе прочих неприглашенных не пустили в Екатерининский сад, чтобы посмотреть на царский кортеж после венчания Николая II и Александры Федоровны. И по этому поводу он записывает в дневнике: «Страна, насквозь насыщенная раб-

⁴⁹³ Зверев Н.В., М.О. Меньшиков о русском крестьянстве / Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007-2008 гг. – М., 2008. – С. 112.

⁴⁹⁴ Зверев Н.В. «Кому нужна земля» / Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII Межвузовской научной конференции / Под ред. Н.П. Нарбута. – М., 2007. – С. 61.

⁴⁹⁵ Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 79.

⁴⁹⁶ Там же. С. 80 – 81.

ством». Меньшиков еще не разочарован в монархии, но он прозревает будущие проблемы от того, что монарх ограждается от своих подданных. Хотя, скорее всего это была мера предосторожности в целях безопасности, но и эта мера весьма симптоматична. Монарх больше не может рассчитывать на любовь и преданность всего народа, он вынужден бояться своих подданных, пусть и их малую часть. Филаткина приводит еще одну запись, свидетельствующую о духовных исканиях и разочарованиях Меньшикова: «Вблизи интеллигенции разочаровываешься в последнем идоле, в которого я верил: интеллигенция-то оказывается буржуазией: правда остроумной, образованной, сведущей в художествах, но все же буржуазией с чисто мещанскими, материальными заботами и глухой какой-то враждебностью к тем вечным истинам, которых царство и есть удел настоящей интеллигенции»⁴⁹⁷. (Разочарование в интеллигенции шло параллельно с разочарованием в либеральных идеях, носителем которых она в большинстве своем была). К сожалению сама исследователь, вводящая в научный оборот очень важный для понимания эволюции Меньшикова фрагменты его дневников, практически не пыталась их анализировать. О том, что личность Меньшикова интересовала ее не сама по себе, а именно возможностью познакомить читателей с новыми архивными материалами, говорит тот факт, что к данной теме она больше не возвращалась, переключившись на другие персоналии и даже целые фамилии, документы которых так же хранятся в ЦМАМЛС.

Отказываясь от трактовки консерватизма как «реакции» и определяя его как «признание возможности развития на почве сохранения традиционных ценностей», современный исследователь консервативной идеологии московский историк А. В. Репников включает Меньшикова в число «консервативных идеологов» конца XIX – начала XX вв., рассматривая изменения в его взглядах в контексте общей эволюции консерватизма в России в рассматриваемый период⁴⁹⁸. Схожей позиции придерживаются его коллеги в Санкт-Петербурге и Перми И. В. Лукоянов и М. Н. Лукьянов. Последний обосновывает это положение тем, что взгляды Меньшикова базировались на основных установках консервативного мировоззрения. В частности, «главной антропологической посылкой консервативной политической позиции» автор называет «специфическое видение человеческой природы», за-

⁴⁹⁷ Филаткина Н. А. Указ. соч. С. 84.

⁴⁹⁸ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 9. 34.

ключающееся в подчеркивании несовершенства человека и его греховности. И автор на примере высказываний Меньшикова показывает, что он полностью разделял подобный взгляд на человека⁴⁹⁹. Следующей значимой консервативной установкой, вытекающей из первой, Лукьянов называет приоритет интересов общества и государства над правами и свободой отдельной личности и как следствие – положение о неизбежности социального неравенства, иерархической организации общества». И последнее, как показывает автор, неоднократно проповедовалось в публицистике Меньшикова⁵⁰⁰. Роднят Меньшикова с консерваторами, по мнению исследователя, и уверенность в «принципиальной несостоятельности демократии», и такие консервативные установки как «преемственность поколений», «люди, а не меры», «верховная власть должна находиться в руках монарха»⁵⁰¹.

Включив Меньшикова в число русских консервативных мыслителей, сотрудник СПб института истории РАН И. В. Лукоянов заключает свой анализ его политической позиции выводом о том, что «в целом взгляды Меньшикова... скорее разъединяли, чем объединяли» его с консервативным направлением⁵⁰², разделяя тем самым тезис о консервативно-либеральном синтезе, который был присущ как всей партии русских националистов, так и Меньшикову как одному из его ведущих идеологов. В качестве одной из причин непоследовательности Меньшикова в своих публичных высказываниях Лукояновым называется «его явная политическая ангажированность»⁵⁰³. Таким образом, Лукоянов продолжает линию советской историографии, настаивавшей на том, что Меньшиков являлся выразителем мнений определенных высших кругов власти.

Пожалуй единственным автором, отказывающимся отнести Меньшикова к числу консерваторов, является А. Рейтблат. Он исходит из положения о том, что российские консерваторы «во главу угла ставили, как правило, тот или иной аспект социальной жизни – государство (Катков), культурно-исторический тип... (Данилевский), церковь (Леонтьев, Победоносцев). Меньшиков же не может быть

⁴⁹⁹ Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914. Пермь, 2001. С. 17.

⁵⁰⁰ Там же. С. 19.

⁵⁰¹ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 20 – 21, 23, 51.

⁵⁰² Лукоянов И. В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX в.в.). СПб., 2003. С. 67 – 68.

⁵⁰³ Там же. С. 67.

причислен к консерваторам, так как он «трактовал общественные явления на основе биологических категорий и при этом был склонен не к консервации существующего, а к умеренному социальному реформаторству, мирно уживающемуся с расизмом, милитаризмом и ксенофобией...»⁵⁰⁴.

Отдельно следует остановиться на проблеме философских истоков мировоззрения Меньшикова. Эта тема поднималась еще современниками-оппонентами Меньшикова. Помимо всеми признанного увлечения учением Л. Н. Толстого, отмечалось его апеллирование непосредственно к Евангелию. Так же указывалась близость его понимания общественной жизни к органической теории непрерывного «приспособления» внутренних отношений к внешним условиям Г. Спенсера, проявлявшаяся, по мнению Неведомского, в виде «постоянных метафор по части организма, с которым отождествляется то народ, то отдельная человеческая личность, то душа человеческая...»⁵⁰⁵.

К моменту созыва третьей Государственной думы, как отмечал Шлемин, Меньшиков «окончательно распрощался с толстовством и был всецело увлечен идеями Ф. Ницше»⁵⁰⁶. Влияние идей Ницше на Меньшикова отмечали так же Д. А. Коцюбинский, называвший Меньшикова «младоницшеанцем»⁵⁰⁷, и А. В. Репников, усматривавший в ряде работ публициста «почти буквальное» воспроизведение «некоторых из формулировок» немецкого философа⁵⁰⁸.

Более детально разбирал этот вопрос А. Рейтблат. Он полагал, что, хотя Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский оказали на Меньшикова «определенное влияние», в целом он был «эпигоном модных западноевропейских философов и публицистов конца XIX века», сторонников таких теорий, как социал-дарвинизм, неомальтузианство, психологические направления, «занимавшиеся феноменом «толпы», проблемами массовой внушаемости (Лебон, Тард, Сигеле и т.п.)». Ключевой фигурой для понимания Меньшикова Рейтблат называет Макса Нордау – автора «теории о вырождении современного человека»⁵⁰⁹.

«Социал-дарвинистские мотивы» в интерпретации Меньшиковым социального неравенства прослеживает и М. Н. Лукьянов, отме-

⁵⁰⁴ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 8.

⁵⁰⁵ Неведомский М. Указ. соч. С. 106.

⁵⁰⁶ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 19.

⁵⁰⁷ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 64.

⁵⁰⁸ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 380.

⁵⁰⁹ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 8.

чая, что естественный отбор выступал для него «в качестве главного фактора социальной жизни», к которой он применял «последовательный органицистский подход»⁵¹⁰.

В отличие от М. Н. Каткова и А. С. Суворина, которые еще при жизни были широко известны за рубежом, Меньшиков почти не был удостоен внимания зарубежной историографии. Сказывалось здесь и более скромное по сравнению с предшественниками реальное влияние Меньшикова на общественно-политическую жизнь страны.

Показательно, что в работе профессора Колумбийского университета Р. С. Уортмана, посвященной российской монархии, автор неоднократно обращается к личности Каткова и Суворина, но Меньшиков упоминается им лишь один раз (он был процитирован в духе советской историографии в качестве иллюстрации мысли автора), причем его фамилия дана с ошибкой и только с одним инициалом⁵¹¹. А. В. Репников отмечает, что другой американский историк Уолтер Лакёр, упоминавший Меньшикова в своей монографии, посвященной истории черносотенных организаций, так же не избежал ошибки⁵¹². Он поместил Меньшикова в один ряд с Л. Тихомировым, определив обоих как «литераторов-монархистов», начинавших «свою политическую карьеру с террористами-народовольцами»⁵¹³. Так сотрудник газеты, пропагандирующей теорию «малых дел», превратился в террориста без всяких на то оснований.

Таким образом, подводя итог историографическому анализу проблемы, можно констатировать, что философские и общественно-политические представления Меньшикова были весьма эклектичны и он до конца своих дней так и не выработал в себе цельного мировоззрения. Даже в отношении собственной веры в Бога он не был уверен до последних своих дней, о чем свидетельствуют его дневниковые записи последних месяцев жизни. (Примечательна сама разница в постановке этого вопроса у Меньшикова и Суворина. Первый не был уверен в своей вере, а второй в самом существовании Бога).

⁵¹⁰ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 19, 20.

⁵¹¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. С. 576.

⁵¹² Репников А. В. История русского консерватизма в современных информационных войнах // Информационные войны. Научно-практический междисциплинарный журнал. 2009. № 1. С. 85.

⁵¹³ Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 46.

Глава 3. Историография позиции М. О. Меншикова по основным социально-политическим вопросам

Показанная нами выше неустойчивость мировоззрения Меншикова породила определенные колебания в его общественно-политической позиции. Это нашло свое проявление в противоречивости высказывавшихся им мнений по поводу конкретных событий и явлений. К сожалению, не все они нашли отражение в историографии. Однако ряд знаковых с точки зрения государственного национализма понятий в интерпретации Меншикова, хотя и не в равной мере, но все же представлен в имеющихся исследованиях.

Государственность и самодержавие

В дореволюционный период тема отношения Меншикова к государству и самодержавию никем не освещалась. В советские годы Меншиков априори объявлялся апологетом самодержавия. «Он обслуживал интересы самодержавия в период полного разложения последнего, – писал Д. И. Заславский. – Гниение режима пропитывало политическую гниль и все статьи Меншикова⁵¹⁴. Присутствовавшие в публицистике Меншикова отступления от ортодоксального монархизма в советской историографии не акцентировались, чтобы не размывать цельный негативный образ.

Одним из первых в отечественной историографии отношение Меншикова к государству рассмотрел П. И. Шлемин. В первой посвященной Меншикову монографии он прямо называл его «государственником» и отмечал, что российская государственность была для публициста «боготворимой»⁵¹⁵. Этот тезис он повторил в другой более обширной монографии, где пришел к выводу о том, что «меньшиковское отношение к государству обрело черты религиозного культа»⁵¹⁶. Именно этот тезис является, на наш взгляд, важным ключом к пониманию общей позиции Меншикова по всем социально-политическим вопросам. Нам представляется, что именно государственная польза, как ее понимал Меншиков, являлась отправной точкой в оценке всех других явлений и институтов.

Именно через призму идеи о сохранении, во что бы то ни стало, русской государственности становятся понятными отмечаемые Шлеминым постоянные рассуждения о «деградации общества и власти» и предостережения желающим отказаться от «имперской идеи ввиду

⁵¹⁴ Д. З. [Заславский Д. И.] Меншиков. Стб. 190.

⁵¹⁵ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 39, 17.

⁵¹⁶ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. С. 198.

"непрекращающихся козней инородцев"»⁵¹⁷. Так как «идея личной причастности и служения империи» лежала в основе русского национального характера, являясь, таким образом, началом, на котором базировалась русская государственность.

Вопрос о неоднозначном отношении Меншикова к самодержавию первыми в отечественной историографии подняли С. М. Санькова и Д. А. Коцюбинский. Последний, изучив большой корпус публицистики русских националистов, пришел к заключению, что Меншиков был единственным из них, кто допускал неоднозначные высказывания относительно «незыблемости» монархической формы правления в России. В подтверждение он приводит цитату из «Писем к ближним» за 1907 г., где публицист заявлял, что «монархия и нация вовсе не синонимы». Автор отмечал, что Меншиков тем самым обнажил внутреннюю противоречивость «националистской идеологической парадигмы», свидетельствуя о том, что в представлении русских националистов вопрос о самодержавии решался «с точки зрения рационально обоснованной рациональной пользы, а не с точки зрения иррационально утверждаемого самодержавного credo»⁵¹⁸. Отмечая противоречивость, в которой оказались националисты, признавая неограниченность самодержавия и в то же время приветствуя законодательную Думу, Коцюбинский указывает на то обстоятельство, что Меншиков вынужден был высказываться по данному вопросу весьма неопределенно⁵¹⁹. Именно в рассуждениях Меншикова Коцюбинский обнаруживает и наибольшую противоречивость в отношении к «феномену царского самодержавия». На основе анализа трех близких по времени написания статей Меншикова 1907 г. автор выделяет три разнящиеся между собой позиции публициста. В первом случае Меншиков считает самодержавие действительно неограниченным, но полагает, что такой вид государственной власти исторически себя изжил. Во втором – утверждает, что неограниченное самодержавие – это всего лишь "миф", никогда не имевший ничего общего с исторической действительностью. В третьем – солидаризируется с октябристским подходом к толкованию принципа самодержавной власти, «объявляя данный политический институт не противоречащим идее конституции»⁵²⁰. Думается, что подобная многозначность

⁵¹⁷ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. С. 51

⁵¹⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 154.

⁵¹⁹ Там же. С. 157 – 158.

⁵²⁰ Там же. С. 160 – 161.

вытекала из того обстоятельства, что Меньшиков так и не смог внутренне окончательно определиться в своем отношении к самодержавной власти.

Неопределенность по вопросу о соотношении парламентаризма и самодержавия проявилась в подходе к так называемому третьиюньскому перевороту. В целом, признавая право самодержца на государственный строй империи, Меньшиков полагал, что оно должно быть ограничено лишь в возможности упразднения представительного строя. В качестве иллюстрации этого положения Коцюбинский приводит афористичное высказывание Меньшикова: «Парламенты распустимы, но парламент не распустим»⁵²¹. При этом, как отмечал Коцюбинский, Меньшиков стремился доказать, что «представительно-монархическое» правление имеет в России исторические корни, ссылаясь на опыт Киевской и Московской Руси. Публицист утверждал, что «национально-русский тип государственности не есть абсолютная монархия, и «как только наша монархия дошла до тирании..., началась смута, народу пришлось деспотическую династию сменить другою...»⁵²².

Показательным является то отмечаемое Коцюбинским обстоятельство, что основные надежды по выведению страны из кризиса Меньшиков связывал в первую очередь не с монархом, а с «личностью премьер-министра». В представлении публициста именно глава правительства выполнял роль «политического вождя нации». Именно от него Меньшиков требовал «героизма» и «политического чудотворения»⁵²³.

Специфику Меньшикова как монархиста-националиста стремился выявить И. В. Лукоянов. Он пришел к выводу, что Меньшиков подходил к самодержавию «с точки зрения "национальной пользы" и был готов не только критиковать, но и, по-видимому, отказаться от него, если этот институт перестанет выполнять свои функции (но не отказаться от империи)»⁵²⁴. Мы вполне согласны с данным утверждением. С тем лишь уточнением, что по пути к данному пониманию монархии Меньшиков эволюционировал весь период своей публицистической деятельности и окончательно определил для себя, что империя для него важнее монархии лишь в тот период, когда вся страна

⁵²¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 165.

⁵²² Там же. 175.

⁵²³ Там же. С. 429 – 430.

⁵²⁴ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 67.

реально оказалась перед необходимостью выбора: либо монархия, либо государство. До этого момента можно утверждать, что для Меншикова монархия являлась олицетворением империи, так же как для Каткова и Суворина.

В дневниках Меншикова за 1918 г. встречается упование на Германию как на очистительную силу, которая в то же время наведет, наконец, порядок на нашем необустроенном отечестве⁵²⁵. Однако эта идея новых варягов появилась в сознании Меншикова не вдруг. На ее зарождение обратил внимание Шлемин, приведя в своем исследовании высказывание Меншикова, относящееся к 1907 г., о том, что «Германия в конце концов может почувствовать себя вынужденной навести порядок в огромной империи, которая прилегает к ней»⁵²⁶. Шлемин увидел в этой фразе некое мистическое пророчество о вторжении нацистской Германии в пределы советского государства. Нам же представляется для понимания эволюции взглядов Меншикова гораздо более важным то обстоятельство, что во имя водворения в государстве порядка он готов был признать любую силу, способную стать государственной властью.

Таким образом, и во взглядах Меншикова интересы государства как единого, организованного сильного организма являлись определяющими в отношении ко всем проявлениями общественно-политической жизни.

Противоречивость Меншикова в оценках первого русского парламента

Тема оценок Меншиковым российского парламентаризма в до-революционный период практически не освещалась или сводилась к политической дискуссии, в которой уже не могло идти речи об объективности оценок. Да и любые оценки только что созданного политического института не могли быть в строгом смысле объективными ввиду «абберации близости». Реагируя в силу публицистической специфики на постоянно изменяющиеся события, Меншиков не мог избежать противоречивости в оценках этих событий. Помимо этого, Меншиков часто пользовался чисто художественными приемами как в оценках конкретных исторических явлений, так и при описывании оптимальных с его точки зрения моделей новых социально-политических институтов, что вносит дополнительную сложность в

⁵²⁵ Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII - XX вв. Т. IV. М.О. Меншиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 53.

⁵²⁶ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 15.

определении его политической позиции. Показательными в этом плане являются мемуары С. Е. Крыжановского, опубликованные им в эмиграции. Касаясь периода октября 1905 г., он вспоминал: «Красноречивые статьи Меншикова увлекали многих, а он хотел видеть в Думе какой-то ареопаг мудрецов, в котором непременно заседали бы Лев Толстой, Короленко и т.п.»⁵²⁷.

В советский период тема отношения Меншикова к манифесту 1905 г. и двум первым Государственным думам практически не освещалась на фоне отсутствия общего интереса к личности Меншикова как незначительной фигуре. Оценка Меншиковым III Государственной думы в наибольшей степени нашла отражение в работах В. С. Дякина, посвященных истории России в период третьей ионьской монархии. По мнению исследователя, III Государственная дума не совсем удовлетворяла Меншикова, который в октябре 1909 г. призывал к новому изменению избирательного закона. Дякин особо акцентировал внимание на том, что выступление Меншикова совпало по времени с начатой крайне-правыми кампанией по пересмотру Основных законов «в сторону дальнейшего ограничения прав Думы»⁵²⁸. Таким образом, автор отводил нововременскому публицисту роль выразителя идей «легитимистской реакции», относя это определение не только к 1909, но и к марту 1910 г., когда Меншиков, сразу же после доклада Бобринского на съезде объединенного дворянства, в котором вновь в завуалированной форме содержались призывы к новому «3 июня», выступил со статьей «Кто у власти», которая «недвусмысленно намекала» на необходимость «изменения состава и правительства, и Думы»⁵²⁹.

После того как Совет объединенного дворянства решил «воздержаться от прямой атаки на Основные законы» и смягчил «тональность» доклада Бобринского, Меншиков стал призывать своих товарищей по партии отказаться от поддержки октябристов. Затем в статье «Общая неудача» он высказал мысли, прямо перекликающиеся с первоначальным вариантом доклада Бобринского, констатировав «неудачу с парламентом». Дякин, сообщая об этих фактах, выдвигает предположение о «неслучайности» подобной «переклички». Автор полагал, что Меншиков, предлагавший не ликвидировать Думу, но

⁵²⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, 1938. С. 48.

⁵²⁸ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. С. 151 – 152.

⁵²⁹ Там же. С. 195.

устранить из нее «всех инакомыслящих», выражал позицию большинства крайне-правых, осознавших, что Дума при условии, что они в ней займут большинство, «является важным фактором в их борьбе против бонапартистского курса правительства»⁵³⁰. В дальнейшем, по мнению Дякина, сотрудничество Меншикова с правительством продолжилось. Историк отмечал, что в августе 1908 г. «в печать проникли сведения, что влиятельные реакционные круги заказали М. О. Меншикову статью «Тихая революция», направленную против Думы»⁵³¹. Во время министерского кризиса апреля 1909 г. Меншиков повел атаку на октябристов и принял участие в попытке расколоть их думскую фракцию, что Дякин представляет частью кампании «легитимистской реакции» против Столынипа⁵³².

Вновь к теме отношения Меншикова к Государственной думе отечественная историография обращается лишь в постперестроечный период, когда возрастает интерес к истории российского парламентаризма в целом.

Из контекста исследований Шлемина вырисовывается картина весьма противоречивых оценок I и II Государственных дум нововременским публицистом, которые, однако, можно свести к следующему: парламент России нужен, но парламентариев следует тщательно отбирать по интеллектуальным, социальным и национальным признакам. В частности, Меншиков, в отличие от правительства, полагал необходимым «резко сократить представительство крестьян, одержимых иждивенческими ожиданиями»⁵³³.

Вслед за Дякиным, Шлемин приходит к выводу, что серия статей Меншикова 1907 г., содержащая критику парламента, имела своей целью подготовить общественное мнение к идее роспуска Думы и, помимо этого, продемонстрировать свою «осведомленность о планах правительства»⁵³⁴. Из контекста работы Шлемина вытекает и еще одна цель, которую преследовал Меншиков – подготовить общественное мнение к тому, что новая Дума станет представительством более узкой части населения России и сокращение будет осуществлено в первую очередь за счет инородцев⁵³⁵. Но и в отношении ве-

⁵³⁰ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. С. 196.

⁵³¹ Там же. С. 127.

⁵³² Там же. С. 138 – 139.

⁵³³ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. С. 50, 52 – 53, 56, 57.

⁵³⁴ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 13 – 14.

⁵³⁵ Там же. С. 14.

ликорусского населения Меньшиков считал необходимым уменьшить уровень демократизации представительства. Ратуя за "национальное представительство" в лице Государственной думы, - замечал Шлемин, - Меньшиков имел в виду представительство не всех, а "лучших"»⁵³⁶. Однако новый избирательный закон, как отмечал Шлемин, не удовлетворил Меньшикова, так как недостаточно урезал «избирательные права нерусского населения империи»⁵³⁷.

Касаясь вопроса об отношении ВНС к манифесту 17 октября, Коцюбинский приходит к выводу, что Меньшиков в данном вопросе, хотя и не избежал типичной для него противоречивости, но в целом оценивал этот акт положительно⁵³⁸. Автор отмечал, что Меньшиков, как и все его соратники по партии, придерживался «общелиберального» лозунга «бережения Думы»⁵³⁹ и настаивал на необходимости именно законодательного статуса российского парламента⁵⁴⁰. Однако Коцюбинский отмечал, что, являясь одним из «наиболее активных защитников идеи законодательного представительства среди публицистов ВНС», Меньшиков, в то же время «периодически впадал в состояние идейной неопределенности»⁵⁴¹. К примеру, он предлагал ввести в Основные законы «определение парламента не как борющейся стороны, а как помогающей»⁵⁴².

В качестве основных политических задач, которые, по мнению Меньшикова была призвана решить Государственная дума, Коцюбинский выделяет следующие: «профилактика новой революции», защита интересов русского населения на всей территории империи, пробуждение национального духа русского народа⁵⁴³. Из двух последних требований логично вытекал тезис о том, что «Государственная дума есть представительство империи и народа русского и никаких иных»⁵⁴⁴. Именно «антинациональность» и «революционность», как отмечал Коцюбинский, вменялась Меньшиковым в вину первым двум Думам. В силу этого обстоятельства публицист на про-

⁵³⁶ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 18.

⁵³⁷ Там же. С. 16.

⁵³⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 88.

⁵³⁹ Там же. С. 176.

⁵⁴⁰ Там же. С. 178 – 179.

⁵⁴¹ Там же. С. 181.

⁵⁴² Там же. С. 431 – 432.

⁵⁴³ Там же. С. 184 – 185.

⁵⁴⁴ Там же. С. 187.

тяжении 1906 – 1907 гг., как указывает Коцюбинский, – подверг обстоятельной критике избирательный закон 11 декабря 1905 г., неоднократно особо отмечая неприемлемость допущения в российский парламент таких инородцев, которые не скрывая объявляют себя «врагами русской государственности»⁵⁴⁵.

Отношение к дворянству. Теория элиты.

Тема отношения Меншикова к дворянскому сословию получила впервые освещение в советской историографии. В ходе анализа взаимоотношений дворянства и самодержавной власти в третьей июньский период вопроса отношения Меншикова к дворянству касался Ю. Б. Соловьев. Он указывал, что во время первого дворянского съезда нововременский публицист возглавил «кампанию афиширования дворянства как ведущей силы». Как указывает автор, Меншиков в своих статьях провозглашал дворянство «выдвинутым самой историей вождем, которому по природному праву предназначалось вести за собой страну». Из контекста работы Соловьева следовало, что подобное отношение к дворянству вытекало не только из соображений политической конъюнктуры, но и из собственных представлений Меншикова, противопоставлявшего бюрократической власти управление, «находящееся в руках общественной элиты», которое во все века, по его мнению, было наиболее эффективным⁵⁴⁶.

Тенденциозность, с которой составлялись издававшиеся в конце XX – начале XXI вв. сборники статей Меншикова, привела Ю. М. Каграманова, опиравшегося в своих оценках публициста лишь на эти современные издания, к несоответствующему действительности заключению о том, что Меншиков выступал с жестокой критикой дворянства⁵⁴⁷. Данная ошибочная оценка стала возможна еще и в свете отмечавшейся нами выше противоречивости высказываний Меншикова по тем или иным вопросам, доходящей до крайних противоположностей. В то же время Каграманов отмечал, что идеалом Меншикова был «героический аристократизм (понятый как способ существования всех слоев общества)»⁵⁴⁸. На эту особенность мировоззрения Меншикова обратил внимание и А.В. Репников, указывавший, что в каждом социальном слое, по мнению публициста, должны выдвигаться только лучшие, прошедшие естественный от-

⁵⁴⁵ Там же. С. 190.

⁵⁴⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л., 1990. С. 33 – 34.

⁵⁴⁷ Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 17.

⁵⁴⁸ Там же. С. 18.

бор; именно они составят новую аристократию. Уже после Октябрьской революции Меньшиков вывел причину гибели России из «истощения власти», то есть аристократии, и перечислил способности, которыми должны были быть наделены истинные аристократы, «не по титулу только, а по существу»⁵⁴⁹.

Более детально изучавший работы Меньшикова в первоисточниках П. И. Шлёмин, вслед за Ю. Б. Соловьевым, пришел к выводу о том, что дворянство «оставалось козырной картой» в политических планах Меньшикова, который именно в нем видел залог будущего возрождения России⁵⁵⁰. Но и в данном вопросе автор прослеживает изменение взглядов публициста, отмечая, что он разуверился в «созидательных» силах дворянства. Именно с этим поворотом Шлемин связывает переход Меньшикова от критики реформ П. А. Столыпина к их полной поддержке. От себя заметим, что это переход, совпавший по времени с возникновением партии русских националистов и ее объединением с умеренно-правыми, связан и с политической конъюнктурой, которая, с одной стороны убеждала в прочности позиций Столыпина при дворе, с другой – показывала необходимость для премьера политической силы, на которую он мог бы опереться в своих преобразованиях⁵⁵¹. Меньшиков поверил в Столыпина и решил, на тот период, оказывать ему поддержку.

В русле консервативного принципа «социальной иерархии» трактовал позицию Меньшикова по рассматриваемому вопросу А. В. Репников. Он отмечал, что история представлялась публицисту борьбой аристократического и демократического начал. Настаивая на необходимости отбора «лучших» и «наиболее способных», – указывал автор, – Меньшиков подчеркивал, что столь необходимый «естественный отбор» искажается «идеей равенства и общедоступности всего для всех». Репников также обращал внимание на то обстоятельство, что в устах Меньшикова, как и у большинства консерваторов, слово «буржуазия» приобретало «оттенок презрения», приводя характерное противопоставление публицистом октябристского «буржуазного» идеала «героическому» идеалу националистов и «их правых соседей»⁵⁵².

⁵⁴⁹ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 380 – 381.

⁵⁵⁰ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 12.

⁵⁵¹ Подробнее об этом см.: Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза. С. 85 – 88.

⁵⁵² Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). С. 118 – 119.

Значение, которое Меншиков придавал «аристократии духа», парадоксальным образом проступает в критике этой самой аристократии, отмечаемой другим исследователем русского консерватизма М. Н. Лукьяновым. В минуты пессимизма Меншиков склонен был видеть корень всех бед России именно в утрате «национального правящего класса»⁵⁵³ или, иными словами, в разрушении национальной элиты, указывая таким образом, что все остальное население не в состоянии уравновесить этой диспропорции.

Отношение к народу.

Из теории элиты органично вытекает отношение Меншикова к простому народу. Противоречивость и нелогичность построений Меншиковской публицистики играет с ним в этом вопросе дурную шутку, которую впервые заметил его оппонент-современник из «Русской мысли» М. А. Протопопов. Анализируя известную работу Меншикова «Думы о счастье», он обнаруживает двойственное отношение публициста к такому, казалось бы, бесспорно положительному для русского крестьянства факту как отмена крепостного права: «С раскрепощением крестьян, - писал Меншиков, - была разорвана, хотя и безобразная, но вековая политическая связь народа с высшими классами; всадник сброшен с коня, оба свободны, но оба уже чужды и не нужны друг другу. Крепостное право должно было исчезнуть, но на место дурного связывавшего начала нужно было бы создать хорошее, выгодное для обеих сторон...»⁵⁵⁴. Приводя данный опус, Протопопов справедливо замечает, что подобные рассуждения носят не публицистический, а скорее поэтический характер: «Его воображение прельстилось образом коня-народа и всадника-высших сословий. /.../ Дворянство... сидит верхом на крестьянстве – как красиво! Какой могучий центавр! Какое дивное единение сословий! «Всадник сброшен с коня» и что же вышло? «Оба чужды друг другу», - какое же тут общее благо и какая же справедливость! Как тут спорить, что тут сказать? Разве только одно: г. Меншиков, осведомитесь у «коня», которого вы так любите, очень или не очень скучает он по своему всаднику, очень или не очень хочет, чтобы его вновь взнуздали и оседлали?». Хотя данный вопрос так и остался в свое время риторическим, однако уже в наше время, обращаясь к этой теме, ряд историков убедительно показали, что Меншикова менее всего интересовали мнение и желания самого народа.

⁵⁵³ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 72.

⁵⁵⁴ Цит. по: Протопопов М. А. Публицист-идиллик. С. 158 – 159.

Тему неоднозначного отношения Меншикова к крепостному праву уже в наши дни развивали Ю. М. Каграманов⁵⁵⁵, А. В. Репников и М. Н. Лукьянов. Последний обращал внимание на то обстоятельство, что публицист рассматривал его как естественное проявление «аристократического принципа» в действии. В этой связи очень важным является отмеченное исследователем восприятие Меншиковым принуждения к труду «в том или ином виде» как «блага», причем неизбежного⁵⁵⁶.

Проблема «народа» в России начала XX в. неизбежно вызывала к обсуждению аграрный вопрос. Воплощения этой темы в публицистике Меншикова касался в своей монографии Коцюбинский. Он находил у идеолога русских националистов высказывания, относящиеся еще к периоду революции 1905 – 1907 гг. и указывающие на то, что публицист уже тогда полагал, что благополучное развитие России во многом зависит от решения аграрного вопроса⁵⁵⁷. Касаясь идеи принудительного отчуждения земель, автор отмечал изменение позиции публициста, произошедшее буквально в течение двух месяцев с момента так называемого третьеиюньского переворота: от активной поддержки до признания этой меры возможной лишь в особо исключительных случаях и за адекватное вознаграждение. К сожалению, Коцюбинский не останавливается на причинах подобного резкого изменения позиции по одному из основных вопросов российской действительности, но он отмечал, что, выказывая охлаждение к идее принудительного отчуждения, Меншиков ссылаясь на позицию П. А. Столыпина и «Основные государственные законы»⁵⁵⁸.

Отношение к церкви.

Современные авторы, стремящиеся представить Меншикова исключительно в положительном свете, неизменно акцентируют его приверженность православию. Однако дальше констатации этого факта никто из них не идет. Даже в предисловии к тематическому сборнику статей Меншикова, целиком посвященному вопросам «церкви и веры», И. Р. Шафаревич не говорит ничего конкретного о взглядах Меншикова на проблемы современной ему РПЦ. Между тем еще при жизни публициста протопресвитер военного и морского духовенства Е. П. Аквилонов выступал в печати против незаслуженных, по его мнению, обвинений в адрес православного духовенства⁵⁵⁹. Как отме-

⁵⁵⁵ Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 18.

⁵⁵⁶ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 19.

⁵⁵⁷ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 357.

⁵⁵⁸ Там же. С. 366 – 367.

⁵⁵⁹ Аквилонов Е. П. Так ли мы виноваты?

чает в своем исследовании П. Б. Стукалов, представители духовенства критиковали Меньшикова и за его попытки «интерпретации Библии в духе антисемитизма»⁵⁶⁰, приводя в качестве примера критику Меньшикова Н. Н. Спасским, писавшим, что «юдофобов на Библии можно воспитать только при условии, если ее будут толковать так произвольно и односторонне, как это делает Меньшиков»⁵⁶¹.

На неоднозначность позиции Меньшикова в отношении веры и церкви указывает и ряд других современных исследователей, стремящихся воссоздать объективную картину представлений публициста. Выступая против некритического прочтения работ Меньшикова и стремясь показать неоднозначность взглядов публициста на те идеи, проповедником которых его стали пытаться представить в последнее десятилетие, Каграманов указывает на «шаткость его мировоззренческих оснований». В частности, автор обращает внимание на то обстоятельство, что при большом количестве высказываний о христианстве и «важности веры» Меньшиков выдает собственное слабоверие рассыпанными в его текстах замечаниями, указывающими зачастую на «языческий уклон» публициста⁵⁶².

Касаясь взглядов Меньшикова на вопрос о реформировании РПЦ, Коцюбинский выявляет типичное для публициста своеобразие и противоречивость воззрений. Так, в начале работы III Государственной думы Меньшиков детально обосновывал тезис о неготовности в настоящее время русского народа к церковной реформе и высказывал равнодушие к идее церковного Собора. Однако ко времени первого собрания представителей ВНС в 1912 г. Меньшиков был уже в числе сторонников восстановления патриаршества. При этом Коцюбинский отмечал, что Меньшиков позволял себе и «не вполне ортодоксальное истолкование общих религиозных проблем»⁵⁶³. Причину подобных метаморфоз автор усматривает в отсутствии у большинства идеологов ВНС, в том числе и Меньшикова, искренних религиозных чувств «по отношению к РПЦ в ее существующем виде». Коцюбинский полагал, что Меньшиков, в ряду других националистов, выступал за сохранение особого положения РПЦ «исключительно по соображениям национально-державного прагматизма»⁵⁶⁴.

⁵⁶⁰ Стукалов П. Б. Указ. соч. С. 252.

⁵⁶¹ Спасский П. Н. В защиту ветхозаветных патриотов. Беседы по поводу статьи М. О. Меньшикова «Читайте библию». Новгород, 1914. С. 5.

⁵⁶² Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 18.

⁵⁶³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 416, 420.

⁵⁶⁴ Там же. С. 425.

На то обстоятельство, что Меньшиков воспринимал религию не как самоценность, а как средство для достижения определенного национал-социального идеала, обращал внимание и А. В. Репников, отмечая осознаваемое публицистом несовершенство человека, неспособного вне нравственно-религиозной опоры совершенствоваться самому и соответственно позитивно изменять общество⁵⁶⁵.

Еще более акцентировал прагматизм Меньшикова в отношении к вопросам веры А. Рейтблат. Он утверждал, что, «несмотря на свои многочисленные замечания о значимости религии», Меньшикова не интересовали «ни христианское вероучение в качестве божественного откровения, ни этический пафос христианства». Автор полагал, что в основе мировоззрения Меньшикова лежало не христианство, «а скорее пессимистическая философия Шопенгауэра, с ее «волей к жизни» и обоснованием «войны всех против всех»». Христианство же, по мнению Рейтבלата, привлекало его лишь в той мере, в которой оно было способно решать «социальные задачи»⁵⁶⁶.

Прогрессирующий скептицизм в оценке Меньшиковым «государственной церкви» отмечал П. И. Шлемин⁵⁶⁷.

То, что Меньшиков неоднократно давал основания для подобных выводов явствует из работы А. В. Репникова. В качестве примера исследователь приводит статью от 19 января 1917 («Не любят правды»), в которой публицист писал о духовенстве, которое «само виновато в дурных общественных нравах, отравляющих между прочим и печать». Вывод публициста таков: «Никаких *особенных* заслуг у духовенства я не вижу, а “влияние” его на народ вижу... в общем *тысячелетнем* итоге очень неважное влияние». Не отрицая существования «добрых, почтенных и религиозных» священников и особо отмечая Иоанна Кронштадтского, Меньшиков полагает, что тот «был таким священником, каким должны бы быть все... не осталось после его ни одного ученика и преемника его роли среди духовенства... Хотелось бы около имени о. Иоанна могучего религиозного подъема и облагорожения самых нравов народных, но этого-то как раз и не заметно»⁵⁶⁸.

⁵⁶⁵ Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России. С. 93 – 94.

⁵⁶⁶ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 6.

⁵⁶⁷ Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. С. 198.

⁵⁶⁸ Цит. по: Репников А.В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени». С. 94, 95.

Глава 4. Историографические представления о партийно-идеологических взглядах М. О. Меньшикова

При всей неоднозначности оценок Меньшикова современниками и историками и спорности определения его политической принадлежности неизменной является констатация его приверженности идеям национализма. Можно с уверенностью сказать, что национальная идея стала визитной карточкой нововременского публициста. Она же стала основанием для приговора, который более чем на полвека породнил Меньшикова с «черной сотней». Следует отметить, что при всей тенденциозности В. И. Ленина, заклеймившего Меньшикова «певцом черной сотни», данное определение было не лишено основания именно применительно к национальному вопросу, что наглядно продемонстрировала позиция Меньшикова в деле Бейлиса⁵⁶⁹. В то же время и в национальном вопросе, как и в других темах, освещавшихся Меньшиковым, имеет место присущая ему непоследовательность и противоречивость.

Современники Меньшикова практически не касались вопроса его участия в создании партии русских националистов. Связано это было не в последнюю очередь с тем, что и сам Меньшиков вскоре после организации ВНС стал проводить грань между партийными и его личными взглядами, стремясь дистанцироваться от собственного детища. Позиционирование себя как публициста, не связанного ни какими политическими партиями, было вполне объяснимо с точки зрения газетной конъюнктуры.

Единственной работой, в которой упоминается о партийной деятельности публициста, является альбом биографий современников, написанный Н. И. Афанасьевым. Ввиду того, что он был опубликован всего год спустя после образования ВНС, его автор судил об этом новообразовании в духе первоначальных планов самого Меньшикова

⁵⁶⁹ Подробнее см. об этом: Санькова С. М. Как дело Бейлиса превратилось в дело Шульгина // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М., 2004. С. 95-110; Она же. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса // История государства и права. 2008. № 19. С. 21 – 23; Репников А.В. Дело Бейлиса и его критики в «правом лагере» // Проблемы этнофобии в контексте массового сознания. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М., 2004. – С. 90 – 94; Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; Коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. — М., 2010. С. 20 – 23.

относительно этой организации. «Чуждый политических партий, образовавшихся в последнее время, – писал автор, – Меньшиков явился проповедником русских национальных интересов и инициатором «Всероссийского национального союза», образовавшегося в 1908 г.». Подтверждением тому, что ВНС воспринимался Афанасьевым не как политическая партия, а как некая общественная организация, служит перечисление других организаций, которые, по мнению автора, «отчасти его же статьями вызваны к жизни». Это «Общество трезвости», «Общество борьбы с детской смертностью» и «Всероссийское общество св. Ольги»⁵⁷⁰.

Вопрос участия Меньшикова в создании партии русских националистов в советский период оставался практически вне поля зрения отечественных историков, так же как и сама партия, которую рассматривали в качестве одной из черносотенных организаций. Лишь в работах А. Я. Авреха обращалось внимание на его участие в создании ВНС.

Вполне закономерно, что партийная сторона деятельности Меньшикова стала привлекать к себе внимание лишь по мере роста интереса непосредственно к ВНС, что связано в первую очередь с появлением в начале XXI в. исследований, посвященных этой партии⁵⁷¹.

До этого момента тема взаимоотношения Меньшикова и ВНС рассматривалась лишь вскользь. В небольшой монографии Шлемина 1993 г., посвященной специально анализу позиции Меньшикова по национальному вопросу, тема взаимоотношения публициста с ВНС автором не рассматривалась. Упоминалось вскользь лишь о его «лицемерном» демонстративном отрешивании в печати от черносотенного движения и участия в написании устава ВНС. В монографии 1997 г. Шлемин указывал на то обстоятельство, что «грань между публицистикой и политикой весьма условна» и Меньшиков, являясь «одним из основателей и идеологов ВНС», в то же время «не считал себя связанным узами направленной программы и дисциплины, порой жестко дискутируя с думской фракцией своих "единоверцев"»⁵⁷².

⁵⁷⁰ Афанасьев Н. И. Указ. соч. С. 175.

⁵⁷¹ Коцюбинский Д. А. Всероссийский национальный союз. Формирование организационно-идейных основ (1907 – 1917). Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1998; Он же. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза; Санькова С. М. Всероссийский национальный союз: образование и деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2001; Она же. Русская партия в России.

⁵⁷² Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. С. 25.

Впервые более основательно вопрос о роли Меншикова в образовании ВНС освещался Д. А. Коцюбинским, посвятившим свое исследование идеологическим основам партии. Он отмечает значительность этой роли, которая заключалась в «идейно-организационной консолидации русских националистов» на начальном этапе формирования партии⁵⁷³, а также называет его в качестве одного из партийных идеологов⁵⁷⁴. В то же время автор предостерегает от преувеличения «идейного влияния» публициста «на коллег по организации русской национальной партии», ссылаясь в подтверждение своей позиции на мнения как однопартийцев Меншикова, так и его самого⁵⁷⁵.

Не обращаясь непосредственно к анализу политической позиции Меншикова, Коцюбинский дает основание трактовать их как национал-либерализм не только в силу применения этого термина ко всей партии, но и в связи с планами Меншикова расширять ряды ВНС не за счет организаций, стоящих справа от него, а путем привлечения на свою сторону «любящих родину октябристов», а затем, как определяет Коцюбинский, «политически подмять под себя всю рядовую массу русских либералов, включая их не только умеренную, но так же радикальную часть»⁵⁷⁶. В другом месте Коцюбинский в подтверждение своей позиции приводит заявление Меншикова о том, что новый союз стремится привнести в политическую жизнь России начала «истинного либерализма»⁵⁷⁷. Характеризуя представления Меншикова о методах работы национального союза, Коцюбинский отмечал, что «политизированный и парламентско-ориентированный характер» партийной деятельности публицист стремился завуалировать за акцентированием внимания общественности на предполагающейся «пропагандистско-просветительной» направленности деятельности Союза на местах⁵⁷⁸.

Автор другого исследования по истории ВНС С. М. Санькова обращала внимание на политический контекст возникновения этой партии. Автор пришел к выводу, что первоначально на ВНС планировал опереться С. Ю. Витте. В лице Меншикова он на короткий срок нашел себе сторонника, критиковавшего через «Новое время» на

⁵⁷³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 45.

⁵⁷⁴ Там же. С. 73.

⁵⁷⁵ Там же. С. 46.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Там же. С. 52.

⁵⁷⁸ Там же. С. 59 – 60.

всю страну деятельностью Столыпина. Однако, убедившись, что новый премьер имеет еще довольно прочные позиции, Меньшиков поддержал идею объединения ВНС с ориентированной на Столыпина партией умеренно-правых. Разрыву Меньшикова и Витте способствовало то, что пайщиками «Нового времени» стали октябристы А. И. Гучков и Н. Н. Шубинский, оппозиционно настроенные к экс-премьеру. Таким образом, автор приходит к заключению, что Меньшиков никогда не был политиком в строгом смысле этого слова, а был всегда в первую очередь журналистом, для которого на первом месте стоял читательский спрос⁵⁷⁹.

Составитель серии сборников работ М. О. Меньшикова М. Б. Смолин в издании 2004 г. называет нововременского публициста «главным идеологом» ВНС, давая этому утверждению весьма специфическое обоснование – статьи Меньшикова, представленные в данном сборнике⁵⁸⁰. В этом же сборнике Смолин приводит краткую историю ВНС, причем ссылаясь лишь на дореволюционные работы самих националистов, что подчеркивает некритическое понимание автором как деятельности этой партии, так и роли в этой деятельности Меньшикова. Характерно, что в статье Смолина о Меньшикове, опубликованной в 2003 г. в издании О.А. Платонова начисто отсутствует список литературы; хотя статьи о Меньшикове уже выходили, они остались незамеченными автором⁵⁸¹. В книге Смолина 2005 года вся литература к статье о Меньшикове была представлена только одной книгой... самого Смолина⁵⁸². Отсутствие опоры на современные научные исследования приводит Смолина к явным историческим ошибкам. Так, в предисловии к сборнику работ Меньшикова 2007 г. он называет ВНС «детищем» П. А. Столыпина⁵⁸³, явно путая его с партией умеренно-правых, которая действительно была создана не без участия премьера. Но и применительно к последней партии термин «детище» не корректен, что аргументированно показано в исследовании С. М. Саньковой⁵⁸⁴.

⁵⁷⁹ Санькова С. М. Русская партия в России. С. 62.

⁵⁸⁰ Смолин М. Б. Апология русского империализма // М. О. Меньшиков. Национальная империя. С. 5.

⁵⁸¹ См.: Смолин М.Б. Меньшиков М.О. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. С. 447.

⁵⁸² См.: Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. – М.: Имперская традиция, 2005. С. 281.

⁵⁸³ Смолин М. Б. Гений десятой музы // Меньшиков Михаил Осипович. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. С. 10.

⁵⁸⁴ Санькова С. М. Русская партия в России. С. 62, 85 – 86.

В упоминавшемся нами диссертационном исследовании П. Б. Стукалов, признавая определенное «самоустранение» публициста из активной партийной деятельности, в то же время полагает, что значение его фигуры «для русского национализма было поистине огромным», так как он «выступал в качестве главного партийного теоретика» и «играл роль своеобразного "корректора"» деятельности ВНС, «формулируя магистральные тактические цели и задачи, борясь за сохранение единства политической организации националистов»⁵⁸⁵.

Современники Меншикова, касавшиеся темы его националистических взглядов, как правило, ограничивались их констатацией. Исключением является работа П. Б. Струве, в которой он пытался охарактеризовать и классифицировать взгляды Меншикова по национальному вопросу. Поставленная автором задача была связана со стремлением Струве доказать, что сам по себе национализм не только не вреден, но насущно необходим для российской государственности, но этот национализм не имеет ничего общего с тем, который проповедовался Меншиковым.

Стремясь доказать, что подлинный национализм гораздо ближе к либерализму нежели к консерватизму, П. Б. Струве рассматривал Меншикова как яркого выразителя «национализма реакции», который не мог быть ничем иным как выступлением против различных национальностей, начиная с антисемитизма, и олицетворял собой «идейное убожество тех, кто отстаивает дело реакции»⁵⁸⁶. «Ужасные фальсификации государственности и национализма, которыми "Новое время" продолжает отравлять своих читателей» Струве расценивал как «величайшее препятствие для выработки нового государственно-национального сознания». По его мнению, «Новое время» приносило в жертву сиюминутным интересам «государственную будущность России»⁵⁸⁷.

В советский период в отечественной историографии понятие «национализм» само по себе рассматривалось как явление негативное, не требующее комментариев. Однако следует отметить замечание советского исследователя третьей четверти периода русской истории А. Я. Авреха, характеризовавшего национализм Меншикова

⁵⁸⁵ Стукалов П. Б. Указ. соч. С. 29.

⁵⁸⁶ Струве П. Б. Поверх текущего момента // *Patriotika*. С. 89 – 92.

⁵⁸⁷ Струве П. Б. Клевета на предков, и на конституцию // *Patriotika*. С. 105.

как принявший «свирепую зоологическую форму»⁵⁸⁸. С одной стороны, можно было объяснить подобную формулировку знаменитым нелицеприятным высказыванием в адрес Меньшикова В. И. Ленина, однако, как мы покажем в дальнейшем, современные исследователи данного аспекта публицистики Меньшикова при более детальном анализе его работ приходят к схожим трактовкам.

Современные авторы, стремящиеся представить Меньшикова исключительно в позитивном свете, вычленивают из его публицистического наследия лишь одну грань в понимании национального вопроса, приводя его отвлеченные философские высказывания на данную тему. Так А. А. Гумеров и М. Б. Поспелов стремились показать, что «Меньшиков рассматривал национализм в гораздо более широком культурологическом контексте, как «развитие в себе наивысшей человечности»»⁵⁸⁹, а Шафаревич утверждал, что в основе всей публицистики лежали «принципы защиты русских национальных интересов»⁵⁹⁰.

Изучая взгляды Меньшикова по национальному вопросу, Шлемин исходил из представлений о том, что гуманистические ценности с приоритетом личностного начала над общественным и традиционным априори являются наиболее правильными⁵⁹¹. Исходя из этих представлений, которые были достаточно типичны для постперестроечного периода демократических преобразований в Российской Федерации, автор заявлял, что подходы публициста к данной проблематике «зачастую не выдерживают критики», не поясняя при этом своего положения. Но Шлемин отдавал и должное Меньшикову в том, что именно им было собрано огромное количество материала, позволяющего «приблизиться к пониманию происходившего в данной сфере»⁵⁹².

Собственно меньшиковскую позицию по национальному вопросу П. И. Шлемин трактует в духе П. Б. Струве как национализационизм, который в конечном счете мог только навредить русским, так как лишал людей «права выбора посредством навязывания им национальных стандартов и реанимируемых традиций». Автор полагал, что Меньшиков, «ограждая китайской стеной все «исконно-русское» от чуждых веяний, невольно расписывался в неконкуренто-

⁵⁸⁸ Аврех А. Я. Царизм и теретьеиюньская система. С. 82.

⁵⁸⁹ Гумеров А. А., Поспелов М. Б. Меньшиков. С. 146.

⁵⁹⁰ Шафаревич И. Р. Встающий из небытия // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). С. 5.

⁵⁹¹ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 31.

⁵⁹² Там же. 30.

способности того, что он защищает»⁵⁹³. Шлемин отмечал, что «национальное "очищение" Меншиков считал неременной предпосылкой решения важнейших политических, социальных и экономических проблем»⁵⁹⁴. И в первую очередь, это «очищение», по мысли Меншикова, должно было коснуться «господствующих классов». Данную позицию Шлемин определил как «национал-радикализм» и усмотрел параллели между требованиями Меншикова и методами «административно-карательной хирургии» советского государства. «В этих каннибальских рецептах "решения национального вопроса" уверенно различаются и контуры административно-территориального устройства будущего СССР, и практика депортации целых народов, равно как и государственный антисемитизм»⁵⁹⁵. В то же время, автор отмечал, что со временем в результате изучения «проблем международной политики» в национал-изоляционистской позиции Меншикова «наметилось смягчение»⁵⁹⁶.

Патриотизм Меншикова представлялся Шлемину «синонимом ксенофобии», проявлявшейся периодическими «приступами» на страницах «Нового времени». Автор полагал, что призывы «сплотиться на основе туманных и неоднозначных принципов национального единства» в условиях «растворения» российского общества среди множества классовых, сословных, групповых и других интересов, «повисали в воздухе»⁵⁹⁷. В то же время, автор отмечал, что, «будучи искренним, неподдельным патриотом, писатель, то отказывал соотечественникам в праве называться народом, то упрекал в "недостатке ума"»⁵⁹⁸.

Обращал внимание Шлемин и на непоследовательность Меншикова в вопросе об ассимиляции малых народов, который то рассматривался им как способ решения национальных проблем, то представлялся недопустимо пагубным для русской нации⁵⁹⁹.

Занимаясь изучением трудов теоретиков русского национализма, Д. А. Коцюбинский пришел к выводу, о том, что Меншиков более других авторов уделял внимание «рассмотрению биологических факторов национального становления». Однако, приведя несколько

⁵⁹³ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 10.

⁵⁹⁴ Там же. С. 24.

⁵⁹⁵ Там же. С. 26.

⁵⁹⁶ Там же. С. 28.

⁵⁹⁷ Там же. С. 12.

⁵⁹⁸ Шлемин П.И. Меншиков: мысли о России. С. 62.

⁵⁹⁹ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 19.

цитат публициста, историк не развивает этот тезис⁶⁰⁰. Тем не менее, далее мы находим у автора косвенные указания на то, что биологизаторский подход приходил в рассуждениях Меньшикова в противоречие с используемым им же культурологическим подходом.

Касаясь проблемы толкования идеологами национализма понятий «нация» и «народ», Коцюбинский пришел к выводу о том, что публицист так и не смог прийти к единому устоявшемуся их пониманию и трактовке⁶⁰¹. Применительно к русскому народу в целом в исследовании Коцюбинского можно выделить следующие положения Меньшикова: акцентирование своеобразия и отличия от других европейских народов, утверждение их большей одаренности по сравнению с другими народами, населяющими Российскую империю. В то же время, как отмечал автор, Меньшиков «наиболее всесторонне», по сравнению с другими идеологами ВНС, рассмотрел «проблему гражданской несостоятельности русского народа»⁶⁰². Признавая «ценность высказываний» Меньшикова по данному вопросу, Коцюбинский на трех страницах приводит ряд обширных цитат публициста, к сожалению, никак не резюмируя процитированное. От себя отметим, что общий смысл приведенных Коцюбинским высказываний может быть сведен к следующему: виновниками всех негативных сторон российской действительности являются все без исключения слои и сословия русского населения, не желающие каждый на своем месте добросовестно выполнять свое предназначение. Однако, как отмечал автор, кроме субъективных «биолого-антропологических причин русского гражданско-политического неблагополучия» Меньшиков усматривал и объективные исторические причины. Среди них – негативное влияние «иностранцев и инородцев» и «негативное воздействие природных и геополитических условий»⁶⁰³.

Касаясь проблемы сепаратизма, Коцюбинский причислял Меньшикова к числу тех националистов, которые считали малорусский и белорусский сепаратизм «самыми опасными» в силу их «искусственности»⁶⁰⁴. При этом Меньшиков, как отмечал исследователь, убеждал общество в том, что украинофильство чуждо простому малороссий-

⁶⁰⁰ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 100 – 101.

⁶⁰¹ Там же. С. 104 – 105.

⁶⁰² Там же. С. 123.

⁶⁰³ Там же. С. 127 – 129.

⁶⁰⁴ Там же. С. 295.

скому народу⁶⁰⁵. Среди аргументов против политического обособления Малороссии Меньшиков разделял тезисы, как формулирует их Коцюбинский, об «отсутствии у малороссов самостоятельного государственного прошлого», «потенциальной несостоятельности украинской государственности», общей с Великороссией национальной историей и культурой. Помимо этих аргументов, Меньшиков, апеллировал и к примерам европейских государств, в первую очередь Германии⁶⁰⁶. Белорусский же сепаратизм, по мнению Коцюбинского, не вызывал у Меньшикова особых опасений, как недостаточно серьезный⁶⁰⁷.

Вредное влияние инородцев Меньшиков, как отмечал Коцюбинский, усматривал в первую очередь в «деструктивном воздействии на устои русской государственности» и «"паразитизме" во всех сферах общественной и государственной жизни»⁶⁰⁸. Однако при этом Меньшиков, как и другие русские националисты, распространял подобные обвинения не на всех инородцев, а лишь на тех, кто проявлял враждебность по отношению к российскому государству⁶⁰⁹. Для них националисты, в том числе и Меньшиков, требовали ограничение в правах.

Помимо «еврейского вопроса», о котором мы скажем далее особо, в идеологии националистов, в том числе и Меньшикова, еще одна нация находилась под подозрением – «русские немцы». Им публицист вменял в вину, наравне с евреями, «засилье» в сфере «административно-государственного управления». Помимо этого публицист стремился разоблачить «миф о традиционной немецкой служебной добродетельности». Признавая, что «первое нашествие инородцев было из людей более даровитых, чем последнее», он доказывал, что следующие волны немецкой эмиграции состояли из никчемных людей⁶¹⁰.

Касаясь проблемы Западного края, Коцюбинский отмечал, что Меньшиков, в отличие от большинства националистов, находился «в русле концепции "примирения" России и Польши»⁶¹¹. Он склонялся к мысли о недостижимости и нежелательности полной культурной русификации поляков, так как в данном случае, как выражался публицист, «сомнительные выгоды будут куплены несомненными бедст-

⁶⁰⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 295 – 296.

⁶⁰⁶ Там же. С. 303.

⁶⁰⁷ Там же. С. 309 – 310.

⁶⁰⁸ Там же. С. 241, 243.

⁶⁰⁹ Там же. С. 255.

⁶¹⁰ Там же. С. 312 – 313.

⁶¹¹ Там же. С. 287.

виями»⁶¹². В поисках решения польской проблемы Меньшиков признавал возможным обменять Польшу на Галицкую Русь, принадлежащую Венгрии⁶¹³.

Выступая против притязаний Финляндии на автономию, Меньшиков прибегал к аргументации, базировавшейся на утверждении об отсутствии для таких притязаний «государственно-юридических оснований»⁶¹⁴. В то же время он пытался доказать, что отделение Финляндии пагубно скажется на ней самой, так как истоки ее благополучия коренятся в ее паразитировании на российском государстве⁶¹⁵. Схожие идеи отмечал у Меньшикова и М. Н. Лукьянов⁶¹⁶.

Относительно другой проблемной окраины – Кавказа – Коцюбинский отмечал у Меньшикова требования по «форсированию русской экономической и этнической колонизации»⁶¹⁷.

В целом в позиции Меньшикова по поводу национальных окраин Коцюбинский находит «апокрифические (с точки зрения официальной партийной доктрины) оговорки», показывающие, что Меньшиков полагал автономию некоторых окраин не только возможной, но и полезной для собственно русских территорий империи⁶¹⁸. М. Л. Лукоянов отмечал, что данные положения стали появляться в публицистике Меньшикова накануне первой мировой войны⁶¹⁹. Критика Меньшиковым «насильственной русификации» отмечалась и А. В. Репниковым, указывавшим на осознание публицистом нежизнеспособности Российской империи «в том виде, в котором она сложилась к началу XX века» и необходимости «избавиться от "бунтующих" окраин во имя сохранения русско-украинско-белорусского ядра»⁶²⁰.

Биологическую специфику националистических взглядов Меньшикова акцентировал в своей работе А. Рейтблат. Он не поленился подсчитать, что в одном из первых опубликованных после «перестройки» сборников работ публициста «Выше свободы» «слово "раса" и производные от него употреблены более полусотни раз». Автор усматривает в этом показательную закономерность, так как, по его мнению, «понятие "расы" лежит в основе всех построений Мень-

⁶¹² Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 292.

⁶¹³ Там же. С. 293.

⁶¹⁴ Там же. С. 321.

⁶¹⁵ Там же. С. 322 – 323.

⁶¹⁶ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 76.

⁶¹⁷ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 328.

⁶¹⁸ Там же. С. 335.

⁶¹⁹ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 96.

⁶²⁰ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 298.

шикова»⁶²¹. На том же основании Ю. М. Каграманов прямо определяет Меньшикова как расиста. «И его расизм, – писал автор, – это расизм современного ему европейца», он такой же «империалист и расист, как, допустим, Киплинг или какой-нибудь лорд Китченер». Таким образом, в национальном вопросе Меньшиков по мнению Каграманова «явил себя пленником времени»⁶²².

Исследуя развитие идей «нации» и «империи» в русской общественно-политической мысли начала XX в., историк С. М. Сергеев выделил три «направления» национализма, оформившихся, по его мнению, к 1901 г.: «традиционалистское», базировавшееся на взглядах поздних славянофилов и «государственных идеях» М. Н. Каткова; «либеральное», чьим манифестом стала статья П. Б. Струве «В чем же истинный национализм?»; радикальное, начало которому положили «первые статьи бывшего либерального народника М. О. Меньшикова в «Новом времени»»⁶²³. Далее Сергеев определяет национализм, пропагандируемый на страницах «Нового времени», в том числе и Меньшиковым, как «интегральный», указывая тем самым на продолжение последним линии А. С. Суворина. Сергеев указывает на многие точки соприкосновения национализма Меньшикова с «национал-либерализмом» Струве: «Фразеология Меньшикова, – писал он, – порой удивительно напоминает формулировки его постоянного и жесткого оппонента Струве»⁶²⁴.

Причину расхождения Меньшикова и Струве, при всей внешней схожести рассуждений, Сергеев видит в разнице «общефилософских предпосылок их мировоззрений». Если Струве перешел от марксизма и позитивизма к «этическому идеализму», «опиравшемуся на наследие Канта и Фихте», то Меньшиков «был биологическим детерминистом и социал-дарвинистом с сильной примесью нищезанятия». Отсюда вытекает ряд принципиальных противоречий: для Струве высшая ценность – «благо отдельной личности», для Меньшикова – «благо этноса как биологического организма». Для первого либеральный строй это способ осуществления «принципа равноценности всех людей», для второго – «средство "отбора" новой аристократии». И если Струве определял национальность «принадлежностью к той или иной культуре»,

⁶²¹ Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 6.

⁶²² Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 19.

⁶²³ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 12 – 13.

⁶²⁴ Там же. С. 14.

то Меньшиков делал это по «крови» или «расе». «Короче говоря, – заключает автор, – «либерализм» Меньшикова носил ярко выраженный антидемократический и этнократический характер»⁶²⁵.

Отмечая частые апелляции Меньшикова к «национальному», И. В. Лукоянов указывает на расплывчатость понимания и толкования этого понятия самим публицистом, ссылаясь на частые образно-поэтические определения типа «собрание души народной», которые не несут в себе никакого конкретного социально-политического содержания. Единственным конкретным проявлением национализма Меньшикова автор называет «негативное отношение к целому ряду национальностей, особенно к евреям и полякам»⁶²⁶.

Взгляды Каграманова разделяет американский историк У. Лакёр, отмечавший, что Меньшиков «первым стал проповедовать расовый антисемитизм, – в противоположность прежним, в основном религиозным его разновидностям», так как «считал расовую проблему важнейшей для России того времени»⁶²⁷. В примечании автор называет в качестве основного источника подобных взглядов Меньшикова идеи Х. С. Чемберлена.

Во второй половине XIX в. национализм еще не означал непременно антисемитизм, и националист Катков удостоился благодарного упоминания в «Еврейской энциклопедии», издававшейся после революции 1905 – 1907 гг. Ф. А. Брокгаузом, И. А. Ефроном. Для начала XX в. эти два понятия уже были неразрывны. Так, Н. И. Афанасьев, характеризуя убеждения Меньшикова, воспринимал в нераздельности его национализм, патриотизм и антисемитизм, наиболее подробно останавливаясь как раз на последнем, как характеризующем все три составляющие. «Еврейскому вопросу, – отмечал Афанасьев, – он посвятил множество статей, доказывая, что еврейство есть разлагающее начало всякой государственности и представляет собой паразита, с которым необходима борьба для оздоровления христианских народов»⁶²⁸.

Тема антисемитизма Меньшикова получила свое развитие лишь в последнее десятилетие. Исходя из определения позиции Меньшикова по национальному вопросу как расизма, Ю. М. Каграманов показал, что «свою нелюбовь к евреям» публицист объяснял именно «дурной кровью». Постоянство, с которым Меньшиков возвращался в

⁶²⁵ Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века С. 15.

⁶²⁶ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 67.

⁶²⁷ Лакёр У. Указ. соч. С. 50.

⁶²⁸ Афанасьев Н. И. Указ. соч. С. 175.

своей публицистике к еврейской теме, автор уподобляет упорству, с которым Катон Старший завершал все свои речи знаменитым требованием разрушения Карфагена⁶²⁹.

Вопросом об истоках антисемитизма Меньшикова задавался П. И. Шлемин. Однако он не нашел на него однозначного ответа. По мнению автора, «на уровень идейного неприятия евреев» могли повлиять как «бытовая неприязнь», так и «журналистское соперничество». Однако основную причину особого отношения к еврейскому вопросу Шлемин усматривал в том, что евреи «не вписывались в меньшешковскую схему национально-государственного строительства» так как не имели в пределах Российской империи «собственной государственности» и следовательно отпадала возможность отсоединить их «вместе с принадлежащей им территорией», подобно, например, Польше. И в то же время евреи, в отличие от других небольших народностей, «с трудом поддавались ассимиляции»⁶³⁰.

Рассматривая отношение идеологов ВНС к еврейскому вопросу, Коцюбинский отмечал, что именно в этом пункте националисты проявляли наибольшее единодушие, находя в этой нации множество вредоносных элементов. К их числу Меньшиков, по определению Коцюбинского, относил «паразитизм» и «мошенничество» в экономической сфере, «захват верхних ступеней социальной лестницы»⁶³¹. В этих явлениях, по мнению Меньшикова, есть и вина правительства, попустительствовавшего евреям и даже прямо поддерживавшего их⁶³².

По замечанию М. Н. Лукьянова, в объяснении причин «вредоносности» евреев наиболее ярко проявился биологический расовый подход Меньшикова к национальной проблеме⁶³³.

Важный момент в эволюции отношения публициста к инородцам отметил в своей монографии А. В. Репников. Он, вслед за П.И. Шлеминым, обратил внимание на то обстоятельство, что вступление России в Первую мировую войну привело публициста к осознанию, что всеобщие тяготы военного времени должны отодвинуть на второй план то, что Меньшиков определил как «счеты с маленькими народцами, переживающими в одинаковой мере неслыханную катастрофу и в одинаковой мере проливающими кровь за общее великое отечество»⁶³⁴.

⁶²⁹ Каграманов Ю. М. Указ. соч. С. 19.

⁶³⁰ Шлемин П.И. Права человека в современном мире. С. 17.

⁶³¹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 265.

⁶³² Там же. С. 270.

⁶³³ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С. 82.

⁶³⁴ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 255.

Подводя итог анализу историографии общественно-политических взглядов М. О. Меньшикова, можно констатировать следующее. В дореволюционной, хотя и немногочисленной, историографии, посвященной Меньшикову, отчетливо вырисовывается образ консерватора-недоучки, который своим существованием противоречил пропагандируемым идеям. Не получивший достаточного образования либерал Белинский своим горением компенсировал этот недостаток, но и ему Гоголь поставил на вид его необразованность. Но критикующему действительность с консервативных позиций непростительно выказывать свое невежество в вопросах философии и истории, которое оппоненты Меньшикова с легкостью находили в его работах.

Один из наиболее значительных, на наш взгляд методологических недостатков Меньшикова как публициста был выделен еще при его жизни Протопоповым: «г. Меньшиков – и это у него обычное дело – на фундаменте, имеющем площадь в одну квадратную сажень, силится построить здание величиной с Хеопсову пирамиду. Вполне понятно, что вместо пирамиды получается или воздушный замок, для которого и вовсе фундамента не надо, или карточный домик, для которого одной квадратной сажени более чем достаточно»⁶³⁵. Здесь верно проступает публицистический метод Меньшикова, строящего на одном конкретном факте довольно глобальные обобщения. Результаты при таком подходе могут оказаться и оказывались применительно к Меньшикову прямо противоположными. Иногда он угадывал в одном факте нечто типическое и выводы и обобщения его были значимыми и глубокими, а иногда он ошибался с выбором факта, и тогда его построения превращались в бесплотную фикцию.

Подводя итог анализу историографии взглядов Меньшикова на основные проблемы государственной жизни России конца XIX – начала XX вв., можно констатировать, что в его публицистике, как и в работах М. Н. Каткова и А. С. Суворина, много внимания уделялось всем трем элементам знаменитой уваровской триады. При этом «православие» все более теряет самостоятельную значимость и рассматривается как инструмент, служащий для укрепления двух других составляющих триады. «Народность», в свою очередь, начинает трактоваться все более элитарно, и ее носителями выступают «аристократы духа». По мере углубления кризиса государственной жизни транс-

⁶³⁵ Протопопов М. А. Публицист-идиллик. С. 158.

формируется и понимание Меншиковым идеи «самодержавия». Эволюция отношения Меншикова к самодержавию нам представляется следующей.

Заявляя себя убежденным монархистом и националистом, Меншиков, так же как и Суворин, не питал никаких иллюзий относительно династии Романовых. Еще в 1880-х гг., проходя службу морским офицером на яхте «Держава» и встретив там будущего императора Александра III с 12-летним сыном Николаем, он был поражен беспечностью придворной жизни царской фамилии на фоне только что окончившейся Балканской войны и череды покушений на Александра II. Вспоминая об этом уже в 1918 г. в связи с дошедшим до него известием о расстреле царской семьи, он записал в своем дневнике: «Если наследник находил время на невинные забавы морских прогулок и пикников в такие трагические времена, стало быть, не он лично, но династия сошла с ума и дело не могло не кончиться катастрофически. Сумасшествием непонимания, куда клонится дело, Александр заразил и Николая II»⁶³⁶.

В годы Первой русской революции Меншиков, подобно Суворину, считал, что парламент может помочь изменить ситуацию в России через гласное обсуждение государственных дел, и даже по просьбе Витте составил свой вариант манифеста. Будучи поставленным перед фактом создания в России Государственной думы, Меншиков, как и его однопартийцы, вынужден был приводить свои монархические убеждения в соответствие с изменениями самой монархии. По сути, перед ним встала необходимость совмещать несовместимое – принцип неограниченной монархии и представительные учреждения. Меншиков предпочел не увидеть в соседстве этих, по сути взаимоисключающих друг друга положений, никакого противоречия. Он исходил из своеобразия российской политической системы, которая ни в коем случае не должна была стремиться приблизиться к западным конституционным образцам. «Наш парламент и наша конституция, – писал он, – должны быть национальными..., наша конституция должна быть строго монархической...». Государственную думу Меншиков сравнивал с «управляющим, призванным творить волю хозяина».⁶³⁷

Однако личность Николая II плохо увязывалась с образом «хозяина». И хотя в качестве публициста «Нового времени» Меншиков

⁶³⁶ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. IV. М. О. Меншиков. Материалы к биографии. стр. 155–156.

⁶³⁷ Меншиков М. О. Государственный скандал // Новое время. 1909. 24 марта.

выступал активным сторонником самодержавия, его дневниковые записи свидетельствуют о внутренней эволюции, уводящей его все дальше от монархических убеждений. Добровольный отказ династии от престола, расцененный Меншиковым как предательство нации, окончательно приводит его на позиции сторонника сильной власти как таковой безотносительно к ее политической оформленности и личным носителям. По сути, он приходит к той же идее, которую за сто лет до него исповедовал П. И. Пестель, он становится сторонником диктатуры, видя в ней единственное средство водворить в империи порядок и тем спасти ее.

Принципиально важный момент в эволюции идеологии государственного национализма отметили в своих исследованиях Д. А. Коцюбинский, С. М. Сергеев, М. Н. Лукьянов, указав на то обстоятельство, что для Меншикова «высшей ценностью» в знаменитой уваровской триаде был ее «третий элемент – народность»⁶³⁸. В то время как для Каткова, о чем мы говорили выше, наиболее значимым элементом было самодержавие, понимаемое им как синоним государственности. Лукьянов объясняет данную эволюцию тем, что к началу XX в. «православия и самодержавия оказалось явно недостаточно, чтобы обеспечить процветание русской нации»⁶³⁹. Показательно в этой связи отмечаемое исследователем заявление Меншикова во время выборов в IV Думу о готовности поддержать даже кандидатов от кадетов, «лишь бы те были "русской крови"»⁶⁴⁰, лишний раз показывающее, что именно национальная, а не политическая составляющая была для публициста доминантной.

Нам представляется, что национализм в сознании Меншикова возник как средство решения государственных проблем, что и дало нам основание причислить его к идеологам «государственного национализма», однако в процессе мировоззренческой эволюции, обусловленной обострением социально-политической ситуации в стране и катализированной войной, национализм становится для публициста началом, довлеющим над государством. Наблюдая в конце жизни, как ему представлялось, гибель и государства, он, как мы показали выше, пришел к выводу о необходимости сильной власти, способной очистить и оздоровить нацию, пусть даже и насильственным путем, что-

⁶³⁸ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 152; Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века. С. 15.

⁶³⁹ Лукьянов М. Н. Указ. соч. С.90 – 91.

⁶⁴⁰ Там же. С. 92.

бы та, в свою очередь, возродила государство. Именно это и было в конечном итоге сделано советским правительством, после того, как оно отказалось от интернациональных установок в пользу национальных.

Давая достаточно краткий обзор истории русской консервативной мысли конца XVIII – начала XX вв. в рамках пособия к лекционному курсу, И. В. Лукоянов относительно политических взглядов Меньшикова пришел к следующему выводу: «Трудно придумать более неблагоприятную задачу, чем пытаться изложить его представления, хотя бы по фундаментальным вопросам российской государственности, как-то систематизировать их»⁶⁴¹. Основные сложности он усматривает именно в уже отмечавшейся нами противоречивости утверждений Меньшикова и в обилии образных неконкретных формулировок, которые можно трактовать различно. Очевидно, именно в силу данных обстоятельств до сих пор не появилось работы, которая представляла бы собой попытку систематизации всего идейного наследия Меньшикова. Хотя по отдельным периодам и направлениям его публицистики уже сделаны плодотворные наработки, которые могут стать базой для будущего обобщающего труда.

В целом, говоря об историографии, посвященной Меньшикову, следует отметить, что обращение к этой личности носило и носит фрагментарный характер. Именно в отсутствии систематичности в изучении наследия этого публициста заключается основная проблема создания целостного образа Меньшикова как социально-политического явления. Даже в случаях, когда авторы упоминают о высокой популярности статей публициста, они не делают закономерного в данном случае вывода о том, что меньшиковская позиция была присуща большому слою читающей публики. И в этой связи нам представляется важным отметить, что многотысячные читатели Меньшикова не простили бы ему этих метаний, если бы сами не находились в таком же состоянии неопределенности. Наступающему хаосу революции они могли противопоставить лишь хаос в своем сознании, которое не принимало того, что есть, но и не могло определиться с тем, как должно быть. По сути именно подобная неопределенность и привела к тому, что инициатива по дальнейшему формированию идеологии государственного национализма в конечном счете перешла в руки советской власти.

⁶⁴¹ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный историографический анализ взглядов А. С. Суворина и М. О. Меньшикова в контексте современных представлений дает основание для выделения в общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. государственного национализма как одного из направлений либерального консерватизма и позволяет проследить трансформацию этой идеологии и, в то же время, выявить специфику отношения отечественной и зарубежной исторической науки на определенных этапах ее развития к государственной национальной политике России в указанный период.

Анализ интерпретации различными исследователями представлений идеологов государственного национализма в контексте общей историографии общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX вв. дает основание говорить о преемственности в развитии отечественной исторической науки на всех ее этапах, несмотря на неоднократные резкие изменения политической ситуации, приводившие к смене идеологических установок.

Большинством отечественных дореволюционных, советских и современных авторов признается, что Суворин и Меньшиков в национальном вопросе исходили исключительно из собственных представлений о государственных интересах современной им России. Именно такой подход объясняет содержащиеся в большом количестве в статьях идеологов государственного национализма критические отзывы о русском человеке: как дворянине, так и крестьянине.

Государственнические установки, наиболее ярко прослеживающиеся в работах Суворина, в зарубежной историографии трактовались как имперские, что объясняет появление интереса к нему в момент усиления внешнеполитической активности СССР в конце 50-х – начале 70-х гг.

Очень важно еще раз отметить, что лозунг «Россия для Русских», как он понимался Сувориным и Меньшиковым, призван был в первую очередь служить задаче изживания в русском народе самоуничижения (унижение другого всегда является обратной стороной собственной униженности) и развития в нем национального самоува-

жения. Задача эта не выполнена, пожалуй, до сих пор и основная причина этого видится в том, что самоуничижение является очень удобным средством ухода от ответственности – «какой с нас спрос». Таким образом, очевидна связь между национальным и правовым сознанием, что и является объективным основанием становления идеологии государственного национализма.

Несомненная заслуга советских историков, на наш взгляд, состоит в том, что не, ограничиваясь констатацией факта национализма Суворина, как это делала дореволюционная историография, они постарались проследить его истоки и сущность, исходя не из особенностей характера публициста, а из реалий исторической обстановки пореформенной России. Думается именно отсутствие исторической базы, во многом нивелирует результаты современных исследований в этой области, основанных на анализе абстрактных философских понятий. Между тем именно обращение к конкретным историческим фактам и их взаимосвязи может стать наиболее продуктивным подходом для дальнейшего исследования природы идеологии государственного национализма, как исторического явления.

Следует иметь в виду, что понятие «государство» как таковое применительно к дореволюционной России зачастую идентифицировалось исследователями с иными политическими понятиями. Так советские историки в большинстве своем ставили знак тождества между государством и самодержавием, особенно если речь шла о внутриполитических процессах. Зарубежные исследователи предпочитали вместо понятия «российское государство» применительно к анализируемому периоду оперировать термином «Российская империя». Данная позиция нам представляется во многом, подобно подходу советских историков, политизированной. Ввиду того, что весь XX в. Россия (и СССР) ассоциировалась для западных стран преимущественно с образом противника, для ее ключевой характеристики избиралось именно понятие империи, которое в этот период вызывало в основном негативные ассоциации, связанные как с политикой колониализма, так и с противостоящей национальным империям идеей объединенных наций. Как известно, в ходе борьбы с советским строем понятие советский зачастую неоправданно заменялось понятием русский, создавая негативный образ не столько СССР, сколько России как исторического образования. И в данном подходе советская империя изображалась как прямая наследница имперских традиций царской России. Только в последние годы, в связи с повышением

внимания к вопросам развития и укрепления российской государственности, данная тема начинает разрабатываться отечественными учеными, что вводит представления Суворина и Меншикова по данному вопросу в круг их научных интересов.

Изучение отечественной и зарубежной историографии позволило, помимо общих черт, присущих взглядам Суворина и Меншикова, выявить и их специфику, указывающую направление эволюции идеологии государственного национализма в рассматриваемый период. Суворин, а тем более Меншиков, по сравнению с более ранним идеологом государственного национализма – М. Н. Катковым, выражают более обывательский взгляд на государственный национализм.

Катков, предъявляя те или иные требования государству, сам был готов на любые действия и жертвы со своей стороны для государственной пользы, что и давало основание, как друзьям, так и врагам считать его не просто журналистом, но и своеобразным политическим деятелем. Его взгляд на проблемы государства – это взгляд политика, а не обывателя.

Суворин уже далек от идеи, серьезно влиять на государственную политику. Сама форма его «маленьких писем», носящих чаще всего характер фельетона, и даже их название, в сравнении с разящими передовыми Каткова, говорят о неготовности автора взять на себя слишком большой груз ответственности выразителя общественного мнения. Скорее это желание с ним слиться. В то время как Суворин искал «своего» читателя, Катков своего читателя создал сам.

Единственной попыткой Меншикова оказать реальное влияние на ход государственных дел была подготовка по просьбе Витте варианта манифеста, который, однако, по его же собственному признанию, никак не был учтен при составлении официального текста. Его «письма к ближнему» сродни «маленьким письмам» Суворина, с той только разницей, что они зачастую более лиричны и иногда близки по духу философским рассуждениям. Меншиков как бы стремился «поднять» суворинского обывателя на более интеллигентный уровень. Рассуждения талантливого, но все же дилетанта, каким, в сущности, являлся Меншиков, привлекали лишь таких же дилетантов и не воспринимались всерьез специалистами в тех областях, о которых тот брался рассуждать.

Если Катков был в равной мере политик и журналист, Суворин гораздо больше журналист, чем политик, Меншиков – только журналист.

Степень уменьшения собственных притязаний на роль в государственной жизни страны выразителей идей государственного национализма знаменательно совпадает с уровнем требований, которые эти личности предъявляли сами к себе как в образовательном плане, так и в личной жизни. Все трое провели детство в нищете и получили домашнее начальное образование, но лишь Катков сумел собственное образование и самообразование поставить на систематическую основу, положив в его основание философию. Что касается личной жизни, то о Каткове после его женитьбы, и о его семье не сохранилось никаких компрометирующих фактов, что свидетельствует, по меньшей мере, о том, что он очень дорожил своей репутацией, и этот взгляд целиком разделяли его близкие. Суворин и Меньшиков, вероятно, потому и выражали в своих политических убеждениях в большей степени обывательский взгляд, что позволяли себе и в личной жизни отступать от строгих принципов, что, к сожалению, относилось и к их избранницам.

Следует отметить, что в настоящее время первенство в разработке темы идеологических взглядов Суворина и Меньшикова принадлежит не историкам, а литературоведам. Это налагает на рассматриваемую проблему специфический отпечаток. В частности, термины «национализм» и «государственный национализм», в понятийном аппарате представителей различных гуманитарных дисциплин не являются устоявшимися. Их активная разработка, развернувшаяся в последнее время в мировой науке, не разрешает данной проблемы. Отчасти это вытекает из излишне расширенного толкования понятия «национализм», вынуждающего делить его на составляющие, которые в свою очередь при широте толкования подвержены делению. Так, Энтони Смит, автор подробного разбора различных теорий национализма за последние тридцать лет, отмечает, что только за время написания им послесловия к своей книге свет увидел целый ряд фундаментальных новинок в этой области. Образно говоря, терминологическая разработка ведется не на углубление, а на расширение вопроса, что, естественно, нивелирует результаты. Характерно, что и сам Смит, при анализе тех или иных теорий национализма, апеллирует к историческому опыту реальных государств, что доказывает продуктивность уточнения данных политически понятий не только в работах философии, социологии и политологии, но и в рамках конкретно-исторических исследований.

На наш взгляд рассмотрение государственного национализма Суворина и Меншикова не в метафизической, а в его реальной исторической составляющей может выступить как один из своеобразных инструментов комплексного изучения общественной жизни России второй пол. XIX в. Наше время, избавляя исследователя от идеологических догм как советского периода так и «перестройки» ставит в повестку дня целый ряд не освещенных ранее вопросов. Так, по нашему мнению, недостаточно разработаны проблемы социальной роли и степени влияния государственного национализма на русское общество. Не осуществлен комплексный анализ реформ Александра II и процесса их проведения с точки зрения стратегических национальных интересов страны. Не изучены в комплексе вопросы национальной политики различных партий и общественных объединений. Нельзя не отметить определенные крупные наработки в рассмотрении поставленных вопросов, как, например, в работе В. В. Шелохаева, посвященной решению национального вопроса в кадетской партии, в свете которой становится возможным пересмотреть факт «странного» союза П. Б. Струве и одного из ведущих лидеров националистов В. В. Шульгина.

Рассмотрение государственного национализма как объединяющего начала для нормального функционирования любого государства способно стать дополнительным стимулом к изучению теоретического наследия Суворина и Меншикова, изложенного ими на страницах своих изданий. Пореформенное состояние современной России, выявившее, насколько процесс ослабления центральной власти и потери ею как социальной, так и национальной инициативы тесно связан с центробежными движениями на окраинах империи, придают данной теме дополнительную актуальность.

Если рассматривать «идеологию», как искусственно созданный продукт лицами, находящимися у власти или стремящимися к ней, то «национальная идея» может выступать как ее антитеза, являющаяся естественным продуктом развития общества. Первая внедряется, хотя и под видом общественных чаяний, сверху в жизнь общества с целью его изменения. Ее отличительными признаками являются ясно определенная форма, нетерпимость к компромиссам и неспособность к трансформации (идеология не может приспособливаться к новым условиям она может быть лишь заменена новой идеологией). «Национальная идея» представляет собой самовозникающее, органично формирующееся явление, которое нельзя «заказать». Она не может

быть четко сформулирована раз и навсегда, так как ощущается лишь интуитивно и выражается различными представителями общества более или менее полно и адекватно в зависимости от их способности почувствовать и сформулировать ее. Идеологи государственного национализма, несомненно, обладали в немалой степени данной способностью, однако, по мере приобретения ими политического веса и увеличения их влияния на правительственную политику они все более скатывались на позиции генераторов и выразителей государственной идеологии.

Изучение публицистического наследия А. С. Суворина и М. О. Меньшикова, как показывают дискуссии, возникающие вокруг него в современной историографии, способно дать дополнительные ключи не только к пониманию проблем текущего момента, но и к их продуктивному решению. В частности, особого внимания заслуживает взгляд идеологов государственного национализма на проблемы либерализма и демократии, их осознание взаимообусловленности понятий «свобода» и «власть», невольно вынуждающей к либерально-консервативному синтезу в ходе поиска парадигмы дальнейшего государственного и общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дореволюционная публицистика

1. «Историческая сатира». Статья Суворина и ответ С.-Щедрина // Русская словесность. – 1995. – № 4. – С. 12 – 19.
2. Абрамович Н. Я. «Новое время» и соблазненные младенцы. – Пг.: Памфлет, 1916. – 48 с.
3. Аквилонов Е. П. Так ли мы виноваты? (По поводу одного фельетона г. М. О. Меньшикова). СПб.: Тип. Монтвида, 1905. 12 с.
4. Амфитеатров А. В. Десятилетняя годовщина // Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. – Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 237 – 257.
5. Амфитеатров А. В. Старик Суворин. // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 15. – С. 174 – 182.
6. Арсеньев К. Две смерти // Вестник Европы. – 1912. – № 9. – С. 419 – 423.
7. Бессонов А. Рецензия на статью М.О. Меньшикова «Орлы и вороны» // Биржевые ведомости. – 1915. – 24 июля. – № 14983.
8. Дигамма (Васильев М. Н.) Зло всей прессы. – СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1904. – 39 с.
9. Вергун Д. Н. Суворин и славянство // Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. – Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 229 – 233.
10. Глинский Б. Б. Алексей Сергеевич Суворин. Биографический очерк // Исторический вестник. – 1912. – № 9. – С. 3 – 60.
11. Друзья и враги евреев. А.С. Суворин («Новое время»). (К юбилею его литературно-издательской деятельности). Сост. А. Е. Кауфман. – СПб.: Правда, 1908. – 68 с.
12. Ежов Н. М. Алексей Сергеевич Суворин // Исторический вестник. – 1915. – № 1. – С. 111 – 138; № 2. – С. 450 – 469.
13. Зайцев В. А. Журналиссимум граф Суворин-национальный // Шестидесятники. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 156 – 158.
14. Изгоев С. А. Суворин // Русская мысль. – 1912. – № 9. – С.1-4.
15. Иорданский Н. И. Национализация Суворина // Современный мир. – 1912. – № 12. – С. 316 – 322.

16. Как печатается газета «Новое время» и что было сделано Сувориным за 33 года его издательской деятельности. – СПб.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1911. – 16 с.
17. Кауфман А. Е. За кулисами печати // Исторический вестник. – 1913. – №7. – С. 97 – 130.
18. Кауфман А. Е. А. С. Суворин («Новое время»). – СПб.: Правда, 1908. – 68 с.
19. Кауфман А.Е. Из журнальных воспоминаний // Исторический Вестник. – 1912. – № 12. – С. 1067 – 1078
20. Короленко В. Об одной старой книжке (к годовщине смерти А. С. Суворина) // Русское богатство. – 1913. – № 8. – С. 358 – 362.
21. Кривенко С. Н. Газетное дело и газетные люди // Избранные страницы русской журналистики начала XX в. – М., 2001. – С. 141 – 146.
22. Куплевасский Н.О. Всероссийский национальный союз. – Спб.: Типография И. В. Леонтьева, 1908. – 12 с.
23. Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5. Т. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. – С. 21 – 72.
24. Ленин В. И. Еще один поход на демократию // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5. Т. 22. – М.: Изд-во политической литературы, 1976. – С. 87
25. Ленин В. И. Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев. ПСС. Изд-е 5. Т. 15. – М. Изд-во политической литературы, 1975. – С. 114 – 121.
26. Ленин В. И. Карьера // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5. Т. 22. – М.: Изд-во политической литературы, 1976. – С. 43 – 44.
27. Ленин В. И. Ценное признание // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5. Т. 5. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. – С. 73-80.
28. Лисовский Н. М. Алексей Сергеевич Суворин // Библиограф. – 1892. – № 10. – С. 353 – 358; № 12. – С. 424 – 432.
29. Локоть Т. «Новое время» и русская национальная демократия // Новое время. – Белград. – 1921. – № 129. – С 1 – 2.
30. Львов-Рогачевский В. В своем доме (А. С. Суворин) // Современный мир. – 1912. – № 9. – С. 313 – 330.
31. Меньшиков М. О. Кого хоронит Россия // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – С. 349 – 355.
32. Меньшиков М. О. Памяти А. С. Суворина // Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 389 – 395.

33. Меньшиков М. О. Памяти великого гражданина // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: «Современный писатель», 1998. – С. 399 – 400.
34. Мережковский Д. С. Национализм и религия (письмо в редакцию) // Речь. – 1911. – 21 октября (3 ноября). – С. 3.
35. Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Избранные страницы русской журналистики начала XX века. – М.: ЧеРо, 2001. – С. 19 – 26.
36. Михайловский Н. К. О г. Меньшикове. О Накрохине и о том, кто виноват в его несчастной судьбе // Михайловский Н. К. Последние сочинения. Т. II. – СПб.: Ред. журнала «Русское богатство», 1905 – С. 447 – 455.
37. На память о десятилетии издательской деятельности А. С. Суворина. 1877 – 1887. – СПб.: Литературная газета «Новое время», 1887. – 30 с.
38. Национализм. Полемика 1909 – 1917. Сборник статей / Составление и примечания М. А. Клерова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 240 с.
39. Неведомский М. О «мудрости кротких» (По поводу «Писем к ближнему» и других писаний г. Меньшикова) // Мир божий. – 1903. – № 12. Отдел 2. – С. 97 – 115.
40. Петрищев А. Б. Хроника внутренней жизни. Об А. С. Суворине // Русское богатство. – 1912. – № 9. – С. 133 – 135.
41. Протопопов М. А. Критика критиков // Русская мысль. – 1900. – № 8. – С. 200 – 215.
42. Протопопов М. А. По поводу одной сердитой книжки // Русская мысль. – 1899. – № 2. – С. 150 – 162.
43. Протопопов М. А. Публицист-идиллик // Русская мысль. – 1898. – № 11. – С. 147 – 174.
44. Розанов В. В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. – М.: Патриот, 1992. – 117 с.
45. Розанов В. В. Суворин и Катков // Новое время. – 1997. – № 7. – С. 35 – 37.
46. Розанов о Суворине // Воронежская беседа на 1999-2000 годы. – Воронеж: Изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2000. – С. 213 – 144
47. Савенко А. И. Мысли и впечатления // Подолянин. – 1911. – 16 апреля. – С. 1.

48. Снессарев Н. В. Миражи нового времени. Почти роман. – СПб.: Тип. М. Пивоварского и И. А. Типографа, 1914. – 280 с.
49. Спасский П. Н. В защиту ветхозаветных патриотов. Беседы по поводу статьи М. О. Меншикова «Читайте Библию». – Новгород: Труженик, 1914. – 27 с.
50. Струве П. Б. В чем же истинный национализм? // Струве П. Б. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1999. С. 13 – 44.
51. Струве П. Б. В. В. Розанов, большой писатель с органическим пороком // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 270 – 277.
52. Струве П. Б. Гипноз страха и политический шантаж // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 98 – 102.
53. Струве П. Б. За неимением Наполеона. – Россия собирается // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 135 – 137.
54. Струве П. Б. Клевета на предков, и на конституцию // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 103 – 105.
55. Струве П. Б. Поверх текущего момента // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 89 – 92.
56. Струве П. Б. Русский шантажист и немецкий патриот // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 108 – 111.
57. Струве П. Б. Спор с Д. С. Мережковским // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 70 – 79.
58. Струве П. Б. Физиология одного превращения. «Незнакомец» и «Новое время» // Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905 – 1910). – М.: Республика, 1997. – С. 143 – 146.
59. Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904 – 1908). – М.: Алгоритм, 2005. – 752 с.
60. Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889 – 1903). – М.: Алгоритм, 2005. – 1024 с.
61. Суворин А. С. Итоги издательской деятельности. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1892. – 52 с.
62. Суворин А. С. Историческая сатира // Салтыков-Щедрин М. Е. Мир призраков – М.: Школа-Пресс, 1999. – С. 263 – 268.

63. Чернышов Н. А. С. Суворин // Вестник литературы. – 1912. – № 9. – С. 242 – 243.
64. Штернберг А. Я. А. С. Суворин и евреи. – Киев, 1897. – 11 с.
65. Шубинский С. Памяти А. С. Суворина // Исторический вестник. – 1912. – № 9. С. 1 – 2.
66. Юдин В. Личность мужественная и трагическая (М. О. Меньшиков) // Дон. – 2001. – № 9 – 12. – С. 196 – 199.
67. Юзефович Б. Г. Меньшиков о гр. Витте. – Без года и места издания. – 4 с.

Дневники, мемуары, письма, документы

68. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. – М.: Новости, 1990. – 604 с.
69. Бондаренко О. В. Письмо А. С. Суворина N CLU из цикла «Маленькие письма» // Новое в развитии исторического краеведения и регионального музееведения. – Новокузнецк, 2003. – С. 125 – 129.
70. Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х т. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. – 1054 с. Т. 2. – 650 с.
71. Горький М. Открытое письмо к А. С. Суворину // Горький М. ПСС. В 30 т. Т. 28. – М.: Художественная литература, 1954. – С. 64 – 67.
72. Грибовский М. В. Несколько встреч с А. С. Сувориным (по личным воспоминаниям) // Телохранитель России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. – Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 124 – 135.
73. Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. – М.: Художественная литература, 1991. – 471 с.
74. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / Рук. проекта, сост., автор пред., комм. и прим. А. В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2008. – 440 с.
75. Дневник П. А. Валугева министра внутренних дел. 1861 – 1876. В 2-х т. – М.: Издат-во Академии наук СССР, 1961. – 422 с., 588 с.
76. Елисеев Г. З. Письма к М. Е. Салтыкову-Щедрину. – М.: Изд-во Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, 1935. – 268 с.
77. Из дневника В. П. Гаевского. Публикация Г. Никольской // Красный архив. – 1940. – № 3. – С. 229 – 243.
78. Кони Ф. А. Письма. Публикация Е. В. Свиясова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. – Л.: Наука, 1977. – С. 122 – 141.

79. Крыжановский С. Е. Воспоминания. – Петрополис, 1938. – 209 с.
80. Кугель А. Р. Листья с дерева. Воспоминания. – Л.: Время, 1926. – 212 с.
81. Либрович С. Ф. А. С. Суворин и М. О. Вольф. Из воспоминаний // Вестник литературы. – 1912. – № 9. – С. 243 – 247.
82. Меньшиков М. О. Материалы к биографии // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 4. – М.: Студия «ТРИТЭ», «Российский архив», 1993. – 271 с.
83. Меньшикова М. В. За что?! Как убили моего мужа // Кубань. – 1989. – № 9. – С. 75 – 82.
84. Меньшикова О. М. Начало жизни: Воспоминания о писателе и публицисте М. О. Меньшикове. Предисл. и публ. М. Поспелова // Наше наследие. – 1997. – № 42. – С. 42 – 47.
85. Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
86. Новицкий Л. Рецензия к статье Меньшикова М. О. «К вопросу о расстройстве армии». М., 1906. 12 с.
87. Орленев П. Н. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. – М.-Л.: «Academia», 1931. – 522 с.
88. Островский А. В., Сафронов М. М. К истории создания манифеста 17 октября // Советские архивы. – 1985. – № 5. – С. 62 – 65.
89. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона // Новый мир. – 1991. – № 3. – С. 215 – 242.
90. Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890-1902 гг. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.
91. Светский Л. Отзыв на статью М. О. Меньшикова «Мир или борьба». Житомир: Электрическая типо-литография М. Дененмана, 1908. – 21 с.
92. Соколов П. И. Воспоминания об А. С. Суворине // Телохраниль России: А. С. Суворин в воспоминаниях современников. – Воронеж: Изд-во Е. А. Болховитинова, 2001. – С. 136 – 141.
93. Соколов А. А. Из моих воспоминаний // Московский листок. Илл. прибавление. – 1909. – № 11. – С. 4
94. Соколова А. И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. – 1911. – № 6. – С. 832 – 843.
95. Суворин А. С. Дневник. – London: The Garnett Press; Москва: Изд-во Независимая газета, 1999. – 666 с.
96. Суворин А. С. Дневник. Фрагменты не вошедшие в издания 1923 и 1992 гг. // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 15. – С. 125 – 173.

97. Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле. Публикация М. Л. Семановой // Ежегодник рукописного отдела пушкинского дома. 1979. – Л.: Наука, 1981. – С. 113 – 186.
98. Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; Коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. — М.: Книжница; Русский путь, 2010. — 480 с.

Историографические работы, рецензии, предисловия к публикациям документов

99. Апухтин В. Дневник Суворина // Воля России. – 1924. – № 10 – 11. – С. 221 – 222.
100. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. Сб. ст. / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева – М.: РГГУ, 1996. – С. 34 – 39.
101. Гитович И. Е. Петербургский король Лир. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. Рец. // Чеховский вестник. Вып. 5. – М.: Скорпион, 1999. – С. 11 – 19.
102. Гордон Г. Дневник Суворина // Печать и революция. – 1924. – № 1. – С. 68 – 74.
103. Горелов П. «Письма», которых ждут... // Кубань. – 1989. – № 9. – С. 73 – 74.
104. Дедков И. И к дальним – тоже... Рецензия на книгу Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М., 1991 // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 113 – 119.
105. Драган Г. Н. Дневник А. С. Суворина как исторический источник // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. – 1983. – № 3. – С. 57 – 67.
106. Заславский Д. О. Дневник А. С. Суворина // Былое. – 1924. – № 4. – С. 281 – 283.
107. Кричевский М. Предисловие // Дневник А. С. Суворина. – М.: Новости, 1992. – С. 6 – 14.
108. Кузищин В. И. Кризис исторической науки: Что это такое? / Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С. 81 – 84.
109. Лисовой Н. Н. Последний очевидец // Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 2 – 30.

110. Логунов А. П. Отечественная историческая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. – М.: РГГУ, 2001. С. 7 – 58.
111. Луночарский А. В. Предисловие // Орленев П. Н. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанная им самим. – М.-Л.: «Academia», 1931. – С. 7 – 11.
112. Мякотин В. Дневник А. С. Суворина // На чужой стороне. Вып.5. – Берлин: Ватага, 1924. – С. 270 – 273.
113. Ответы декана исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова академика РАН С. П. Карпова на вопросы журнала «Новая и новейшая история» // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 66 – 71.
114. Рейтблат А., Тарасова Ф. Макашина Л. П. Вокруг Суворина. Екатеринбург, 1999. // Новое литературное обозрение. – 2000 – № 44. – С. 386 – 389.
115. Рейфилд Д., Макарова О. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. – London: The Garnett Press; Москва: Изд-во Независимая газета, 1999. – С. V – XXXII.
116. Романенко А. Годы разлома и сокрушения // Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904 – 1908). – М.: Алгоритм, 2005. – С. 5 – 30.
117. Романенко А. Несколько слов о жизни и судьбе Алексея Суворина // Суворин А. С. В ожидании века XX. Маленькие письма (1889 – 1903). – М.: Алгоритм, 2005. – С. 5 – 18.
118. Смолин М. Б. Апология русского империализма // М. О. Меньшиков. Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. – С. 5 – 15.
119. Смолин М. Б. Гений десятой музы // Меньшиков Михаил Осипович. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб.: Русская симфония, 2007. – С. 5 – 12.
120. Смолин М. Б. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – С. 5 – 26.
121. Смолин М. Б. Краткая историко-политическая характеристика Всероссийского национального союза // М. О. Меньшиков. Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. – С. 499 – 505.
122. Сулимов К. Тема консерватизма в научно-исторических представлениях // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М.: АИРО-XX; А. Ушаков, 2003. С. 315 – 340.

123. Трофимов Р. Перечитывая «Дневник» Суворина... // Новый мир. – 1994. – № 1. – С. 242 – 246.
124. Тынянов Ю. Дневник А. С. Суворина // Русский современник. – 1924. – № 1. – С. 328 – 330.
125. Шафаревич И. Р. Встающий из небытия // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). – М.: Русский вестник, 2003. – С. 3 – 5.
126. Шишкина Т. А. А. С. Суворин в общественной жизни России кон. XIX – нач. XX в. (историография проблемы) // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. – С. 130 – 145.
127. Э. С. Колдун из Эртелева переулка (Дневник А. С. Суворина) // Красная газета. – 1923. – 10 октября. – С. 4.

Исторические работы

128. Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. – М.: Наука, 1985. – 260 с.
129. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Политиздат, 1991. – 285 с.
130. Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. – М.: Наука, 1968. – 520 с.
131. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912 – 1914. – М.: Наука, 1981. – 293 с.
132. Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. – М.: Наука, 1966. – 181 с.
133. Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908-1909) // Исторические записки. Т. 53 – М.: Институт истории АН СССР, 1955. – С. 50 – 109.
134. Белов С. В. Книжное дело в России в конце XIX – начале XX вв. (Историографический обзор) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. – М.: Институт истории СССР, 1983. – С. 131 – 149.
135. Белявский А. Д. Из истории идеологической борьбы (идеологический крах «нововременства» // Идеологические, социально-психологические факторы революционного процесса. – Горький: Изд-во Горьковского университета, 1985. – С. 49-60.
136. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – 152 с.
137. Боханов А. Н. Русские газеты и крупный капитал // Вопросы истории. – 1977. – № 3. – С. 113 – 120.

138. Боханов А. Н., Олейников Д. И., Секиринский С. С. и др. Российские консерваторы. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. – 384 с.
139. Вертинский Н.С. Газета в России и в СССР. – М.-Л.: ОГИЗ – Гос. соц. экон. изд., 1931. – 168 с.
140. Вершинин М. С. Русский консерватизм: ретроспективно-политологический анализ // Клио. – 1998. – № 1(4). – С. 25 – 29.
141. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Коллективная монография. / Ред. Б. В. Ананьич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 801 с.
142. Володихин Д. М. О Российских консерваторах без гнева и пристрастия // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 104 – 105.
143. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин и еврейский вопрос // Вестник еврейского университета в Москве. – 1992. – № 1. – С. 57 – 74.
144. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 15. – С. 183 – 193.
145. Динерштейн Е. А. А. С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. – М.: РОССПЭН, 1998. – 375 с.
146. Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина // Книга. Исследования и материалы. Сб. 48. – М.: Книга, 1984. – С. 82 – 118.
147. Динерштейн Е. А. Контрагентство А. С. Суворина // Книжное дело в России во второй половине XIX - начале XX вв. Вып. 7. – СПб.: Издание Российской национальной библиотеки. «Наука», 1994. – С. 50 – 66.
148. Динерштейн Е. А. Кронос требует жертв // Интеллектуальный форум. – 2000. – № 2. – С. 134-157.
149. Динерштейн Е. А. На правеже. Жизнь и смерть А. С. Суворина // Свободная мысль. – 1993. – № 10. – С. 80 – 93.
150. Динерштейн Е. А. Публицист «крайних убеждений» // Лица: биографический альманах. № 6. – М.-СПб., 1995. – С. 238 – 274.
151. Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825 – 1904. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. – 254 с.
152. Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 – 1914 гг. – Л.: Наука, 1988. – 229 с.
153. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – 247 с.
154. Журавлева Л. К., Журавлев В. В. Общественно-политические движения в России: конфликт истории и современности // Либе-

- ральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 97 – 98.
155. Зверев Н.В. М.О. Меньшиков о русском крестьянстве / Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007-2008 гг. – М.: РУДН, 2008. – С. 111–120.
156. Зверев Н.В. «Кому нужна земля» / Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII Межвузовской научной конференции. – М.: РУДН, 2007. – С. 57 – 63.
157. Кемудария Л. А. А.С. Суворин: страницы биографии // Проблемы социально-политического развития российского общества. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 7. – Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2000. – С. 53 – 59.
158. Кишенкова О. В. Концепция общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX – начала XX веков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1996. – 24 с.
159. Козлов В. И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отечественная история.. – 1993. – № 2 – С. 44 – 64.
160. Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907 – 1914. – М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 176 с.
161. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М.: РОССПЭН, 2001. – 525 с.
162. Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма: на примере партии «Всероссийский национальный союз» (1908 – 1917) // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). Сб. ст. Выпуск 1. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – С.79 – 105.
163. Красножен Н.А. А.С. Суворин – предприниматель и публицист // Человек и общество в истории российской цивилизации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – С. 290 – 293.

164. Леонтьева О. Б. Властители дум: интеллектуальная история России от великих реформ до революции 1917 г. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 215 с.
165. Лукоянов И. В. Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России // Экономические и социально-политические проблемы истории. – М.: Институт российской истории, 1992. – С. 119 – 138.
166. Лукоянов И. В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX в.в.). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН; «Нестор-История», 2003. – 80 с.
167. Лукьянов М. Л. Российский консерватизм и реформа, 1907 – 1914. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. – 212 с.
168. Макарова О. Е. «Не будь Анюты, которая... имела на меня большее влияние...» Штрихи к семейному портрету А. С. Суворина на фоне эпохи // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. – 2006. – № 12. – С. 145 – 170.
169. Макашина Л. П. Вокруг Суворина: Опыт литературно-политической биографии. – Екатеринбург: Типография «Викинг», 1999. – 194 с.
170. Миллер А. И. Национализм и империя. – М.: ОГИ, 2005. – 128 с.
171. Минаев А. И. Развитие британского парламентаризма и общественно-политическая мысль в России второй половины XIX – начала XX в в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1998. – 22 с.
172. Мохначева М. П. В. О. Ключевский и «Дело о разрешении журнала «Исторический вестник» // Ключевский. Сб. материалов. Вып. 1. – Пенза: Департамент культуры Пензенской обл., 1995. – С. 216 – 219.
173. Нарезный А. И. Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 54 с.
174. Остапенко Л. А. «Новое время» А. С. Суворина о партийной системе и опыте парламентаризма в России (1907-1912). – Н. Новгород: Нижегород. гуманитар. центр, 2000 – 67 с.
175. Подольская И. В. Алексей Сергеевич Суворин // Литературное обозрение. – 1999. – № 4. – С. 42 – 50.
176. Поршневу Г. И. Этюды по книжному делу. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. – 112 с.

177. Пустарнаков В. Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX – начала XX вв.: различия и сходства // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 11 – 29.
178. Репников А. В. «Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие...» (русские консерваторы о социальных проблемах начала XX в.) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Международной научной конференции в 2 ч. Кострома, Изд-во КГУ, 2010. Ч. 1. С. 60–66.
179. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007. – 520 с.
180. Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М.: Готика, 2006. – 424 с.
181. Репников А. В. М.О. Меньшиков о рабочем вопросе // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. М., 2002. – С.179–186.
182. Репников А. В. М.О. Меньшиков – возвращенное имя // Международный сборник научных трудов 1999. – Москва-Смоленск-Луганск, 1999. – С. 149 – 152.
183. Репников А. В. М.О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2010. – С. 93–100.
184. Репников А. В. Михаил Меньшиков: «Лишь бы жила Россия» // Край родной. – 2000. – №.27. – С.4.
185. Репников А. В. «Россия провалилась сквозь толщу столетий в каменный век» (Михаил Меньшиков о революции) // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Материалы XX Международной научно-теоретической конференции: Иваново, 24–26 сентября 2009 г. Иваново: Изд-во ИГУ, 2009. – С. 156 – 161.
186. Репников А.В. Русский консерватизм: фальсификации, ошибки, плагиат (историографический аспект проблемы) // Научное наследие А.Г. Кузьмина и отечественная история: Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая память народа и духовно-нравственные основы личности», посвященной памяти

- и 80-летию со дня рождения проф. А.Г. Кузьмина, 17–19 сентября 2008 г. Рязань: Изд-во Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина 2009. – С. 94 –113.
187. Репников А. В. Русский консерватизм и современное мифотворчество: историографический аспект проблемы // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2008. № 3. – С. 27 – 45.
188. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 472 с.
189. Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. – М.: РОССПЭН, 2000. – 399 с.
190. Санькова С. М. Всероссийский национальный союз // Истории русской провинции. –1999. – № 7 – 8. – С. 52 – 67.
191. Санькова С. М. П. А. Столыпин и Всероссийский национальный союз // Общественная мысль, движения и партии в России XIX-XX вв. Сборник научных статей / По материалам Третьей международной научной конференции 21 апреля 2000 г. в г. Брянске. – Брянск: Изд-во БГПУ, «КУРСИВ», 2000. – С. 45 – 47.
192. Санькова С. М. Всероссийский национальный союз и польский вопрос в III Государственной думе // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Выпуск 2. – Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 130 – 137.
193. Санькова С. М. К вопросу о создании объединенной фракции националистов и умеренно-правых в III Государственной думе // Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9: Страницы истории. – Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 152 – 160.
194. Санькова С. М. Лев Толстой и Михаил Меньшиков // Образование и общество. – 2001. – № 5. – С. 35 – 38.
195. Санькова С. М. Михаил Осипович Меньшиков – забытое имя в русской философии начала XX в. // Духовная культура России. – Орел: Изд-во ОГИИК, 2003. – С. 123 – 129.
196. Санькова С. М. Выявление основных составляющих российской национальной идеи на базе анализа ее развития в XIX – начале XX вв. // Национальная идея и национальная безопасность современной России: Материалы международной научно-практической интернет-конференции. – Орел: ОрелГТУ, 2003. – С. 198 – 202.
197. Санькова С. М. Век русского национализма // Россия в условиях трансформации. Историко-политологический семинар. Материалы. – М.: МГОУ, 2003. – С. 36 – 44.

198. Санькова С. М. Трансформация идей государственного национализма в России с начала XIX- по начало XX в.в. // Известия ОрелГТУ. Гуманитарные науки. – 2004. – № 1 – 2. – С. 50 – 54.
199. Санькова С. М. Манифест 17 октября 1905 г. и предпосылки возникновения партии русских националистов // Манифест 17 октября 1905 года и российская провинция: (К 100-летию парламентаризма в России): Материалы научно-практической конференции. – Орел: «Орлик», 2006. – С. 73 – 85.
200. Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза: Монография. – Орел: Изд-во С. Зениной, 2006. – 370 с.
201. Санькова С. М. Проблемы Русской Православной Церкви в России начала XX века в представлении М. О. Меньшикова и Всероссийского национального союза // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VI Международной научной конференции. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2007. – С. 119 – 126.
202. Санькова С. М. Право на праздность. Забастовочное движение в России в 1905 г. в оценке А. С. Суворина // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Международной научной конференции. В 2 ч. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. Ч. 1. – С. 198 – 208.
203. Санькова С. М. Всероссийский национальный союз // Русское самосознание. Философско-исторический журнал. – 2007. – № 13. – С. 9 – 25.
204. Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект: Монография. – СПб.: Нестор, 2007. – 300 с.
205. Санькова С. М. Народность как форма самосознания. Постановка проблемы // Герценовские чтения 2007. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных и учебно-методических трудов. – СПб.: РГПУ, 2008. – С. 57 – 59.
206. Санькова С. М. М. О. Меньшиков как выразитель идей государственного национализма начала XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы VII международ-

- ной научной конференции. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2008. – С. 283 – 288.
207. Санькова С. М. Российская бюрократия на рубеже XIX-XX вв. в оценке идеолога государственного национализма А. С. Суворина // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 29-30 мая 2008 г. – М.: РУДН, 2008. – С. 355 – 361.
208. Санькова С. М., Иванов А. А. Меньшиков Михаил Осипович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900 – 1917. – М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. – С. 320 – 323.
209. Санькова С. М. М. О. Меньшиков и дело Бейлиса: к вопросу о влиянии периодической печати на ход судебного процесса // История государства и права. – 2008. – № 19. – С. 21 – 23.
210. Санькова С. М. Российская монархия в представлении идеологов государственного национализма // Власть. – 2009. – № 2. – С. 102 – 105.
211. Сергеев С. М. Гражданин Суворин // Наш современник. – 2004. – № 11. – С. 126 – 135.
212. Сергеев С. М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М.: Скимень, 2004. – С. 5 – 20.
213. Сергеев С. М. А. С. Суворин как русский националист // Русская цивилизация – <http://www.rustrana.ru/print.php?nid=8573>.
214. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902 – 1907 гг. – Л.: Наука, 1981. – 256 с.
215. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907 – 1914 гг. – Л.: Наука, 1990. – 267 с.
216. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. – Л.: Наука, 1973. – 384 с.
217. Соломонова Т. А. А. С. Суворин и студенческая забастовка 1899 г. // Проблемы политологии и политической истории. В. 3. – Саратов, 1994. – С. 20 – 34.
218. Солоусов С. А. А. С. Сувориин и «Новое время» в Петербурге // Клио. – 1998. – № 2(5). – С. 270 – 275.
219. Стукалов П. Б. П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков о русской истории // Вестник Воронежского университета. Серия «История. Политология. Социология». – 2006. – № 2. – С. 86 – 95.

220. Стукалов П. Б. П. И. Ковалевский и М. О. Меньшиков о теоретических принципах и стратегии решения национального вопроса в российской империи // Страницы истории и историографии отечества. Сборник научных трудов. Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 145 – 169.
221. Стукалов П. Б. Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи Всероссийского национального союза. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. – Тамбов, 2009. 23 с.
222. Тютюкин С. В. Консерватизм многолик и «вечен» // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 130 – 133.
223. Филаткина Н. А. М. О. Меньшиков и Петербург (по страницам неопубликованных дневников) // Вестник архивиста. – 2003. – № 3 – 4. – С. 79 – 89.
224. Филиппова Т. А. Мудрость без рефлексии (консерватизм в политической жизни России) // Кентавр. – 1993. – № 6. – С. 49 – 60.
225. Хуторова Л. М. Алексей Сергеевич Суворин (1834-1912): судьба и взгляды. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. – Казань, 2001. – 19 с.
226. Шишкина Т. А. А. С. Суворин и революционно-демократическое движение в России 1860-1870-х гг. // Освободительное движение в России. Выпуск № 18. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. – С. 110 – 117.
227. Шишкина Т.А. Общественно-политические взгляды А.С. Суворина: 1860 – 1870-е годы. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. – Саратов, 1997. – 24 с.
228. Шлемин П. И. Авторитаризм и либерализм в России (русская идея М. О. Меньшикова) // Политическая наука в России: история, современность, модели будущего. – М.: ИНИОН, 1994. – С. 81 – 123.
229. Шлемин П. И. М. О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911 – 1912) // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). – М.: ИНИОН, 1995. С. 113 – 156.
230. Шлемин П. И. Между войной и революцией: Россия 1911 – 1912 гг. в публицистике М. О. Меньшикова // Политическая наука. (Теория. Ретроспективные исследования). – М.: ИНИОН, 1995. – С. 157 – 207.

231. Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. Монография. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 212 с.
232. Шлемин П. И. Национальные отношения и права человека в России. (Диалоги с М.О. Меньшиковым, 1906-1908) // Россия и современный мир. – 1995. – № 1. – С. 134 – 145.
233. Шлемин П.И. Права человека в современном мире. Национальные отношения и права человека в России (диалоги с М.О. Меньшиковым, 1906-1908). – М.: ИНИОН РАН, 1993. – 32 с.
234. Шмигельская М. А. М. Н. Катков – редактор-издатель «Русского вестника» (50-60-е гг. XIX в.) // Проблемы философии, истории, культуры. – Саратов: СГТУ, 1996. – С. 36 – 41.
235. Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825 – 1921. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1999. – 368с.

Работы по литературоведению и истории журналистики

236. Азарина Л. Е. Литературная позиция А.С. Суворина. Диссертация... кандидата филологических наук. – М., 2008. – 203 с.
237. Аксенова Г. «Жизнь патриарха Никона» А. С. Суворина // Русский исторический роман: Традиции и перспективы. – Арзамас, 2005. – С. 46 – 72.
238. Белоусова Е. В. Л. Н. Толстой и толстовцы в оценке М. О. Меньшикова // Родное и вселенское. К 60-летию Н. Н. Лисового. – М.: Издание паломнического центра Московского патриархата, 2006. – С. 43 – 50.
239. Бушканец Е. Г. Воспоминания Суворина о Некрасове как историко-литературный источник // Филологические этюды. Сер. Русская литература. Вып. 2. – Ростов н/Д., 1974. – С. 110 – 118.
240. Бычкова Е. «Вы интересный человек» // Мелихово. Альманах. – Чехов: Мелихово, 2003. – С. 90 – 110.
241. Ганичева М. В. «Дорогой друг Алексей Сергеевич...» (Суворин и русские писатели) // Бежин луг. – 1994. – № 2. – С. 151 – 175.
242. Ганичева М. В. Российский издатель Алексей Суворин. <http://www.portal-slovo.ru/history/35472.php>. Православный образовательный портал «Слово».
243. Есин Б. И. История русской журналистики (1703-1917). – М.: Наука, 2000. – 464 с.

244. Есин Б. И. К характеристике А. С. Суворина в канун приобретения газеты «Новое время» // Вестник МГУ. Серия журналистика. – 1996. – № 1. – С. 84 – 86.
245. Есин Б. И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 160 с.
246. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. – 88 с.
247. Есин Б.И. Русская легальная пресса кон. XIX - XX вв. // Из истории русской журналистики кон. XIX – XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – С. 3 – 30.
248. Казакова Н. Ю. В. В. Розанов и газета А. С. Суворина «Новое время». Автореф. дис... канд. филолог. наук. – М., 2000. – 24 с.
249. Калугин В. Письма к ближним // Слово. – 1991. – № 9. – С. 49.
250. Краснов Г. В. Из записок Суворина о Некрасове // Прометей. – 1969. – Т. 7. – С. 285 – 291.
251. Краснов Г. В. «Творит словом, разговором, мыслью...»: Лев Толстой в неопубликованной переписке А. С. Суворина с В. В. Стасовым // Наш современник. – 1978. – № 9. – С. 183 – 188.
252. Крижановский Н.И. Некоторые особенности литературных воззрений М.О. Меньшикова // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии в изменяющейся России: материалы IV Международной научно-практической конференции. Армавир, Изд-во АГПУ, 2005. Ч. 1. – С. 128 – 136.
253. Крижановский Н.И. Родоначальник украинского сепаратизма: М.О. Меньшиков и Т.Г. Шевченко // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии в изменяющейся России: материалы V Международной научно-практической конференции. Армавир, Изд-во АГПУ, 2006. Ч. 1. – С. 133 – 137.
254. Кузичева А. П. Художественный метод Пушкина: 1830-е годы. Чехов в споре с Сувориным // Пушкин в мире искусств: Материалы научной конференции. – М.: б/и, 2000. – С. 19 – 30.
255. Ласунский О. Г. И. С. Никитин и молодой А. С. Суворин // «Я Руси сын». – Воронеж: Центр-чернозем. Книжное Изд-во, 1974. – С. 45 – 61.
256. Лукашевич А. А. К истории полемики о «наследстве 60-х годов» (Литературная критика газеты «Неделя» и «Книжек "Недели"» в 1880-90-е годы) // Филологические этюды: Сб. ст. молодых уче-

- ных. Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – С. 66-69.
257. М. Л. Суворин // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 11. – М.: Художественная литература, 1939. – Стб. 99 – 100.
258. Майорова О. Е. К истории жизненного диалога. Из переписки Лескова с Сувориным // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 4. – С. 78 – 101.
259. Махонина С. Я. 1917 год и русская журналистика // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 6. – С. 71 – 87.
260. Махонина С. Я. А. С. Суворин – портрет на фоне новых книг о нем // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика: Научный журнал. – 2001. – № 2. – С. 108 – 126.
261. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в.: Учеб. Пособие. Изд. 2-е. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 238 с.
262. Мелкова А. С. Чехов в зеркале критических очерков Меньшикова // Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: переписка, дневники, воспоминания, статьи / Сост. А. С. Мелкова. – М.: Русский путь, 2005. – 475 с.
263. Мироманов Т. Г. «Милостивый государь, Алексей Сергеевич...» // Вестник Сахалинского музея. – 1995. – № 1. – С. 168 – 173.
264. Ным Е. О литературной позиции А. С. Суворина // Русская филология. 10. Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Тартуский университет, 1999. – С. 79 – 86.
265. Рейтблат А. «Котел фельетонных объедков». Случай с М. О. Меньшиковым // Неприкосновенный запас. – 1999. – № 2(4). – С. 4 – 8
266. Рейфман П. С. Запрещенная книга А. С. Суворина // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 251. – Тарту, 1970. – С. 352 – 357.
267. Рейфман П.С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Тарту, 1972. – 47 с.
268. Родионова Т. С. Русская общественно-политическая газета в преддверии открытия первой Государственной думы // Из века в век. К 300-летию отечественной печати. 1702 – 2002. – М.: Б. и., 2002. – С. 156 – 169.

269. Роскина Н. Об одной старой публикации // Вопросы литературы. – 1968. – № 6. – С. 250 – 253.
270. Смирнов Ю. А. П. Чехов и А. С. Суворин в Максатике. // Тверская старина. – 1994. – № 4. – С. 83 – 85.
271. Соловьева И. Н., Шитова В. В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. – 1977. – № 2. – С. 162 – 199.
272. Соломонова Т. А. Опальное сочинение // Филологические записки. – Вып. 6. – Воронеж: Б. и, 1996. – С. 220 – 226.
273. Сохряков Ю. И. Работа совести. (Национальная идея в публицистике М. О. Меньшикова) // Сохряков Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. – М.: Наследие, 2000. – С. 170 – 178.
274. Турков А. М. А. П. Чехов и его время. 2-е изд. – М.: Советская Россия, 1987. – 528 с.
275. Хуторова Л. М. Л. Н. Толстой и А. С. Суворин: из истории взаимоотношений // Молодой Л. Н. Толстой. Сборник докладов Всероссийской научной конференции. Казань: Казанский университет, 2001. Электронная версия издания: http://www.ksu.ru/miku/info/sob/konf_tolstoi/index/htm
276. Юниверг Л. И. Библиотека А. С. Суворина // Альманах библиофила. – М.: Книга, 1990. Вып. 27. – С. 91 – 102.
277. Юниверг Л. И. Жизнь и судьба Алексея Суворина // Иерусалимский библиофил. Альманах. – № 1. – Иерусалим: «Филобиблион», 1999. – С. 313 – 319.
278. Юниверг Л. И. Книжный бум со взломом // В мире книг. – 1974. – № 6. – С. 96.

Современная публицистика

279. Алехин. Ю. К живым адресатам // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 432 – 449.
280. Анненский Л. Читать некогда // Аргументы и факты. – 1992. – № 25. – С. 3
281. Белякова И. А. «Предан всей душой пользе отечества...». Об Алексее Суворине и «Новом времени» по «Дневнику издателя // Сибирь. – 2001. – № 5. – С. 207 – 212.
282. Гончаров С. Голубь выше сокола // Москва. – 1993. – № 6. – С. 176 – 180.

283. Гумеров А. А., Поспелов М. Б. Меньшиков // Образ. – 1995. – № 3. – С. 139 – 148.
284. Гумеров А. А. Меньшиков Михаил Осипович // Русские писатели . 1800 – 1917. Биографический словарь. – Т. 4. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 13 – 16;
285. Каграманов Ю. В. Меньшиков столетие спустя // Посев. – 2000. – № 12. – С. 17 – 20.
286. Климаков Ю. В. Человек тысячи и одного таланта. Писатель, журналист и книгоиздатель А. С. Суворин // Библиография. – 1995. – № 5. – С. 66 – 75.
287. Климаков Ю. В. Государственный муж // Встреча. Культурно-просветительская работа. – 1999. – № 9. – С. 23 – 25.
288. Лазарев В. Я. Великий публицист. Миф и сущность // Литературная Россия. – 1988. – № 30. – 27 июля. – С. 12.
289. Лазарев В. Я. Слово М. О. Меньшикова в конце XX века // Наше наследие. – 1997. – № 42. – С. 56 – 57.
290. Лазарев В. Я. Слово М. О. Меньшикова в конце XX века. Образ высокого здравомыслия // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 450 – 455.
291. Мученики за Веру и Отечество: М. Меньшиков, Н. Гумилев, С. Есенин, И. Тальков, Ю. Липатников. – Москва: Граница, 2006. – 235 с.
292. Поспелов М. Б. Михаил Осипович Меньшиков // Вестник Архивиста. – 1999. – № 4 – 5. – С. 273 – 276.
293. Поспелов М. Б. От составителя // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – С. 3 – 14.
294. Поспелов М. Б., Лисовой Н. Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 411 – 431.
295. Распутин В. Е. На круги своя // Меньшиков М. О. Выше свободы: Статьи о России. – М.: Современный писатель, 1998. – С. 7 – 16.
296. Юдин В. Личность мужественная и трагическая (М. О. Меньшиков) // Дон. – 2001. – № 9 – 12. – С. 196 – 199.

Справочные издания

297. Алексеева В. А. Национализм // Социальная философия: словарь. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 263 – 264.

298. Афанасьев Н. И. Алексей Сергеевич Суворин // Современники. Альбом биографий. Т. 1. – СПб., 1909. – С. 281 – 287.
299. Афанасьев Н. И. Меньшиков Михаил Осипович // Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. Т. 1. – СПб.: Б. и., 1909. – С. 173 – 175.
300. Венгеров С. А. Суворин Алексей Сергеевич // Энциклопедический словарь. Т. XXVIII. – СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1895. С. 223 – 224.
301. Д. З. [Заславский Д. О.] Меньшиков // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 7. – М.: Советская энциклопедия, 1934. – Стб. 190 – 191.
302. Козлов В. И. Национализм // Российская социологическая энциклопедия. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА · М, 1998. – С. 313.
303. Коцюбинский Д. А. Всероссийский национальный союз // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 135 – 137.
304. Национализм // Современный словарь по общественным наукам. – М.: Эксмо, 2005. – С. 274.
305. Национализм // Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред и сост.: Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – С. 195 – 197.
306. Национализм // Словарь исторических терминов. Составитель В. С. Симаков. Под общей редакцией доктора исторических наук проф. А. П. Крюковских. – СПб.: «Лита», 1998. С. 183 – 184.
307. Ромов Р. Б. «Новое время» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Журавлев, Отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 351 – 352.
308. Ромов Р. Б. Суворин Алексей Сергеевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Журавлев, Отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 523 – 524.
309. Роскина Н. А. Сувориин Алексей Сергеевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. – М: Советская энциклопедия, 1972. – Стб. 243 – 244.
310. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев, Отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – 640 с.

311. Смолин М. Б. Меньшиков Михаил Осипович // Энциклопедия имперской традиции русской мысли. – М.: Имперская традиция, 2005. – С. 276 – 281.
312. Суворин Алекс. Серг. // «Словарь исторический» печатается по изданию: «Словарь исторический и социально-политический» (под ред. В. В. Битнера). – СПб., 1906 г. – М.: «Остожье», 1999. В 2-х т. Т. 2. С. 396.
313. Суворин Алексей Сергеевич // Большая Советская энциклопедия: В 30 т. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978. Т. 25. – С. 26.
314. Тишков А. В. Национализм // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – С. 39 – 41.
315. Тишков А. В. Национализм // Политическая энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 1999. С. 27 – 29.
316. Шлемин П. И. Меньшиков Михаил Осипович // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. / Отв. ред. В.В. Журавлев, Отв. секр. А.В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 286 – 288.

Зарубежные работы

317. Ambler E. K. A. S. Suvorin: From Nihilist to Mrakubes, 1861 – 1881. – Doctoral Dissertation. – Indiana University, 1968. – 260 p.
318. Ambler E. K. Russland journalism and politics. The career of A. S. Suvorin. 1861 – 1881. – Detroit: Wayne Stat University Press, 1972. – 239 p.
319. Kipp J.W., Lincoln W.B. Autocracy and reform: bureaucratic absolutism and political modernization in nineteenth century Russia // Russian century. – 1979. – Vol. 6. – Part 1. – P. 12 – 19.
320. Pipes R. Russian conservatism in the second half of the nineteenth century // Slavic review. – 1971. – Vol.30. – N1. – P. 43 – 58.
321. Thaden Edward C. Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia. – Seattle University of Washington Press, 1964. – P. 38 – 59.
322. Weeks T.R. Nation and State in late imperial Russia. Nationalism and russification on the Western Frontier, 1863-1914. – Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1996. – 297 с.
323. Биллингтон Д. Россия в поисках себя / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2005. – 224 с.
324. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историо-

- графии. Работы последних лет: Антология. Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М.: Новое Изд-во, 2005. – С. 395 – 435.
325. Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. – М.: Текст, 1994. – 431 с.
326. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 124 с.
327. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века. – М.: Наука, 1970. – 10 с.
328. Рейфилд Д. Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона. – 1999. – № 11. <http://socarchive.narod.ru/infochan/person/n11/1121.htm>
329. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое Изд-во, 2005. – С. 436 – 471.
330. Слокум Д. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое Изд-во, 2005. – С. 502 – 531.
331. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филлипова и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
332. Уортман Р. С. Изобретение традиции в репрезентации российской монархии / Авторизированный пер. с англ М. Долбилова // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 32 – 41.
333. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. От Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.
334. Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.: Новое Изд-во, 2005. – С. 18 – 47.
335. Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. – Ростон н/Дону: Изд-во Феникс, 1999. – 544 с.
336. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917) / Пер. с англ. С. Н. Самуйлова. – Смоленск: «Русич», 2000. – 512 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

А. С. СУВОРИН И М. О. МЕНЬШИКОВ КАК ИДЕОЛОГИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА.....	4
ЧАСТЬ I. АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СУВОРИН.....	19
Биографический очерк.....	19
Глава 1. Личность А. С. Суворина в свете историографии.....	27
Глава 2. Политический «флюгер».....	41
Глава 3. «Фабрика общественного мнения».....	64
Глава 4. Суворин-охранитель в оценках историографии.....	81
Глава 5. Историографические представления о Суворине-националисте.....	95
ЧАСТЬ II. МИХАИЛ ОСИПОВИЧ МЕНЬШИКОВ.....	113
Биографический очерк.....	113
Глава 1. Образ М. О. Меньшикова-публициста в отечественной историографии.....	125
Глава 2. Мировоззренческий дрейф М.О. Меньшикова в свете историографии.....	143
Глава 3. Историография позиции М. О. Меньшикова по ос- новным социально-политическим вопросам.....	163
Глава 4. Историографические представления о партийно- идеологических взглядах М. О. Меньшикова.....	176
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	193
БИБЛИОГРАФИЯ.....	199

Научное издание

Санькова Светлана Михайловна

**ДВА ЛИЦА «НОВОГО ВРЕМЕНИ».
А. С. СУВОРИН И М. О. МЕНЬШИКОВ
В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ.**

Монография

Печатается в авторской редакции
Технический редактор А. А. Шевченко

Федеральное государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Государственный университет –
Учебно-научно-производственный комплекс»
Лицензия ИД №00670 от 05.01.2000 г.

Подписано к печати 04.04.2011 г. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 14,1 Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
На полиграфической базе ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК»,
302030, г. Орел, ул. Московская, 65.